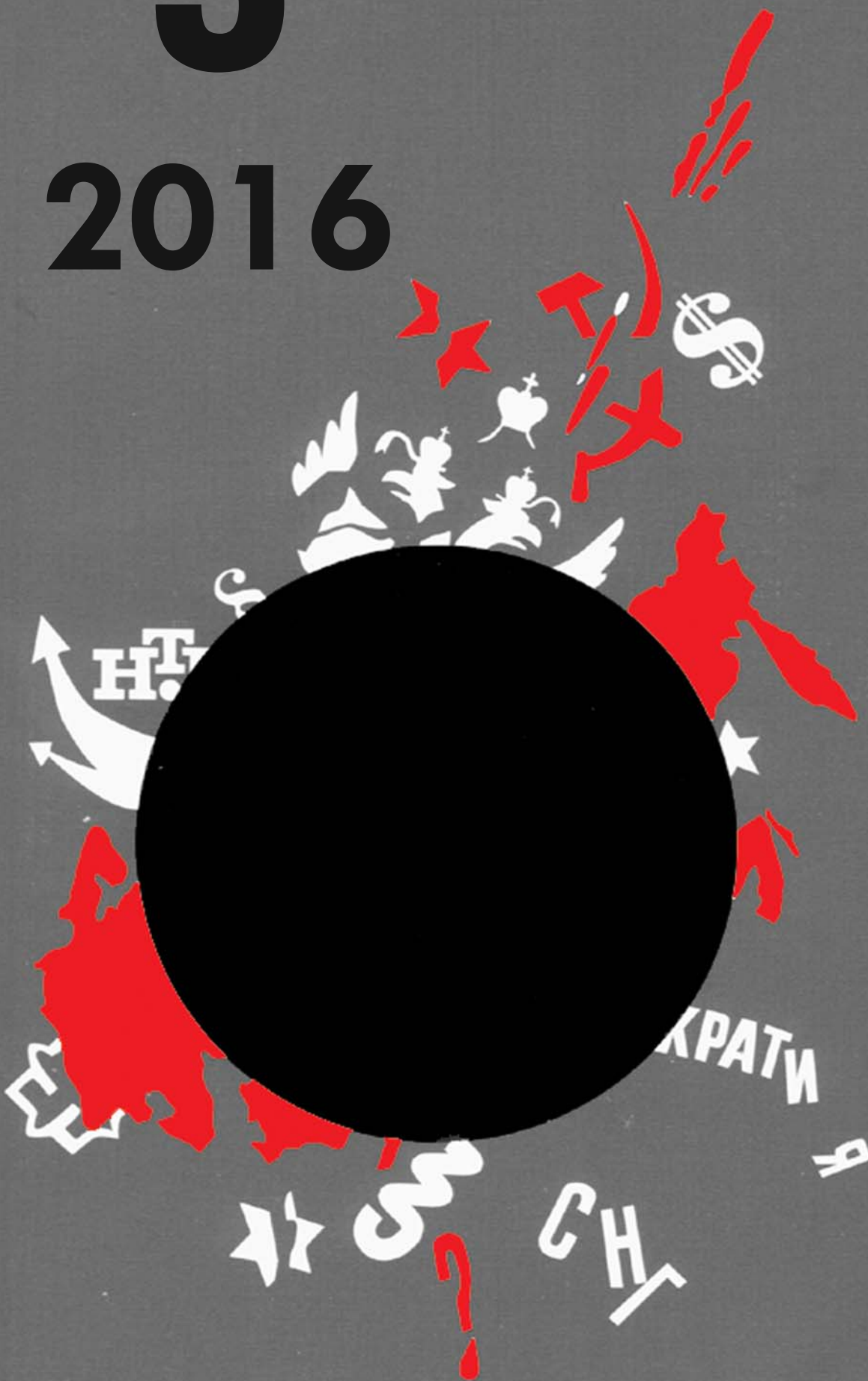


3

2016



РОССИЯ XXI

3.2016 май-июнь



Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Железом и кровью. Конфликт во времени
и пространстве _____ 6



Ярлыки и мифы

Валерий Журавлев

Первая Государственная дума как «зеркало
русской революции». К 110-летию рождения
и гибели _____ 30



Европейские параллели

Святослав Гриценко

Прогерманские взгляды короля Оскара II
как фактор политической жизни Швеции _ 66



Страницы истории

Владимир Дегоев

Дипломатия Петра I
на заключительном этапе
русско-турецкой войны 1686–
1700 годов. Часть III _____ **78**

Жорес Медведев

Перестройка до основания
(продолжение) _____ **104**



Актуальный архив

Елена Мяжкова

Бесы, игроки и мечтатели.
Часть III _____ **130**

Нина Хайлова

«Один из последних могижан...
[18]70-х годов» либерал-центрист
А.С.Посников _____ **150**

Владимир Печатнов

Эхо Фултонской речи Черчилля
(по новым документам) _____ **170**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН, преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность – на русском и английском, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи (на русском и английском языках).

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами) (на русском и английском языках).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова (на русском и английском языках).

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

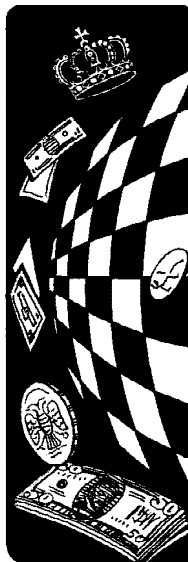
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

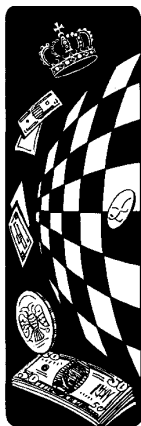
Своими свидетельствами очевидцы должны подтвердить это самое большое преступление в истории. Я оттолкнул от себя все препятствия и решил рассказать о всех событиях, с которыми я столкнулся.

Генри Моргентау

**Тот, кто не смотрит вперед,
оказывается позади.**

Джордж Герберт





Сергей Кургинян

ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

**КОНФЛИКТ ВО ВРЕМЕНИ
И ПРОСТРАНСТВЕ**



УДК
327
94(479.25)

Статья посвящена новой геополитической реальности, которая в полной мере определяет сейчас ситуацию на постсоветском пространстве. Речь идет о новой роли Турции и других соседей России в той конфигурации, которая представляет собой очередную опасность и может перелицевать всю политику на Востоке. Автор обращается и к острой болезненной теме турецко-армянских и турецко-азербайджанских отношений, оценивает те вызовы, которые брошены России в современном дипломатическом и военно-политическом контексте.

The article is devoted to the new geopolitical reality which to the full extent defines now the situation all over the post-Soviet expanse. The author considers the new role Turkey and other neighbors of Russia in the configuration that presents the latest threat and can change traditional roles these states perform in the East. The author addresses also the painful and hot theme of relations between Turkey and Armenia and between Turkey and Azerbaijan and appraises the challenges tossed to Russia in the present-day diplomatic and military-political context.

Ключевые слова: Россия; Турция; кемализм; неоосманизм; НАТО; карабахский конфликт; военный блок; геноцид; война.

Key words: Russia; Turkey; Kemalism ; Neo-Ottomanism ; NATO; Karabakh conflict ; military bloc ; genocide; war.

E-mail: ecc@ecc.ru

ТЮРКСКИЙ МИР

Мне бы хотелось, прежде всего, ознакомить читателей с некоторыми текстами, с тем, чтобы не было ощущения, что некие политические угрозы на самом деле существуют

только в нашем воображении и произвольно вытекают из каких-то умозаключений. В политике очень трудно оперировать умозаключениями, и иногда ты даже догадываешься о том, что происходит, и в какой степени этот процесс является регулируемым, но ты не можешь по этому поводу ничего сказать конкретно. И тогда лучше вообще ничего не говорить.

18 сентября 2006 года.

«Тюркский мир станет центром и отправным пунктом основных событий мировой политики. Того требует географическое и историческое наследие наших стран... – заявил, выступая на 10-м съезде тюркоязычных государств, премьер-министр Турции Реджеб Тайиб Эрдоган». По его словам, «на сегодняшний день тюркоязычный мир как со стратегической и экономической, так и с культурной точек зрения охватывает огромное пространство. ... "Мы должны знать, что у нас есть всего два выбора. Мы будем или центром мировых событий, или же одной из многих фигур. Может быть, у других стран есть третий выбор. Однако у нас его нет. Нет сомнений, что основные мировые события разворачиваются именно на нашей географии", – заключил Р.Эрдоган» [9].

Эрдоган заявляет о том, что есть некий единый тюркский мир? Что он будет центром и отправным пунктом основных событий мировой политики. И что этого требует не только географическое, но и «историческое наследие наших стран».

О каком историческом наследии идет речь? Оно же не может быть абстрактно. Это Османская империя? Это все те тюркские великие завоевательные операции, которые предшествовали Османской империи? Т.е. это в каком-то смысле и Чингис-хан, и Батый, и Тимур и так далее? Это ведь тоже тюркский мир, в широком смысле этого слова.

А ведь в этот тюркский мир, например, входит Якутия, которая не является страной исламского мира. Или Бурятия, которая тоже не является страной исламского мира. А также Монголия, Удмуртия, да и вообще финно-угорская группа (по этой логике даже Венгрия). Это тоже часть огромного тюркского мира¹. Причем страны, входящие в тюрк-

¹ Промежуточное положение антропологического типа большинства финно-угорских народов между представителями европеоидной и монголоидной рас говорит о том, что

ский мир, далеко не так сильно тяготеют друг к другу. Чтобы сделать такой интегратор сильным, его нужно сильно накалять...

«Тюркский мир будет и в дальнейшем осуществлять шаги, направленные на решение проблемы Кипра и **Нагорного Карабаха**. Необходимо предпринимать совместные шаги в вопросах Кипра и Нагорного Карабаха» [8].

Т.е. Якутия должна тоже предпринимать шаги в отношении того, что касается Нагорного Карабаха? А каким образом тюркский мир это будет делать?

«Сегодня уже нет преград (это информация уже **2007 года**. – С.К.) и препятствий, разделяющих тюркские народы и страны. Мы должны использовать эту историческую возможность, которая определит наше совместное будущее и общие цели», – заявил премьер-министр Турции Эрдоган, выступая на открытии XI съезда тюркских народов.

Эрдоган прокомментировал последние события на Ближнем Востоке, сказав, что необходимо сделать выводы из происходящего в регионе и, в частности, в Ираке. Он также обратил внимание участников съезда на ситуацию в Нагорном Карабахе, в Северном Кипре, на положение тюркской общины на Балканах» [6].

Но если нужно использовать историческое наследие для того, чтобы разворачивать судьбу тюркской общины на Балканах, то понятно, что это запрос с весьма далеко идущими следствиями. Потому что когда-то Балканы были просто тюркскими.

«Эрдоган выступил с предложением координации внешней политики тюркских государств».

Координации внешней политики Якутии, Монголии, и... я не знаю чего. Удмуртии?

«По его мнению, такая политика будет в полной мере защищать интересы тюркских народов как на международной арене, так и в международных организациях» [6].

Т.е. защита интересов тюркских народов делегируется уже какому-то международному органу, а не тому реальному государству, в которое эти народы входят? Интересы бурятского народа кто должен защищать? Их должен защищать некий внешнеполитический орган? Или их должно защищать государство под названием Российская Федерация? А если внешнеполитический орган начнет защищать их от государства под

население, составлявшее ядро финно-угорской языковой общности, сформировалось на территории, расположенной между ареалами европеоидов и монголоидов.

ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

названием Российская Федерация? Скажем, от «русского притеснения» великого тюркского конгломерата?

«Премьер-министр выступил также с предложением о написании совместной истории тюркских государств и народностей. (Этого сколько угодно! Ради Бога! Развитие культуры, совместная история... Все, что хотите. – С.К.)

Он также предложил создание (а это уже совсем другое. – С.К.) постоянно действующего секретариата глав тюркских государств. Данная структура должна определить предстоящие задачи государств. "Я говорю это потому, что тюркские народы могут (внимание! – С.К.) реализовать планы, о которых другие даже не мечтают. Это даст нам возможность построить наше совместное будущее", – сказал Эрдоган, сообщает агентство TURAN» [6].

Я цитирую азербайджано-исламские новости. А не клевету враждебных Азербайджану и Турции государств.

Примечательно название следующей публикации «Посланием султана Сулеймана Великолепного Эрдоган напомнил Саркози о положении Франции» [4].

«Событие произошло в 1526 году после оккупации Франции, когда османский халиф султан Сулейман Великолепный написал письмо пленённому французскому королю Франциску I.

"Я, великий султан, хакан всех хаканов, коронуемый королей, являюсь земной тенью Аллаха, мое копье пылает огнём, меч мой приносит победу, падишах и султан огромных территорий, которые завоевали наши деды в Средиземноморье, Черном море, Анатолии, Карамане, Сивасе, Зуль-Кадерии, Диарбакыре, Курдистане, Азербайджане, Аджеме, Шаме (Дамаск), Халебе, Египте, Мекке, Медине, Иерусалиме, Аравии и Йемене – султан Сулейман хан. А вы, король Франции, Франциск, посылая письмо к моим воротам, которые являются приютом королей, вы оповестили нас о вашем пленении и заключении под стражу, так как ваша страна была подвержена оккупации. Чтобы спастись от этого положения, вы взываете ко мне о помощи. Пусть ваши души будут спокойными, не отчаивайтесь. Будет только то, что предписал Аллах. Вы узнаете у своего посла то, что вам необходимо будет сделать"».

Это развернутый текст главы государства, живущего в XXI веке – текст датирован **2012 годом**. Это не историческая хроника. Это политическая полемика, в которой возникает Сулейман Великолепный. «И вы, дрожавшие у крепостных ворот вашей Вены, помните, что предписал

Аллах, и где вы должны будете быть. И шлите нам гонцов, пусть стоят на коленях и ждут ответа у Стамбула». Вот что говорится фактически.

Я не припомню, чтобы наши государственные лидеры вдруг к шведам обращались с подобными посланиями. Или к полякам. Но это имеет и конкретные эквиваленты.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

17 ноября 2013 года.

Премьер-министр Турции Эрдоган на совместной с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым пресс-конференции заявил о решимости Анкары урегулировать нагорно-карабахский конфликт. После заседания двустороннего Совета стратегического сотрудничества на высоком уровне в Анкаре он заявил: «Проблема Нагорного Карабаха – относится не только к Азербайджану, но и ко всему тюркскому и исламскому миру» [1].

Нынешние двусторонние отношения Эрдоган назвал «замечательными», заверив, что Турция по-прежнему безоговорочно поддерживает Азербайджан. «Турция всегда будет поддерживать Азербайджан во всех вопросах» – это слова оппозиционного турецкого политика [10]. Алиев выразил удовлетворенность позицией Турции.

Нагорный Карабах – тяжелейшая проблема. Я находился в Баку в момент, когда все это разворачивалось. Видел там миллионные митинги в конце 80-х годов. Находился в Нагорном Карабахе у Вольского². Разговаривал и с армянами, и с азербайджанцами. Был в Ереване. Достаточно подробно мониторил эту ситуацию, и это изложено, в частности, в книге «Актуальный архив» [2], где есть моя аналитическая записка по результатам всех этих поездок. Я предлагал введение одновременного военного положения на территории всех республик, арест основных криминальных лидеров, восстановление равновесия в отношениях между этносами, проживающими на территории, и т.д. И давал прогноз, что будет в противном случае.

Все это напечатано. Я все это там видел. Впечатления тяжелейшие. Страдали оба народа. Невозможно было сохранить внутреннее спокойствие. Душа разрывалась. Еще там были землетрясения. Они задели армянские и азербайджанские семьи. Их невозможно различить. Разбитые мотыгами пальцы, небритые лица, растерянные глаза людей, кото-

² Вольский Аркадий Иванович возглавлял Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной области.

ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

рые не понимали, куда их гонят, что происходит, что это за ужас. Голыми, босыми сгонялись сотни тысяч людей, формировались первые чудовищные лагеря беженцев, которые потом привели к тому, что есть.

Но помимо этих открытых наблюдений у меня были наблюдения закрытые, касавшиеся предоставленных мне оперативных съемок. На тот момент я был делегирован в зону конфликта Центральным Комитетом КПСС.

Все началось с резни в Сумгаите, где азербайджанцы начали уничтожать армян. В ответ на резню начались все крики. Исходный пункт состоял в том, что если раньше Советский Союз и советское руководство, партийное и государственное, полностью гарантировало все проживавшие на этих территориях народы от каких-то подобных эксцессов, то теперь эти народы поняли, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Что никто их защищать не собирается по настоящему.

После этого Сумгаита нужно было просто расстрелять человек 40 зачинщиков и всё. Советское государство и советская правоохранительная система еще вполне готовы были это сделать. Но Горбачев начал уже сворачивать государственность. Это означало, что государство уже не гарантирует безопасность. Люди должны защищать себя сами. Они все с обеих сторон схватили автоматы в руки, те и другие. Естественно, хватали наиболее активные – люди, которые привыкли пользоваться оружием и имели его в своем распоряжении, а это криминальные и субкриминальные сегменты тех или иных обществ. Это касается всех конфликтов на свете.

Вообще любой человек, вписанный в криминальный и субкриминальный мир, всегда понимает, что его безопасность определяется наличием оружия и готовностью его применить правильно. В отличие от законопослушного гражданина. Включились сразу соответствующие группы населения. Просто потому, что они включаются более активно, – это раз. И вторая причина была в том, что они тоже люди, у которых семьи. Они все помнят про резню, им рассказывали много всего. Деды, прадеды, отцы, матери. У них это все живое.

Межнациональные конфликты – это очень просто все делается «на раз». Живая память, племенная рознь, воспоминания об этом: запомни, сынок, как его убили!

Это не вопрос каких-то высоких идей. Это вопрос безопасности близких, семейные чувства и все прочее, что в криминальной и субкриминальной среде очень хорошо развито (если это не классика воров в

законе, когда воры в законе не имеют права иметь семьи, но это уже очень старые правила, не имеющие никакого отношения к той жизни, которую я описываю).

Итак, это было сразу взято с двух сторон, и оно заработало понемногу. Потому что оживили память. Но началом всего был Сумгаит. Когда просто надо было тут же расстрелять тех, кто развязал резню. И всё бы остыло. Теперь это ясно и без просмотра оперативных пленок. А вот для того, чтобы посмотреть оперативные пленки и что-то выявить, надо было понять, кто конкретно играет в футбол отрубленными армянскими головами. То, что играют, – понятно. Кто конкретно этим футболом занимается? Выпущенные из тюрем азербайджанские преступники? Какие-то нанятые бандиты? Кто?

Этим футболом занимались люди, никакого отношения к армянам и азербайджанцам не имеющие. Это была частная структура Гэри Беста, одного из людей, которые занимались продажей наркотиков за рубеж в рамках американской операции финансирования войны в Афганистане и предыдущих войн – в Бирме и т.д. Один из учеников крупного оперативника ЦРУ Теодора Шекли, который первым начал продавать наркотики, менять наркотики на оружие и прочее в конце 40-х – начале 50-х годов XX века. Т.е. это была частная военная компания или, например, просто нанятое подразделение, которое вообще не имело никакого отношения ни к армянам, ни к азербайджанцам. И об этом говорили не рассказы, не сплетни, об этом говорила оперативная съемка.

Ее, что, нельзя было показать? Нельзя было подробно рассказать, что именно происходит? Но это означало ухудшить отношения с американцами, обнаружить американский след, пусть даже в виде частных военных компаний, что для Горбачева было абсолютно неприемлемо. Соответственно вся информация была спрятана. Она не вышла на нашем телевидении. Сейчас что-то выходит, сейчас другая ситуация. Тогда – нет, всё, молчок. Есть одно телевидение, государственное, и оно свирепо регулируется ЦК КПСС. Только пикни! Вылетишь с волчьим билетом.

Все корни этого конфликта, источники его были сразу спрятаны. При этом такого рода перформансы, кровавые спектакли, исполнялись очень часто самыми разными частными военными структурами, наиболее профессионально это всегда выполняли войска британской спецслужбы SAS.

В Африке, в Юго-Восточной Азии, где угодно, особенно в Африке, это привычная вещь. Врываются какие-то люди, осуществляют любую

ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ

резню. В ней обвиняется одно из племен. Другое племя начинает резать это племя. Кровь есть – поехали. Это можно «качать» бесконечно.

Либо игрокам нужно остановить какой-то трафик. Либо нужно проложить какой-то трафик. Либо нужно подешевле взять сырье у какого-нибудь племени, которое «выпендривается» и хочет, чтобы это сырье было дороже. А когда конфликт создан, племени нужно оружие, автоматы и т.д., и оно готово обменять все на порошок, потому что денег нет. Бывает, что не порошок, не наркотики, а алмазы. Есть даже термин «кровавые алмазы». Это практика, быт. Люди соответствующей профессии занимаются этим, не выходя из состояния внутреннего равновесия.

На нашей территории такое впервые было осуществлено в Сумгаите и не было сразу же погашено. Два народа схватились за имеющиеся у них ресурсы самозащиты. Взаимные испуги. Взаимные опасения. Взаимное глубочайшее недоверие. Взаимный страх и взаимная историческая память о трагедии.

Гарантии безопасности со стороны государства не было уже в позднем СССР. Стояли войска в Карабахе. Но лучше бы они не стояли. Они бездействовали. Страсти кипели. КПСС делала одну ошибку за другой. Отдельные высокие представители КПСС приезжали в Ереван и говорили: «Ну что вы, два братских мусульманских (именно так они говорили – С.К.) народа, армяне и азербайджанцы, не можете что ли договориться друг с другом?» Наши разные политические фигуранты по очереди обещали помощь то армянам, то азербайджанцам. Возникали надежды, потом эти надежды обманывали.

А главное, политический центр, союзный центр бездействовал. Нужно было вскрыть подоплеку и по-настоящему применить силу. Тогда еще это можно было бы сделать. Вот и все. Было бессилие. Вот эта неспособность вмешаться. Отсутствие правды – международной – на счет того, кто это реально организовывал.

Единый армяно-азербайджанский криминальный консорциум в целом заработал сумасшедшие деньги. Потому что зарабатывались они на каждом сгоне с земель сотен тысяч людей. Дома, коровы, сено, фрукты, овощи – все, что существует в хозяйстве бегущего беженца, который продает свое добро за абсолютную дешевку, или которого заставляют подписать бумагу, что он получил деньги. Это сотни тысяч людей, которые дальше бегут голые и босые, пряча последние какие-нибудь драгоценности, к пропускным пунктам на чужой территории. На пропускных пунктах вырывают у женщин серьги из ушей. Я все это видел. Это все запротоколировано. Ищут соответствующим способом, отнимают

последнее – спрятанные как-то золотые кольца и все остальное. И дальше уже абсолютно нищими кидают на чужую территорию.

Вместо того чтобы рассказать всю правду о том, как пострадали простые люди в ходе этих событий, и как обогатились те, кто это крутил, и вывести этот гной наружу, говорилось о том, кто именно прав, кто именно виноват, и все время подливалось масло в огонь.

Посчитайте, что такое по 5–7 тыс. руб. на 300 тыс. несчастных – это миллиарды тогдашних (!) рублей. И потратив эти деньги на оружие и все прочее, криминальные консорциумы стали формировать более серьезные структуры.

Поскольку союзный центр бездействовал, республики заявили, что выходят из его подчинения, т.к. он не гарантирует ни безопасность, ни статус-кво, ни что-нибудь еще. На тот момент Армения была активнее в этом выходе, потому что были более высокие степени ожидания, в основном, по поводу поддержки от Америки. Ну, было. Не у всего населения, но у его части.

Карабах был очень прорусским: Зорий Балаян³ и многие другие, все они были очень прорусские, но, конечно, одновременно существенно антисоветские. В связи с этим следует все-таки вспомнить, как выглядела история русских и советских отношений с Закавказьем.

В досоветский период, естественно, при всей взвешенности политики Российской империи, русская политика взаимоотношений между народами всегда была очень тонкой и продуманной. Русские веками могли собирать их вместе, и разговоры о русской симфонии – это не пустое, это то, что реально реализовывалось на практике.

ИЗМЕНЧИВЫЙ ОПЫТ

Тем не менее, конечно, в силу самого существования Российской империи на первом месте в государственной триаде «Православие, самодержавие, народность» стояло православие, и отношение к христианским народам было другим, нежели к народам исламского мира. При том, что отношение к народам исламского мира, проживавшим на территории империи, было вполне лояльным. И представители элиты исламского мира входили в высшую имперскую элиту так же, как и представители христианско-кавказской части этого мира. И там, и там были соответствующие каналы вертикальной мобильности,

³ Балаян Зорий Айкович – советский армянский писатель, политический и общественный деятель.

все эти аристократы с фамилиями на -ян, -идзе или -ани, все это существовало так же, как и -заде и как-нибудь еще.

Все было взвешено, однако Россия все время находилась в напряженных отношениях с Османской империей, потому что Османская империя как раз и пыталась создать то, что сейчас пытается вызвать к жизни господин Эрдоган. Естественно, поскольку Османская империя имела своих представителей в пределах не комплиментарных к России этносов, ориентированных, а) на тюркский мир и б) на ислам, то Россия сдвигала все в христианскую сторону. Армяне считали, что огромная часть территории их государства отнята Турцией, и все это живописали в красках. Так, позже на гербе Армянской ССР всегда было изображены горы Арарат, которая находилась на территории чужого государства. Но были еще и Карс, и Эрзурум...

Это все находилось в створе русской имперской политики. Петр Первый русское царство де факто отменил, создал огромную державу, не объяснив точно, чего она хочет, откуда у нее такие великие размеры. Она что, весь мир хочет завоевать или просто хочет существовать рядом с другими? У Петра никакой идеи Проливов и креста над Святой Софией не было. Идею возвращения Константинополя вызвал к жизни Греческий проект Екатерины II.

Уже в войне 1914 года идея креста над Святой Софией не грела российское русское население. Эта идея потеряла свою страстную накаленность где-то в конце XIX века.

Последний раз вспышка этой идейности существовала в балканских освободительных войнах, Плевна и все остальное. И когда армия Скобелева вышла к Константинополю, и было ясно, что осталось два шага, что Россия берет Проливы под себя и поднимает крест над Святой Софией, генералам скомандовали: «назад!».

Генералы впали в полное бешенство, объявили царскую семью предателями. Но должен сказать, что тогда царская семья не могла ничего другого сделать, потому что Российская империя находилась на седьмом месте по экономике в мире. И не надо сказок. Это важно понимать, потому что она находилась по экономике примерно на том месте, на котором находится сейчас Российская Федерация.

Совокупное давление на Россию всего Запада, т.е. Германии, Франции, Англии и других, приводило к краху, к разгрому России, что и произошло в Крымской войне. Плюс к этому европейские государства никогда не стеснялись ни «разогревать» враждебный ислам в России, ни поддерживать Османскую империю. Русские не могли заплатить за

крест над Святой Софией вторым Севастополем, вторым Крымом. Слишком больно было потерять сам Крым. И все разговоры о том, что потом начали развиваться быстро и поэтому все будет не так, как при Николае I, это ерунда.

Да, какое-то десятилетие развивались чуть быстрее. И все. Потом темпы роста опять упали, опять обнажилась диспропорция в экономической и военной силе. Не было возможности так воевать. Все что можно было сделать – это расколоть западный мир, объединиться с одной из его частей и вместе с этой частью побеждать другую. Войти в Антанту вместе с Англией, Францией против Германии было можно. Или войти в Германский союз против Антанты. Допустить, чтобы тебя били одновременно и немцы, и французы, и англичане, было нельзя.

Точно так же, в принципе, страшно трудно представить себе нашу Победу в Великой Отечественной войне в условиях высококачественного снабжения немецкой армии всеми ресурсами англо-саксонского мира. Я думаю, что в итоге мы бы все равно победили, но еще более страшной ценой. Нам нужно было, чтобы США и Англия вошли в войну против Германии.

Все висело на волоске, и наши маневры 1939 года были связаны с тем, чтобы обеспечить такой раскол. И мы это обеспечили. Вне этого раскола воевать было бы страшно трудно даже Советскому Союзу, который уже подтянул себя экономически, индустриально, ну и, конечно, духовно, военно, культурно.

Российская империя этого делать не могла. Поэтому в тот момент, когда было сказано, что взятие Проливов и водружение креста над Святой Софией приведет к тому, что все европейские державы объединятся против России и объявят ей войну «по крымской модели», высшее руководство Российской империи скомандовало генералам «назад!»

И обрело себя этим на все дальнейшие неприятности.

Естественно, что элиты маневрировали. Но они маневрировали вокруг стратегемы взятия Константинополя и восстановления византийской системы. Соответственно, в этой стратегии армянское расширение (Карс, Эрзурум и все остальное) и русская стратегия Проливов совпадали. Соответственно, на это ориентировались и греки, и все славянские народы, и армяне – все христиане, пострадавшие от турецкого супостата.

Когда Османская империя была окончательно разгромлена в ходе Первой мировой войны, а в России произошла Великая Октябрьская Социалистическая революция, началась Гражданская война, и к власти пришли коммунисты, у них никаких подобных приоритетов, естественно, не было.

Ленину было о чем думать, кроме Проливов. И крест над Святой Софией он восстанавливать не хотел. Другое дело, что есть сказки, что он сбивал орлов с Кремлевских башен. Но всем известно, что орлов сняли в 1935 году и заменили звездами, а в 1937 году заменили другими, рубиновыми, поскольку первые звезды оказались плохими. Никакого отношения к этому Ленин не имел.

Ему было как-то не до этого. Были более актуальные задачи. Но самое главное: начиная с этого момента, большевикам абсолютно не было нужно, чтобы на южных границах страна куда-то расширялась. Или, по крайней мере, они хотели это расширять позже, в ходе коммунистической революции, а не в ходе соединения православных братьев в едином порыве. Но братья уже соединиться ни с кем не хотели с 70-х – 80-х годов XIX века. Прошло 40 лет, и братья сильно поскучнели на этой почве.

Взять Проливы – это тоже не Ленин, естественно. Это другая идеология. Земшарная республика Советов – да! Коммунизм во всем мире – да! Но когда наступит коммунизм во всем мире, куда его принесут и что там будет – это все были дела отсроченного будущего. А Ленину надо было элементарно восстанавливать страну из разрухи и сделать как-нибудь так, чтобы ослабло давление Запада. Чтобы страну оставили в покое. И чтобы новой интервенции не было, потому что мы бы ее просто не выдержали после разгрома, учиненного Германией. Немцы тоже устали беспредельно от Первой мировой войны. Они засеяли костями своих молодых людей, миллионов и миллионов, все поля Европы. Они не понимали, зачем, и что, собственно, это означает? Кроме очередной фазы развития империализма.

Там никто ничего не понимал. На Западе было страшное недовольство тем, что людей повели на бойню... И какое-то любопытство к русскому «красному» опыту. А Ленин сказал примерно так: «Будете нас трогать, сейчас же возьмем факел русского коммунистического опыта и кинем его в вашу Европу. Вот зажмуримся и, как можем, кинем в пороховую бочку. Взорветесь – взорвемся вместе с вами, но все будет кончено. Хотите?» «Нет, – они сказали, – не хотим». В Лозанне, на конференции.

«Отлично, – сказал Ленин. – Мы факел не кидаем. Мы им машем слегка. Кидать его мы совершенно не собираемся. Буденный не будет поддерживать Баварскую красную республику. А вы оставите нас в покое».

Всё. Подписали договоренности и ... советская власть успокоилась, дышала на ладан и только думала, чтобы ее никто не толкнул. Надо было решать: то ли НЭП, то ли не НЭП, и что делать с внутренними оппозициями, и т.д. и т.п. Когда Ленин начал умирать, было совсем уже не до этого.

В этой ситуации (оставим в стороне сталинские планы), на ленинском этапе, никакого разговора о Проливах, о стремительном наступлении на Константинополь, Карс, Эрзурум и все прочее быть не могло. По определению. Этот сюжет исчез из русской политики, которая стала советской. К колоссальному огорчению, доходящему до накаленной ненависти, со стороны тех, кто был наиболее заинтересован в этом сюжете.

А это, конечно, были те, кто уповал на расширение своих территорий. На восстановление того, что было отнято турками. Греки, армяне – все, кто хотели что-нибудь начать восстанавливать территориально. И они говорили: «Вот, эти красные – евреи и все остальные нехорошие люди, – не хотят креста на Святой Софии».

И был еще один фактор, который в очень существенной степени дополнял такие настроения.

После подписания Севрского мирного договора 10 августа 1920 г. между султанатской Турцией и союзными государствами-победительницами в Первой мировой войне Турция была фактически лишена прав суверенного государства и потеряла $\frac{3}{4}$ своей территории. Все это вызвало негодование народа. На этой волне в итоге к власти пришел Кемаль Ататюрк, который заявил, что, начиная с этого момента, Турция является светским государством турецкого народа, национально-модернизационным государством, которое станет частью Европы и Запада. Возник кемализм. Империя исчезла.

Османская империя не была империей турок. Это был многонациональный тончайший сплав. В котором в огромном количестве были арабы, греки... Да и кого там только не было намешано! Кстати, если кто-то считает, что Эрдоган – это такой чистый турок, то это очень наивная позиция.

Перед Кемалем встал вопрос: как удержать турецкую территорию, Анатолию и все остальное? И удержать, и турецкий народ спасти. Он эту задачу решал, расчищая территорию для этого народа.

В основе построения кемалийского государства лежало Дёнме⁴. Не напрямую. Кемаль сложнее этого. Но он приложил руку достаточно сильно.

Значит, вся мифология звучит так: салоникийские евреи устроили Турцию Кемалья, а московские евреи устроили Советский Союз, а потом евреи соединились и лишили армян Карса, Эрзурума и всего прочего. Я рассказываю байки, которые неоднократно слышал в Ереване от представителей определенных кругов. Таких сильно антисоветских. Прорусско-имперских, но антисоветских. Был ли Кемаль вписан в какие-то собственно еврейские дела или нет – вопрос отдельный. Он хотел построить национальное государство. Когда говорят «младо», то имеется в виду именно это: младорусы, младоукраинцы...

Младотурки – это не вполне кемалисты, тут нет никаких тождеств. Но вот эта идея «младо», т.е. построение государства европейских правил, построение турецкой нации, а не османского турецкого этнического ядра – это был кемализм.

Соответственно, что возникло дальше? Кемаль сказал: «Да, я кого-то резал, но я же больше границы расширять не буду. И я вам, Советской России, ничем не угрожаю. Я не буду строить Османскую империю где-нибудь в Черкесии, или на Северном Кавказе, я не двинусь в какой-нибудь Азербайджан. У меня границы есть. Я в этих границах строю национальную Турцию и ввожу ее в европейский мир».

И что, собственно, Ленину было делать в условиях бесконечной слабости Советской России? Когда ему сказали, что это никому не угрожает?

Оставались армяне. Армяне получили некую территорию, Советскую Армению. Приехал Мясникян⁵, начал там все восстанавливать из руин.

В Турции был страшный геноцидный удар. Геноцид был настоящий, все это понимают. Шок этого геноцида, как шок еврейского холокоста. Народ, согнутый под ужасом этого геноцида, бежит в нищую Советскую Армению, и принимают их там армянские большевики. Которые,

⁴ Дёнме (буквально отступники) – каббалистическая секта, вышедшая из иудаизма, основана Якобом Кверидо (братом последней жены Шабтая Цви) в 1683 г. в Салониках. Согласно учению Дёнме Шабтай Цви является Мессией. Его переход в ислам объяснялся тем, что он должен был опустить душу мессии до самой глубины греховности, чтобы подобрать последние Искры Божественного Света, которые упали в самую бездну. Вслед за основателем формально перешли в ислам и сектанты.

⁵ Мясников Александр Федорович (псевдоним – Мясникян) – советский государственный и партийный деятель, соратник Ленина.

естественно, обнаружили, что им надо жить вместе с азербайджанскими, гораздо более мощными тогда, большевиками.

Никакого приоритета в смысле христианства у новой власти нет. Скорее, наоборот, все, что имело приоритет при царе, теперь антиприоритет, больший или меньший. Может быть, скрытая элита, позже око-лосталинская, и поддерживала царские приоритеты. Но на поверхности всё (или почти всё), что было при царе – плохо, и это постепенно меняется, а все, что делает новая власть, это хорошо. Естественная логика любой революции – французской, русской и т.д.

Начала строиться Советская Армения. Армянское население стало расти. Можно показать просто по годам, что Советская Армения крепко встала на ноги: рост населения, две академии наук, большая имперско-армянская культура, вписанность в единый контекст. Никто не мешал при этом в деревнях или в городах шептать про Карс и Эрзурум, про то, что вот уже почти вернули, вот генерал Андраник⁶ это бы довел до конца.

Это была реальность советской жизни, внутри которой все ностальгии по царю и мечты о завоевании Карса и Эрзурума носили чисто реликтовый характер. Жили вместе. Развивались вместе. Баку был абсолютно интернациональным городом. С мощной армянской общи-ной. В районе, который назывался Арменикенд. И т.д. и т.п. Все мы это видели.

Когда начался постсоветский регресс на всех территориях таким вот волчьим этническим выплеском, то в Баку пришли совершенно другие люди. Их не узнавали не только армяне, которые к этому моменту отту-да ушли, их не узнавали местные интеллигентные бакинцы. Пришла совершенно другая генерация. То же самое сейчас в Ташкенте. Или где-нибудь еще. Это не те города.

Это не благословенные оазисы империи «Ташкент – город хлеб-ный». Сейчас это «регрессиумы». С резко обостренным чувством этни-ческого. Хорошо бы это чувство этнического мобилизовалось примерно так, как оно мобилизовалось в Израиле. Где начало строиться мощное государство, развиваться техника и все прочее. Нет, это не так. И Азер-байджан, где много нефти, и Армения, где нефти нет, представляют собой такие просевшие мещанские территории, лишённые имперского блеска, лишённые вписанности в большой контекст, недоумевающие,

⁶ *Андраник Торосович Озаян (1865–1927) – один из лидеров национально-освободительного движения конца XIX – начала XX века, национальный герой армянского народа. Также известен как Полководец Андраник.*

что именно им делать и куда вписываться. Куда-то ведь надо вписываться. И если Азербайджану было ясно, куда можно попытаться вписываться – в тюркский контекст, то Армении-то куда?

Надежды на американский или европейский контекст в Армении оказались краткими, с Ираном, впрочем, играли и играют. И поскольку больше всего ненавидят и боятся тюрок, то соответственно к Ирану благоволят. Но тоже, знаете, опыт персидских войн немного слаще опыта османской резни. Тот еще опыт. Значит, естественно, дорога лежала в Россию, она более или менее оказалась проторенной еще при Ельцине и была закреплена.

ДВЕ ЛОГИКИ

Что же касается того, чей Карабах, надо помнить, что в условиях, когда распался Советский Союз, никакие законы не были соблюдены. Во-первых, не был соблюден хельсинкский закон о нерушимости границ. Никакой дух Хельсинки и ОБСЕ в этом не был. Мы подписались под хельсинкскими соглашениями именно потому, что нам гарантировали нерушимость границ Советского Союза. Ну и Польша очень хотела нерушимости своих границ, потому что ее границы были созданы только Советским Союзом, в противном случае они были бы совсем другими, это тоже понятно.

Но не это главное. Главное, о чем я хочу сказать, имеет абсолютно практическое значение. В момент, когда Советский Союз начал распадаться, на политическом вершине обсуждались две логики.

Первая логика: ну и пусть уходят республики, мы тут останемся, и у нас будет больше нефти.

И вторая логика: задавить сепаратизм с помощью армии.

Конечно, вторая логика в тот момент была намного лучше, по крайней мере, надо было сделать так, чтобы КГБ не подстегивал все время националистические настроения.

Поскольку я ездил именно как представитель «особых папок ЦК» по этим республикам, то в каждой республике ко мне приходили представители так называемых националистических элит и говорили: «Ну, скажите нашим кураторам, скажите на Лубянке, чтобы от нас не требовали произносить ужасные слова *сепаратизм, вырежем русских*. Мы же понимаем, что нас после этого уничтожат. Мы боимся, не хотим. А нас вызывают на Лубянку и требуют: "Говорите". Убедите наших кураторов этого не делать».

Т.е. на распад работала элита КГБ. Марчук, который стал теперь главным покровителем УНА-УНСО, какой-нибудь Мариус Юзбашьян⁷ в Армении, соответствующие люди в Азербайджане. Всюду происходило именно так. Если бы национализмы не поощрялись, Союз бы не распался.

Но это тонкий вопрос. А грубое решение заключалось в том, чтобы сразу ввести войска и подавить волнения. Что можно и нужно было делать. Но фактически это решение уже не работало. Оно не соответствовало Горбачеву. Оно не соответствовало Съезду народных депутатов. Оно не соответствовало линии самого ЦК КПСС, который хотел обогатиться, и который уже облизывался на постсоветский период.

И тогда был предложен третий путь: не сказать «Бегите куда хотите! Вон! Мы на вас обижены», и не вводить войска и расстреливать, а написать закон о выходе союзных республик из состава СССР.

Закон был написан и принят. И если бы союзные республики начали по этому закону выходить из состава СССР [3], то, во-первых, они бы не вышли; во-вторых, выйдя оттуда, были бы голые и босые; и, в-третьих, все русское население в этих республиках было бы прочно обеспечено необходимой правовой защитой.

Поскольку же все процессы носили панически неправовой характер, то дальше территория устанавливалась так, как она устанавливается всегда в условиях неопределенности – оружием. Всё. «Закон – тайга!» Отменили союзные законы, отменили незаконно союзный центр, – получите войну, которая одна и построит новые государства «железом и кровью». По результатам войны.

Армянам не следует говорить, что русские не помогали им. Но обсуждать этот русский след и говорить, что благодаря ему Армения победила Азербайджан, тоже смешно.

В силу внутренних предрасположенностей, сформированных, в том числе, и геноцидным прошлым, оказалось, что более слабая Армения сильнее, чем более сильный Азербайджан. Соответственно, Карабах оказался территорией, с которой азербайджанцев выкинули. По факту войны. Это обычно оформляется последующими мирными договорами, как оформлялись, например, результаты франко-прусской войны 1870 года. Через какое-то время кто-то хочет реваншей. Но тогда все оформилось по факту войны.

В этой войне армянская армия вообще и карабахская, в частности, оказались сильнее. Оказались сильнее не по технике, не по уровню экономи-

⁷ Юзбашьян (Юзбашян) Мариус Арамович (1924–1993) – председатель КГБ Армянской ССР в 1978–1993 гг., убит.

ческого обеспечения, не по русской поддержке, а просто по какой-то внутренней военной силе, которой никто не ожидал. Все думали, что героические наследники османов будут, так сказать, великолепны и начнут вырезать армян в Карабахе и где угодно, а наследники Армении, в основном купеческой или трудовой, побегут, будут плакать и сдаваться.

Возникло совершенно другое. Возник военизированный милитаризованный армянский оскал. Когда эти роты и батальоны не бежали и были готовы к гораздо более глубокому самопожертвованию. Это касалось всей Армении, но прежде всего это касалось Карабаха. В результате была сконструирована новая реальность. Эта реальность является реальностью, так сказать, существования Карабаха, который и Армения пока не признаёт, потому что это повлечет за собой непредсказуемые последствия. Но который существует. «Почему верблюд не ест селёдку? Не хочет и не ест». Почему Карабах существует? Хочет и существует.

Армения не может открепиться от Карабаха, потому что все-таки некий импульс родства еще сохраняется, хотя он подустал, конечно, сильно. Карабахская элита достаточно крепко контролирует Армению, и мы понимаем, что и Серж Саргсян (Саркисян), и Роберт Кочарян – это и есть та самая элита. А когда Левон Тер-Петросян хотел чуть-чуть поиграть с дистанцированием от Карабаха, – не стало Петросяна, и возникла новая реальность, постпетросянская. Поэтому сделать так, чтобы Армения не участвовала в процессе, нельзя. Но определенные слои карабахского социума говорят: пусть кто-нибудь попробует нас взять! Вклад Армении велик, мы это ценим, уважаем, благодарим, но и без помощи матери-Армении постараемся справиться сами!

И, в отличие от всего, что я видел в Армении и в других союзных республиках, я видел два очага, в которых действительно разгоралась новая жизнь. По ту сторону всех ужасов, мерзостей, бандитизмов и прочего один очаг – это Карабах, другой – Приднестровье. Я сейчас не знаю, что происходит в Приднестровье, и не вчера был в Карабахе, но то, что видел, – это такая Спарта. Это отсутствие всех криминальных и мещанских вещей. Это ... счастливое население, тотально милитаризованное – все под ружьем, постоянно готовое воевать и строящее какую-то спартанско-качественную жизнь, без олигархии, без какого-то наворота воровского. Этого нет.

Я совершенно не могу причислить к такой территории Армению. Заражена она всеми болезнями мещанского, олигархического и прочего, типа. Карабах – нет. И Приднестровье тоже. Приднестровье было идеальной территорией. Она задыхалась и сдвигалась к худшему в услови-

ях тех блокад, которые существовали, потому что не было никакой матери-Армении, которая могла поддержать Приднестровье хотя бы так, как мать-Армения поддерживала Карабах.

Россия не так поддерживала. Гораздо более двусмысленно и хлипко. Но Приднестровье-1992-1993-1994 строило идеальную жизнь. Чего я не могу сказать о Донбассе-2015.

В Донбассе всё хуже. Не хочу сказать, что совсем плохо. Много хорошего, много героизма. Но хуже. В Приднестровье было просто на пять с плюсом. Идеально. Трудовой морально-чистый климат. Да, потом он портился. Я не хочу сказать, что в Приднестровье все осталось так хорошо, как было. Но то, что там было,лучилось каким-то светом. В Карабахе тоже этот свет есть. В остальных местах всё потемнее. Другие соотношения света и тьмы.

Но вернемся к Турции. Что происходит теперь?

31 марта 2014 год. «Выступая в эфире турецкого телевидения по окончании выборов в органы местного самоуправления, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган признался в том, что его страна ведет войну против Сирии. "Там – наши исторические земли, земли наших предков. ... Мы не позволим разделить земли, сохраненные ценой крови наших предков. Наш народ должен вернуться на путь османизма. Мы построим новую Турцию", – заявил Эрдоган» [11].

Прошу прощения, Крым должен вернуться тоже? А если это пантюранская, пантюркистская концепция, то я не буду даже называть все территории, мало ли что оттуда.

А если это макроконцепция?

Далее. **27 апреля 2015 года.**

Президент Турции Эрдоган перед вылетом в Кувейт подверг критике РФ за высказывания о геноциде, а также поднял вопрос о событиях на востоке Украины.

«Ранее МИД Турции уже обнародовал заявление, в котором осудил слова российских политиков о геноциде армян в Османской империи в 1915 году. Ранее в приветственной телеграмме к участникам вечера "Мир без геноцида" президент РФ Владимир Путин назвал 24 апреля 1915 года "скорбной датой, связанной с одним из самых страшных и драматических событий в истории человечества – геноцидом армянского народа". Кроме того, российский лидер посетил Ереван, чтобы принять участие в памятных мероприятиях. Госдума в пятницу в своем заявлении выразила "глубокое сочувствие братской Армении в связи со столетней

годовщиной геноцида армян, а также другим народам, пострадавшим в ходе трагических событий периода Первой мировой войны"» [5].

Что говорит Эрдоган? «Россия не впервые использует слово "геноцид". Огорчен таким шагом Путина. Если Россия идет на это, давайте вспомним историю. Вот перед нами Украина, Крым, Донецк, Луганск, пусть они дадут ответ. Турция ни в коем случае не совершала геноцид» [5].

Можно понять, что, в принципе, связывает Эрдогана и Турцию с Азербайджаном. Но причем тут восток Украины? Между тем, все дальнейшие действия турецкой элиты и Эрдогана, прежде всего, были нацелены на то, чтобы строить глубочайший военно-политический союз между Турцией и теперешней Украиной.

Этот союз выстроен. Больше всего беспокоит то, что на Украине расположены боевые подразделения, руководимые турецкими инструкторами, которые действуют вместе с турецкими спецназовцами. И они состоят из некомплементарной нам части крымско-татарского населения. Очень большая часть крымско-татарского населения комплементарна и лояльна России. Но не бывает же так, что все. И я считаю, что если нужно добиться лояльности к нам крымско-татарского населения, то не надо без конца повторять о том, что происходило с татарами в советский период.

«Париж стоит обедни», – говорил король Генрих Наварский, Генрих IV, а Крым стоит разговора.

Сейчас же перед нами налицо все черты «реальной политики» XIX века. Украинско-польско-турецкие связи, начало формирования каких-то совершенно других контуров, которые в принципе-то должны были уйти в прошлое. На этом фоне господин Фридман⁸ прямо говорит, что воевать с Россией должно «малое НАТО», потому что ни Франция, ни Германия не согласятся на это. Нужно НАТО-2, которое должно состоять из Польши, Украины, Румынии, Молдавии и Азербайджана. Я думаю: «Как Азербайджан-то втянут?» Азербайджан-то втянуть невозможно, если диспетчером всей конструкции не оказывается Турция!

Основываясь на своих сведениях, получаемых не из Армении, а от людей с территории Азербайджана, могу сказать, что неожиданная атака на Карабах была очень, очень хорошо «престимулирована» Турцией. Возник вопрос: откуда у Турции, которая сама не очень благополучна, нашлись миллиарды долларов на эту поддержку? Потому что небольшая эта война была щедро оплачена. Т.е. она является частью будущей

⁸ *Американский политолог Джордж Фридман, директор частной разведывательно-аналитической организации STRATFOR.*

турецкой политики. Единственный смысл этой операции заключается в том, что надо развязать конфликт на территории.

Этот конфликт развязывается в русле доктрины неоосманизма. Причем с расчетом на то, что в конфликт естественным путем окажется втянута Россия. Окажется втянута, поскольку в Армении (Гюмри) находится российская военная база, и мы вовсе не собираемся отказываться от позиций на южном Кавказе. Эти позиции сейчас, увы, сводятся к тому, что существует, в основном, в Армении. И там же есть и большая стратегическая проблема – мы не откажемся никогда от того, что находится перпендикулярно к «Шелковому пути». Т.е. территории, по которым проходит «Шелковый путь», – с Востока на Запад – никогда не будут доминировать, потому что мы всегда будем строить путь, который идет с Севера на Юг.

Даже крохотные территории на этом пути, например Осетия, Армения, являются для нас высокоценными. Мы не можем позволить миру начать строиться по горизонтали, что и есть концепция тюркского мира Эрдогана.

4 апреля 16-го года Реджеп Эрдоган заявил о поддержке Азербайджана в карабахском конфликте: «Турция с самого начала карабахского кризиса была рядом с Азербайджаном и продолжит оставаться с ним. Однажды Карабах непременно вернется к своему настоящему хозяину, снова станет азербайджанским» [7].

Т.е. это будет новый геноцид, да? А как он иначе вернется?

Поэтому, как только эта (карабахская) война развернется в более мощную конструкцию, Азербайджан станет тем государством нового НАТО, которое будет включено в антироссийскую коалицию. Наряду с Румынией, потому что Румыния захочет втянуть Приднестровье, наряду с Польшей, потому что Польша всегда хочет с нами повоевать, наряду с Украиной, которая будет цепляться за свое, так сказать, угасающее существование. Я имею в виду украинскую элиту.

Образуется блок, руководимый Турцией – большим военным государством, которое, между прочим, еще недавно по мощи своего флота на Черном море вполне было соизмеримо с нами, если не превосходило. Сейчас этого превосходства, может быть, и нет. Были предприняты все действия, чтобы его снять. И у нас есть не один флот, не только Черноморский. Но это было. Мы так стремительно уходили из региона, что турки замещали нас. Как говорят все серьезные геополитики, которые реально занимаются проблемой территорий в XXI веке, – Крым никогда не будет украинским, он будет либо русским, либо турецким.

Итак, речь идет о том, что у господина Эрдогана, с точки зрения этих констант, большой замах.

Дальше дестабилизация будет переходить в сторону Крыма, оттуда в Азербайджан и дальше доползет до Средней Азии, а как это пойдет в деталях – не так важно. Это все равно обеспечивает нам малоприятное существование. Большая по сравнению с предыдущим десятилетием, но небольшая по меркам мира, война в Карабахе оказалась недолгой. Ее масштабы не надо преувеличивать, но ее последствия и их развитие могут оказаться крайне серьезными.

Отдельно могу сказать, что мир возвращается к очень опасным константам «реалполитик» классических времен.

Библиографический список

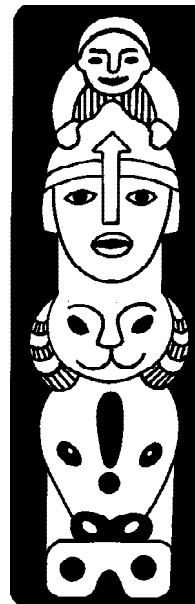
1. Карабах – это проблема не только Азербайджана, но и всего тюркского и исламского мира – советник президента Турции. URL: <http://iratvakan.com/news/170961.html> (дата обращения: 29.05.2016).
2. Кургинян С.Е. Актуальный архив. М.: МОФ-ЭТЦ, 2010. 708 с.
3. О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №15.
4. Посланием султана Сулеймана Великолепного Эрдоган напомнил Саркози о положении Франции. URL: http://islam-today.ru/islam_v_mire/turcia/poslaniem_sultana_sulejmana_velikolepnogo_erdogan_napomnil_sarkozi_o_polozhenii_francii_video/ (дата обращения: 29.05.2016).
5. Президент Турции раскритиковал позицию России по геноциду армян. URL: <http://ria.ru/world/20150427/1061218850.html> (дата обращения: 29.05.2016).
6. Реджеп Тайип Эрдоган: «Тюркские народы должны осуществлять совместную внешнюю политику». URL: <http://deyerler.org/ru/16409-redzhep-tajijip-jerdogan-tjurkskie-narody.html> (дата обращения: 29.05.2016).
7. Реджеп Эрдоган заявил о поддержке Азербайджана в карабахском конфликте. URL: <https://russian.rt.com/article/157122> (дата обращения: 29.05.2016).
8. Тюркский мир намеревается решить проблему Кипра и Нагорного Карабаха. URL: <http://www.panarmenian.net/rus/news/19241/> (дата обращения: 29.05.2016).
9. Тюркский мир станет центром и отправным пунктом основных событий мировой политики – премьер-министр Турции. URL: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/788961.html> (дата обращения: 29.05.2016).
10. Хафизоглу Р. Турция всегда будет поддерживать Азербайджан во всех вопросах – лидер оппозиции. URL: <http://iratvakan.com/news/168005.html> (дата обращения: 29.05.2016).
11. Эрдоган: Сирия – это земли наших предков. URL: <http://voskanapat.info/?p=6917> (дата обращения: 29.05.2016).

Революция — конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции искупаются грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения.

Н.А.Бердяев

**Все революции происходят оттого,
что правительства вовремя
не удовлетворяют назревшие народные
потребности. Они происходят оттого,
что правительства остаются глухими
к народным нуждам.**

С.Ю.Витте





Валерий Журавлев

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА КАК «ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

К 110-ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ И ГИБЕЛИ
(27 АПРЕЛЯ – 8 ИЮЛЯ 1906 ГОДА)

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК 94(47).083 “1906”

Полтора десятилетия назад автору настоящей статьи уже приходилось обращаться к проблемам исторической судьбы Первой Государственной думы императорской России. Их социальная острота в тех условиях напрямую коррелировалась с волновавшими все общество процессами разработки принципов земельной реформы в Российской Федерации, утверждения Земельного кодекса РФ (2001) и закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (2002). Прошедшее с тех пор время не снизило исследовательский и социально-практический интерес к углубленному познанию вопросов становления первого в истории страны представительного учреждения с законодательными функциями, дерзко заявившего свои права на первичность и независимость от своеволия монарха и диктата подчиненной ему исполнительной власти. Почему все-таки первый блин оказался комом? Почему он не ознаменовал начало серьезного дискурса власти и общества, в том числе и в первую очередь по самому животрепещущему вопросу – вопросу о земле? Проблема актуальной, более того – злободневной по сей день. Ибо время не способно «отменить» бесспорную, абсолютную справедливость тезиса П.А.Столыпина: «Земля – это залог нашей силы в будущем, земля – это Россия».

A decade and a half ago author has already addressed problems of the Imperial Russia's first State Duma historical fate. The social acuteness of these problems under conditions of that time directly correlated with processes of elaboration of the land reform in the Russian Federation principles that stirred the society as a whole, with adoption of the RF Land code (2001) and of the Law "On agricultural lands turnover" (2002). The time which elapsed since the early 2000s did not lower the researchers' interest and social-practical interest to the profound investigation of the first in the Russian history representative institution emergence. The Duma had legislative functions and boldly claimed its rights to the primacy and independence of the monarch's willfulness and of the dictate of the executive power subdued to the monarch. Why did the first try fail? Why that attempt did not inaugurate the beginning of the serious dialogue between the power and the society on a wide range of issues including the most urgent problem, the land problem? The land problem is still urgent. Moreover, it is still hot, burning issue. For the time is incapable to annul the indisputable, absolute justice of the thesis set forward by P.A.Stolypin: "The land is the precondition and guarantee of our future power, the land is Russia".

Ключевые слова: Первая Государственная дума дореволюционной России; аграрные проекты думских фракций; конфликт Думы и исполнительной власти.

Key words: The First State Duma of the pre-revolutionary Russia; agrarian projects of the Duma's factions; conflict of the Duma and the executive power.

E-mail: kaf-annir@mgou.ru

Была или не была Государственная дума России начала XX века парламентом в истинном смысле этого слова – вопрос широкой общественной и научной дискуссии, которая началась с первого дня работы этого представительного учреждения и с перерывами, то совершенно затихая, то вновь обретая свою силу и остроту, длится по сей день¹. Не подлежит, однако, сомнению, что в условиях отсутствия подлинных демократических свобод в стране история уготовила ей роль своеобразного органа – выразителя, рупора, ретранслятора – поднимающего голову общественного мнения. А также барометра – показателя степени воздействия этого мнения на те структуры исполнительной власти в лице царского правительства, которые, в конечном счете, определяли судьбы страны. На протяжении более чем десяти лет, с 1906 по 1917 г., когда решался кардинальный вопрос российской модернизации – осуществляться ли ей в обстановке интенсивного и эффективного, но мирного, реформирования или стать жертвой очередного революционного взрыва, – барометр Государственной думы с удивительным постоянством указывал на то, что главным, судьбоносным для страны в решении данной дилеммы, является аграрно-крестьянский вопрос, стержнем которого все указанное время оставался вопрос о земле. Аграрный вопрос, по справедливой оценке крупнейшего исследователя кадетской партии В.В.Шелохаева, был как в Первой, так и во Второй Государственной думе «оселком политической борьбы, от ее результатов зависела и судьба самой Думы...» [41, с.252]. Добавим: и не только Думы, но – в итоге – и самого монархического режима в целом.

Муки рождения

Дума – как первое в истории страны всероссийское представительное учреждение с законодательными функциями – была буквально вырвана у царизма размахом революционного движения в стране. В такой оценке появления на свет этого первенца отечественной представительной демократии с немислимым для России единодушием, хотя и с различным обоснованием, сходились

¹ Из вышедших в последние два десятилетия работ см. в первую очередь: [14; 15; 40; 11; 35; 1; и др.]. Вклад советской историографии 60-х – 80-х годов в исследование проблемы отечественного парламентаризма начала века определяется в первую очередь работами А.Я.Авреха, В.С.Дякина, В.И.Старцева.

мнения сторонников самых несхожих политических течений в стране: от социал-демократов и социалистов-революционеров до монархистов черносотенного толка.

Первым замахом самодержавного режима на вынужденное, но крайне нежелательное для Николая II и его окружения, реформирование политического строя стал царский Манифест от 6 августа 1905 г., объявлявший «учреждение Государственной думы». В соответствии с ним и опубликованным в тот же день "Положением о выборах" Дума наделялась законосовещательными правами, а электоральные права потенциальных избирателей резко ограничивались по сословному, имущественному, возрастному (с 25 лет), половому (только мужчины) и другим признакам. Всероссийская октябрьская политическая стачка смела эту родившуюся в недрах Министерства внутренних дел идею так называемой «булыгинской» Думы².

Нарастание революционной волны заставило царизм пойти дальше. Манифест 17 октября 1905 г. обещал народу уже законодательную Думу. Чему всячески противился император, подписав Манифест лишь под сильнейшим давлением своего ближайшего окружения. В том числе членов императорской фамилии, раньше него уразумевших смысл заявления С.Ю.Витте, что для спасения монархии надо «бросить кость народу» в виде декларированных гражданских свобод и некоторых урезанных конституционных прав. «После такого дня, – записал Николай в своем дневнике, – голова сделалась тяжелой, а мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию» [12, ч.1, с.65].

Однако полностью облегчить свою душу и, вместе с тем, довольно точно оценить ситуацию царь смог лишь 19 октября в письме к матери – вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Мы обсуждали его (Манифест. – В.Ж.) два дня, и, наконец, помолившись, я его подписал. Милая моя Мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммой объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому *страшному решению* (курсив мой. – В.Ж.)... Исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все

² «Булыгинская дума» – принятое в литературе название законосовещательного органа, создание которого было заявлено в Манифесте 6 августа 1905 г. Дано по фамилии тогдашнего министра внутренних дел А.Г.Булыгина (1851–1919), руководившего разработкой данного документа. Созвана не была в силу нарастания революционных настроений и требований в стране.

просят... Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страной; в том главная опасность» [34, с.74–75].

Привычно уповая на Господа, самодержец не пожелал в этот «момент истины» задуматься, а что может и должен сделать он сам для спасения страны и собственного спасения. А на следующий день постарался выбросить из головы то, что накануне так его, казалось бы, озаботило: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное – хорошее предзнаменование» [12, ч.1, с.61]³.

В дальнейшем, без малого за 12 лет функционирования Думы, царь удосужился посетить ее лишь единожды – за год до своего отречения (9 февраля 1916 г.). Уделив депутатам 40 минут своего драгоценного времени, он даже пожертвовал очередной прогулкой⁴.

Всё это априори, а затем и постфактум свидетельствовало о том, что еще не открывшейся Думе были гарантированы нелегкие времена. К тому же подписанные царем накануне открытия Первой думы – 23 апреля – Основные государственные законы сузили круг вопросов, подлежащих ее ведению, присовокупив к этому некоторые юридические уловки в плане лишения Думы исключительного права на издание законодательных актов.

Тем не менее 27 апреля 1906 г. Дума начала свою работу в отведенном ей Таврическом дворце.

В том, что вопрос о земле будет самым главным и острым в ходе практической работы вновь сформированного представительного учреждения страны, не сомневался никто.

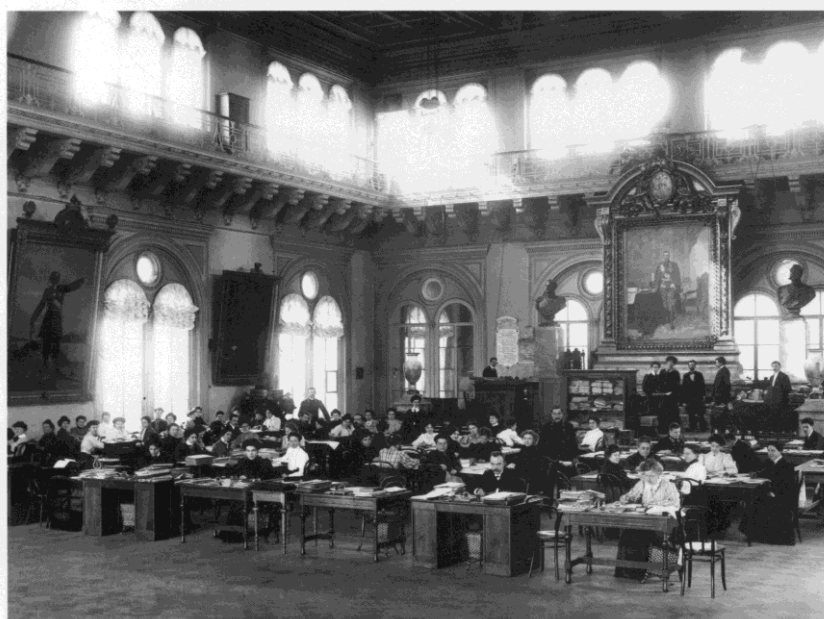
Левые партии, не веря в конструктивные возможности Думы, взяли на вооружение тактику бойкота выборов. Большевики при этом, не забывая уловок власти на этапе «булыгинской» Думы, обозвали Первую думу «полицейской канцелярией» (См.: [39, с.487–488]).

Партии же, принявшие участие в избирательной кампании, развернувшейся в феврале–марте 1906 г., должны были, так или иначе, откликнуться

³ *Через год – 17 октября 1906 г. – уже после того, как Первая Государственная дума была разогнана, память императора воскресила лишь обстановку «мучительных часов прошлого года» [12, ч.1, с.161], которые ему пришлось пережить, ожидая приезда С.Ю.Витте с текстом Манифеста.*

⁴ *Запись в дневнике от 9 февраля 1916 г. гласит: «Утром погулял... Завтракали в 12 ½, после чего поехал в Петроград прямо в Таврический двор[орец]. ...Сказал приветствие членам Думы, осмотрел залы и уехал...» [12, ч.2, с.210].*

на крестьянский социальный запрос о земле. Наиболее основательно подготовились к этому конституционные демократы. Подвергнув на своем втором съезде (январь 1906 г.) аграрный вопрос тщательному и острому обсуждению, кадеты в принятой съездом Программе партии посчитали необходимым поставить вопрос об отчуждении «в потребных размерах» частновладельческих земель с целью распределения среди остро нуждающегося в них крестьянства на условиях передачи земли в личное или общинное пользование [37, с.193–194]. На такое решение, как подчеркнул в докладе на съезде один из лидеров партии И.В.Гессен, кадетов толкали условия продолжающейся революции, «все более приобретающей стихийный характер. ...Она выдвигает настойчиво вопросы, которые так или иначе жизнь разрешает фактически. На первом месте здесь стоит аграрный вопрос». При таком положении вещей, резюмировал другой докладчик – Ф.Ф.Кокошкин, «практическая постановка в Думе аграрного вопроса является делом безусловной необходимости как с точки зрения выборной кампании, так и по существу дела» [37, с.72, 76].



Выборы в Первую Государственную думу. Рабочий аппарат Избирательной комиссии в зале петербургской Городской думы на Невском проспекте, д. 33/1. Начало 1906 г.

Действуя, прежде всего в интересах развернутой в стране избирательной кампании, делегаты I всероссийского съезда «Союза 17 октября» (февраль 1906 г.) со скрипом, но всё же отреагировали на идущий со стороны крестьян земельный запрос. Они постановили включить в программу следующее, не совсем внятно звучащее (по крайней мере, для крестьян), положение: «Ввиду государственного значения всех мер, касающихся увеличения земельного обеспечения особо малоземельных крестьян, меры эти должны быть осуществлены при широком участии общегосударственных средств в виде безвозвратных затрат и кредита: ипотечного, мелиоративного, краткосрочного и переселенческого» [25, с.161].

Еще более обтекаемо выражали отношение к вопросу о земле в своих предвыборных декларациях представители консервативно-монархического крыла нарождающейся российской многопартийности. В обращении Союза русских людей к своим сторонникам накануне выборов (февраль–март 1906 г.) пресловутый пункт был сформулирован следующим образом: «Распределение земли законными способами между различными видами землевладения ради пользы государственной есть главнейшая задача государственного управления» [32, с.139]. Это была неуклюжая попытка вывести земельный вопрос из ведения представительного учреждения, в качестве которого учреждалась Дума, оставив его решение в руках власти исполнительной, реально управлявшей страной.

Был вынужден коснуться этого вопроса и сам Николай II в своей тронной речи в Зимнем дворце в присутствии приглашенных депутатов Думы 27 апреля 1906 г. за несколько часов до открытия ее первого заседания в Таврическом дворце. Заверив, что он будет «охранять непоколебимые установления», им же самим народу «дарованные», царь выразил уверенность, что думцы приложат все свои силы «для выяснения (заметим – не решения! – В.Ж.) нужд столь близкого моему сердцу крестьянства». По впечатлению присутствовавшего на этом помпезном действе С.Ю.Витте, «Его Величество был довольно бледен, но довольно спокоен...» и главный смысл своей речи воплотил в следующей фразе: «Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное» [6, с.360]. В дополнение к тому факту, что не царь явился в Думу, а лишь некоторые избранные представители ее были «приближены к трону», речь Николая призвана была продемонстрировать «городу и миру», кто в стране был и продолжает оставаться неограниченным хозяином.

Депутаты Думы, в свою очередь, в ответном адресе (5 мая 1906 г.) на тронную речь императора посчитали необходимым напомнить следующее. «Наиболее многочисленная часть населения страны – трудовое крестьянство – с нетерпением ждет удовлетворения своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой насущной потребности путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих» [7, с.241]⁵.



Николай II, императрица Александра Федоровна, вдовствующая императрица Мария Федоровна и члены императорской фамилии на Дворцовой набережной после приема в Зимнем дворце депутатов Первой Государственной думы. 27 апреля 1906 г. Фотограф К.Булла.

⁵ В 1995 г. в свет вышла квалифицированно составленная публикация [10], документы которой в основе своей адекватно и репрезентативно отражают интересующую нас дискуссию. Исходя из интересов широкого круга потенциальных читателей настоящей статьи, мы посчитали, что более удобным будет такой порядок, когда необходимые отсылки будут в дальнейшем производиться в основном не на малодоступные сегодня дореволюционные Стенографические отчеты Государственной думы четырех созывов, а на упомянутое документальное издание, выдержанное в строго научных археографических традициях.

Ключевым, таким образом, для деятельности Первой Государственной думы, а также для ее судьбы стал термин «принудительное отчуждение». Поставив выраженную в этом термине заявку на реформирование поземельных отношений в стране, кадеты, получившие по итогам выборов 161 депутатский мандат, в союзе с депутатами от крестьян, образовавшими фракцию трудовиков (97 мандатов), были близки к реализации своих намерений (законодательно состав Первой Думы был определен в 524 человека) [24, с.611]⁶. Дальнейшие события, однако, показали, что уже сама идея принудительного отчуждения – вне зависимости от условий, сроков, форм и методов ее возможной реализации – неприемлема в принципе для наиболее экономически и политически влиятельных слоев и сил дворян-землевладельцев и ориентировавшихся на них правительственных структур. И те, и другие оказались не готовыми не только к обсуждению, но даже к постановке такого вопроса.

Старт российского парламентаризма оказался достаточно бурным. И неудивительно, ибо весьма широкий спектр общественного мнения в стране впервые в истории получил возможность не только открыто провозглашать свои принципы, но и практически отстаивать убеждения, базирующиеся на *собственной* оценке сложившейся в стране ситуации в плане земельного вопроса и *собственного* понимания путей выхода из нее.

Идеи либерального компромисса и реакция на них исполнительной власти

Уже на 12-й день работы Государственной думы, 8 мая, 42 ее члена-представителя фракции конституционных демократов внесли на обсуждение свой проект земельной реформы – «Основные положения предполагаемых изменений в законах касательно землевладения». Такая оперативность вполне объяснима: документ в своих принципиальных положениях не только повторял, но во многом текстуально воспроизводил программные установки, уже нам известные, Партии народной свободы. Предлагая разрешить увеличение площади землепользования крестьянства за счет государственных,

⁶ В литературе можно встретить и другие цифры: кадеты – 179 депутатов [29, с.160; 28, с.96; и др.]. Различие, судя по всему, объясняется тем, что 18 левых кадетов по партийной принадлежности входили в Трудовую группу по думскому фракционному раскладу сил (см.: [16, с. 387]. См. также: Демин В.А. Первая Государственная дума // [8, с.465–471]).

удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель, проект исходил из необходимости «*обязательного отчуждения*» (курсив мой. – В.Ж.) для той же цели «и частновладельческих (читай: помещичьих. – В.Ж.) земель за счет государства с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке» [10, с.11]. Формулировка «обязательное отчуждение» стала своего рода компромиссной между требованием кадетской программы 1905 г., где стояло просто «отчуждение», и показавшейся поначалу кадетам чересчур резкой заявкой на «принудительное отчуждение», содержащейся в появившемся за три дня до этого ответном адресе Думы царю.

Новое, по сравнению с программой конституционно-демократической партии, в «проекте 42-х» заключалось

- в более ярко прописанной социальной направленности документа, провозглашавшего «руководящим началом земельной политики – передачу земли в руки трудящихся» (подчеркнем: речь при этом шла о передаче земли крестьянам *не в собственность, а в долгосрочное пользование*);
- а также в детальной разработке условий и механизма реализации выдвигаемых проектом положений [10, с.11–14].

Правительство не сочло даже нужным путем определенного тайм-аута создавать впечатление, что предложения думцев исполнительной властью изучаются. Уже 13 мая была озвучена декларация Председателя Совета министров И.Л.Горемыкина на ответный адрес Думы царю, в которой акт внесения «проекта 42-х» вообще игнорировался. Зато содержалось выдержанное в решительных тонах заявление, что разрешение земельного вопроса «на предположенных Государственной думою основаниях, безусловно, недопустимо» как ведущее к разложению «самого основания нашей государственности», подтачиванию «жизненных сил нашего отечества». Твердость своей позиции премьер обосновывал ссылкой на принцип «незыблемости и неприкосновенности собственности» как на «краеугольный камень народного благосостояния для всего мира» [10, с.14–15].

В такой обстановке и начались в Думе дебаты по земельному вопросу. Тон в них задали конституционные демократы. Известный правовед, профессор и декан юридического факультета Петербургского университета, соредатор журналов *Право* и *Вестник права* Л.И.Петражицкий в речи 18 мая прежде всего отметил, что выдвигаемый правительством на первый план вопрос о неприкосновенности собственности «не только не может иметь решающего значения в области аграрной реформы, но

вообще не относится к делу». Ибо в российском (как и в мировом) законодательстве неприкосновенность собственности отнюдь не аналогична абсолютной ее неотъемлемости. Соблюдение этого принципа не только не противоречит, но вполне согласуется с началами принудительного отчуждения со справедливым вознаграждением, если того требует общественная и государственная польза. Что же касается последней, то она несомненна ввиду крайней необходимости «устранения ужасного народного бедствия». «Для того чтобы отрицать наличие требования общественной пользы, – подчеркнул Петражицкий, – надо обладать не только бессердечием, но и слепотой, неумением видеть то, что есть, и предвидеть то, что может быть» [10, с.16, 17].

Кадеты-думцы, подталкиваемые обстановкой продолжавшейся в стране революции, отдавали себе отчет в том, что доставшийся в наследство Думе «ужасный, трагический земельный вопрос» народные представители «обязаны... решить, хотя и с великими жертвами». И начинать надо с передела земли в пользу крестьян. «Если нам скажут, что аграрный вопрос должен быть решен без принудительного отчуждения, – настаивал в своей речи другой кадетский оратор и знаток аграрного вопроса М.Я.Герценштейн, – то мы ответим: есть известные положения, которые должны быть всероссийскими, и мы считаем таким положением принцип принудительного отчуждения» [10, с.18–19, 31].

Вместе с тем конституционные демократы, видя в отчуждении меру первостепенного характера, не считали ее панацеей от всех бед, накопившихся в аграрных отношениях. В качестве «первого и основного» требования «сознательной аграрной политики» они считали облегчение возможности выхода крестьян из общины и «соответственно распоряжения своим имуществом и личностью», а также всемерное развитие дела просвещения крестьян, ибо «от этого зависит судьба цивилизации» [10, с.21]. Таковы были представления «классических» русских либералов о путях органического вхождения России – в том числе и на базе решения аграрного вопроса – в мировую цивилизацию. В качестве неотъемлемого условия такого вхождения они выдвигали – в числе других общечеловеческих прав – и право каждого на достойное существование⁷. Здесь, правда, взгляды кадетов не были однозначными. Представи-

⁷ Выдающийся отечественный философ права и один из лидеров Конституционно-демократической партии П.И.Новгородцев уже на ее учредительном съезде выступил за внесение в ее программу **инновационного для мирового правоведения и социальной практики положения о том, что «русский закон признает право на достойное челове-**

тели правого крыла видели будущее поземельных отношений не только в сохранении, но и в приумножении экономического веса и влияния крупного землевладения.

Крупный саратовский помещик, председатель саратовской земской управы, один из основателей кадетской партии и член ее ЦК первого состава, Н.Н.Львов резко выступил в Думе против основных положений «проекта 42-х». Он считал, что принудительное отчуждение и перераспределение земли подорвет устои крупных помещичьих хозяйств, ничего не дав крестьянину: «На клочках арендной земли, отведенной в пределах продовольственной нормы, не может быть процветания земледелия». Считая кадетский проект выражением «все того же старого бюрократического деспотизма, который стремится все урвать, все беспощадно сгладить, не считаясь ни с нравами, ни с хозяйственными навыками, ни с бытом населения» [10, с.32, 33], Львов вышел из кадетской партии, став одним из инициаторов создания Партии мирного обновления, тяготевшей в большей степени к октябризму, чем к кадетизму.

В отличие от правых в своей партии, основная часть кадетов видела в аграрных преобразованиях не только экономический, но и социальный смысл, приписывая им функцию мощного рычага сглаживания социальных контрастов в крестьянской среде. Заявив, что Партия народной свободы не является сторонницей такого строя, «где богатый богатеет, а бедный беднеет», депутат Герценштейн так выразил кредо конституционных демократов на проблему социальной дифференциации в среде крестьянства. «...Не думаю, чтобы можно было считать прогрессом такое состояние, когда из нашего крестьянства будет выделена элита, то, что немцы называют "здоровым крестьянством", потому, что с этим растет и батрачество. Если мы стремимся к реформам, если мы прибегаем к такой чрезвычайной мере, как принудительное отчуждение, то делаем это для более равномерного распределения богатства. Не крестьянин должен опуститься до батрака, а батрак должен подняться до крестьянства» [10, с.28]⁸.

ское существование, право на труд и нормальное приложение труда» [37, с.158]. Большинство съезда, однако, эту идею не поддержало.

⁸ *Личная судьба главного специалиста по аграрному вопросу партии конституционных демократов, главы ее аграрной комиссии М.Я.Герценштейна – показательный пример того, что последовательное выступление даже умеренно мыслящего политического деятеля с идеей принудительного отчуждения земли, тем более, если этот деятель был*

Анализируя «проект 42-х», нельзя не коснуться вопроса о том, чем руководствовались либералы, предлагая в ходе аграрного передела передавать землю крестьянам не в собственность, а в долгосрочное пользование «без права переуступки» (в том числе купли-продажи). Наиболее полно аргументация в пользу такого решения вопроса была изложена в речи депутата Я.К.Имшенецкого – сына православного священника, одного из создателей Полтавского губернского кадетского комитета. Свое (и своей партии) убеждение в том, что «наделение крестьян землей на правах собственников представит для них значительно меньше выгод, чем наделение в пользование», он обосновывал следующими доводами:

- *во-первых*, оценка земли в таком случае уже не справедливая (т.е. базирующаяся на капитализированной реальной стоимости земли), а рыночная;
- *во-вторых*, к земле, как к частной собственности, «будет тянуться много рук, для которых земля не представляет интереса как средство производства»;
- *в-третьих*, при неизбежной в случае господства частной собственности на землю дифференциации в крестьянской среде «более сильные хозяйства будут все свои расчеты, все свои надежды обращать на расширение своих владений». При наделении же землей в пользование крестьян «сбережения будут обращаться не на расширение землевладения, а на увеличение капитала, который прилагается к земле, на увеличение производительности земледельческого труда»;
- *в-четвертых*, вопреки распространенному убеждению, пользование «гораздо меньше прикрепляет к земле, чем владение ею на правах собственности». В условиях развития промышленности будет увеличиваться отлив населения из сферы земледелия, а покинутая земля, вновь поступаая в распоряжение государства, даст ему возможность постепенно доводить пределы землепользования от планировавшейся кадетами потребительской

евреем, талантом и трудом преодолевшим барьеры царского антиеврейского законодательства, ставшим депутатом Думы, для черносотенцев было вполне достаточным, чтобы считать его вне закона. 18 июля, через 10 дней после роспуска Первой Государственной думы Михаил Яковлевич Герценштейн, «подписант» знаменитого Выборгского воззвания, по приговору боевой организации Союза русского народа был застрелен у себя на даче в Териоках (См. в том числе: [13, с.168–170]).

- нормы на едока⁹ до уровня трудовой нормы, определяемой способностью крестьянина обрабатывать ее собственным трудом;
- и, наконец, *в-пятых*, с психологической точки зрения, крестьянину «важен не факт собственности, а прочность владения землей», когда он «может быть совершенно спокоен, что данный участок будет находиться в его распоряжении и перейдет к его наследникам в качестве средства для приложения земледельческого труда, причем и все приспособления и улучшения останутся в пользу той же самой земли» [10, с.64–65].

Как видим, кадетская программа решения аграрно-крестьянского вопроса, не будучи в целом радикальной, все же противостояла принципам грядущей аграрной реформы, которая в концептуальных своих основах сложилась у П.А.Столыпина уже к началу революционных событий 1905 года ([38, с.18–22]. См. также: [27]). Конституционные демократы, в отличие от будущего премьера, делали ставку не на крестьянина-собственника, а на крестьянина-производителя. Будучи, таким образом, принципиальными сторонниками возможно более полного развития капиталистических отношений, кадеты, вместе с тем, стремились не сходить с позиций эволюционизма и реализма, учитывать в процессе преобразования аграрного строя реалии исторического развития страны, особенности национальной социокультурной среды, социально-психологические факторы и специфику крестьянской ментальности.

С позиций последующего исторического опыта есть основания полагать, что выраженная «проектом 42-х» либеральная модель, сформулированная на «пике кадетской оппозиционности» [41, с.152], была по тем временам наиболее оптимальной в рамках мирных, эволюционных подходов к решению аграрной проблемы в целом. В том числе, – и в первую очередь, – в реализации ее наиболее насущного и острого аспекта, который заключался в вопросе о земле. Она была нацелена на придание модернизационным процессам в стране достаточно уверенного хода. «Подчеркивая прогрессивный характер частной собственности капиталистического типа, – констатирует в связи с этим В.В.Шелохаев, – либералы, прежде всего кадеты, вместе с тем, выступали за постепенное вытеснение собственности феодального типа (принудительное отчуждение

⁹ *Т.е., как разъяснялось в «проекте 42-х», такого количества земли, которое «было бы достаточно для покрытия средних потребностей в продовольствии, жилище, одежды и для несения повинностей».*

большей части помещичьего землевладения за выкуп), считая ее экономической основой отжившей политической системы и основным источником социальных конфликтов в деревне». Они справедливо полагали, что дворяне-помещики уже исчерпали лимит отведенного им исторического времени. Иными словами, добавляет к уже сказанному исследователь: «...за фасадом борьбы между помещиками и буржуазией за политическую власть достаточно определенно просматривается борьба буржуазии за ограничение прав помещиков на монопольное владение земельной собственностью» [43, с.35, 34].

Реализация подобных далеко идущих планов могла создать неплохие предпосылки для подъема производительных сил и движения страны в направлении упрочения рациональной рыночной экономики¹⁰ и – на этой основе – снятия остроты социальных противоречий. А также введения политических катаклизмов в русло более или менее упорядоченной и, главное, мирно протекающей эволюции политического режима самодержавного типа в направлении конституционно-парламентского строя.

Будучи не в силах правильно оценить истинный смысл развернувшихся в стране событий, понять, что либералы предлагают власть поддерживающую оптимальную программу самосохранения на основе гибкой адаптации к резко меняющимся условиям, царская администрация оказалась неспособной встать на путь спасительного для нее компромисса.

Духом принципиальной невозможности такого компромисса была пронизана речь в Думе главноуправляющего землеустройством и земледелием А.С.Стишинского 19 мая, предложившего думцам улучшение благосостояния крестьянского населения «искать в других мерах», нежели те, что предполагались «проектом 42-х». Набор контраргументов главного «землеустроителя», выдвинувшегося из числа руководителей МВД, оригинальностью не отличался. Экстравагантно для условий всё еще продолжавшейся революции в стране выглядела ссылка на отслужившую уже почти полвека статью 8-ю Положения 19 февраля 1861 г., указывавшую, что помещики, однажды наделившие крестьян из своих вотчин, никогда впредь не могут быть обязаны дополнительным наделением. К тому же, как выходило из расчетов Стишинского, отвод крестьянам могущей быть отчужденной земли (41 млн десятин) «увеличит их нынешнее землевладение в незначительной степени (35%)» [10, с.45].

¹⁰ Специально об этом см.: [42, с.114–134].

В пику не только крестьянским, но и широко понимаемым либеральным настроениям в стране прозвучала сентенция Стишинского – человека «ненадлежащего характера и реакционной тенденции» (по оценке С.Ю.Витте) [6, с.348], нацеленная на увековечение полуфеодалных земельных отношений в стране: «На земле, состоящей во владении крестьян, труд их не может быть использован с тою выгодой, которую предоставляют им совместная эксплуатация собственной земли и работы на владельческих угодьях» [10, с.47]. Крестьянам, как видим, вновь предлагалось сводить концы с концами за счет подработок в качестве батраков в помещичьих латифундиях.

Всё, что мог предложить крестьянам главноуправляющий землеустройством и земледелием в качестве правительственной альтернативы «проекту 42-х», заключалось в «улучшении условий землепользования их в пределах расширения крестьянского землевладения путем планомерной покупки частных земель Крестьянским банком, в правильной, широкой постановке переселенческого дела» [10, с.53].

Еще один гвоздь в гроб кадетского аграрного проекта был вбит товарищем министра внутренних дел В.И.Гурко. Поднявшись на трибуну вслед за Стишинским, он обвинил народных избранников в том, что их идея «раздробления земли на малые потребительские участки» есть не что иное, «как самое деспотическое ограничение свободы человека, ограничение его хозяйственной и экономической свободы» [10, с.54]¹¹. Слова в защиту общечеловеческих прав и свобод и в осуждение «деспотизма» из уст одного из высших чинов министерства, призванного охранять устои и карать тех, кто на них посягает, могли показаться необычными, если бы из дальнейших рассуждений Гурко не становилось очевидным, что они адресуются помещикам в стремлении заслонить их от «слепой стихийной жажды крестьян к обладанию помещичьей землей» [10, с.54].

Выступив в Думе 19 мая по поручению правительства, Гурко перешел дорогу рвавшемуся на думскую трибуну своему шефу – министру внутренних дел П.А.Столыпину, занявшему этот пост лишь за три с половиной недели до того – 26 апреля, опередив новоявленного министра и в озвучивании положения, которое составило затем одно из осно-

¹¹ *Обращает на себя внимание текстовое совпадение положения речи В.И.Гурко о «деспотическом ограничении свободы человека» с формулировками речи выступавшего в тот же день саратовского помещика И.Н.Львова, разочаровавшегося в кадетизме. Он оценил положения «проекта 42-х» как «пропитанные духом деспотизма» [10, с.34].*

ваний будущей аграрной политики, получившей в истории имя «столыпинской». «Смею думать, господа, – заключил свою речь товарищ министра внутренних дел, – что не уничтожение собственности на землю, а закрепление за каждым крестьянином в его частную собственность ныне состоящей в его владении наделной земли – вот какой мерой Государственная дума заслужит от народа большое спасибо» [10, с.54].

Торпедирование царизмом либерального проекта аграрных преобразований означало, что сохранявший свою самодержавную сущность политический режим не воспользовался еще одним шансом, предоставленным ему общественным мнением достаточно влиятельных и дальновидных социально-политических сил страны. Он проигнорировал ту «точку бифуркации», которая открывала перспективы «спасти и умирить» Россию, о чем, кстати, мечтал Николай II, встать на путь «терапевтического излечения» социально-экономических болезней, терзавших страну. Излечения постепенного, непростого, способного вызвать осложнения и даже рецидивы отторжения как со стороны помещиков, так и в среде радикально настроенного крестьянства, но все же единственно возможного в поиске компромисса в тех близких к тупику обстоятельствах.

В контексте вышеприведенных фактов нелогичным выглядит стремление отдельных современных историков «отыскать» в прошлом некий тайный реформаторский проект, который Николай II якобы задумал и, никого не ставя в известность, поэтапно осуществлял, начиная с 1895 г., независимо от оппозиционного и революционного движения в стране¹².

Страсти накаляются

Взятый правительством курс на «обуздание крамолы», его отказ от изыскания средств для достижения компромисса на разумной либеральной основе лишь расчистил путь для радикализации аграрно-крестьянского вопроса и повышения накала страстей при обсуждении его в стенах Таврического дворца, а также далеко за его пределами – в городах и весях страны. Державы огромной, но, как оказалось, далеко не бескрайней в смысле обеспеченности удобной для производителя земель сельскохозяйственного предназначения.

Еще 18 мая в своей речи в Думе кадет Л.И.Петражицкий, стремясь подчеркнуть умеренный, компромиссный характер «проекта 42-х»,

¹² См.: [19]. *О беспочвенности подобного рода построений см.: [33, с.96–133].*

заявил следующее: «Мы, конечно, будем слышать здесь... воодушевленные речи в пользу полной или частичной национализации земли и негодующие возгласы против иных взглядов. 42 депутата, внесшие эту записку, не доходят до полной национализации; они предлагают только частичную национализацию, а именно, приобретение земли в государственный фонд с сохранением права собственности за государством и с предоставлением крестьянам только временного пользования. ...Мы наделением не решаем аграрного вопроса по существу, а только временно устраняем проявления болезни...» [10, с.21–22].

Всего пять дней потребовалось на подтверждение прогноза Петражицкого. 23 мая фракция трудовиков внесла на рассмотрение депутатов «проект 104-х».

Появлению этого документа предшествовало изменение позиции Партии социалистов-революционеров (ПСР) по отношению к развернувшимся в Таврическом дворце аграрным дебатам. Наряду с большевиками, как помним, эсеры бойкотировали выборы в Первую Государственную думу, исходя из интересов усиления революционного движения в стране. К маю 1906 г. они, однако, изменили свою тактику. Видя оппозиционность Думы, ее неизбежное втягивание в борьбу с правительством, а также учитывая тот факт, что Дума «включает в себя элементы чисто пролетарские и принадлежащие к трудовому крестьянству», I Совет партии принимает решение, в соответствии с которым ставит перед ПСР задачу «через посредничество парламентской Трудовой группы воздействовать на Думу, чтобы привести ее, в том числе, к требованию признания принципа уничтожения частной собственности на землю» [26, с.194].

Правда, в «проекте 104-х» [10, с.55–58] принцип этот текстуально не воспроизводился. Речь шла об установлении порядков, при которых «вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу» и могла отдаваться в пользование только тем, кто будет обрабатывать ее собственным трудом, с равным правом на такое пользование всех граждан.

По-иному, чем кадетам, виделся авторам проекта и механизм перераспределения земли. Все земли в стране, включая принудительно отчуждаемые и прочие частновладельческие, сосредоточивались в образованном для этого общенародном земельном фонде. За чисто терминологическим несходством (в кадетском проекте речь шла о «государственном земельном запасе») скрывались иные принципы формирования и функционирования данного фонда. Заведование общенародным земельным фондом проект Трудовой группы возлагал не на государственные

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА КАК «ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

учреждения, а на «местные самоуправления, избранные всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием, которые в пределах, установленных законом, действуют самостоятельно» (§16).



В зале заседания Первой Государственной думы в Таврическом дворце. 1906 г.

На других, чем у кадетов, принципах решался в проекте Трудовой группы и вопрос о нормах наделения крестьян землей. «Проект 42-х», как помним, считал «желательным доведение размеров обеспечения до потребительской нормы» (пункт II). При этом конституционные демократы исходили из того (и это было зафиксировано еще в ходе дебатов на III съезде партии в апреле 1906 г.), что потребительская норма – «не идеал, а горькая необходимость, дальше которой мы не имеем возможности пойти по недостатку земли вообще» [37, с.309]. Уже в ходе думских дебатов устами кадетских ораторов была озвучена мысль, что отток крестьянского населения из деревни в процессе индустриализации страны позволит постепенно потребительскую норму на едока довести до трудовой нормы в расчете на каждого реального земледельца, что и должно быть «целью аграрной политики» [10, с.64].

В противовес либеральным законодательным предложениям, базировавшимся на принципе сохранения, хотя и в урезанном виде, крупного помещичьего землевладения, проект крестьян-трудовиков исходил из идеи фактической ликвидации такого рода латифундий. Это и должно было, по мысли крестьянских депутатов, создать предпосылки для непосредственного наделения всех желающих и способных заниматься сельскохозяйственным трудом сразу земельными участками «в пределах трудовой нормы» (§10). Эволюционному замыслу конституционных демократов противопоставлялась популярная в широких слоях крестьянства идея «черного передела».

Радикализмом в духе крестьянской демократии отличались и предложения «проекта 104-х» относительно компенсации владельцам частных земель в ходе их изъятия в общенародный земельный фонд. Взамен кадетского – «по справедливой оценке» – вводился иной принцип, который можно охарактеризовать и как «отложенная конфискация» (особенно, если речь вести о крупных латифундиях): «Размер этого вознаграждения и условия его уплаты, а также те случаи, когда земля отчуждается безвозмездно (! – В.Ж.), могут быть определены не прежде, чем этот вопрос и вся аграрная реформа будут обсуждены народом на местах...» (§4). Нетрудно предугадать, чья точка зрения на проблему вознаграждения за отчуждаемые земли сумела бы победить, если бы ее решение было вынесено на суд крестьянских масс.

Речи депутатов-трудовиков и по содержанию, и по тону своему различались от выступлений остальных думцев. Наступательным духом отличались выступления депутата от Саратовской губернии С.В.Аникина¹³. «Если России не суждено еще ввергнуться в новый поток революции, – заявил он уже 13 мая в пику Декларации председателя Совета министров И.Л.Горемыкина, – то эти (частновладельческие. – В.Ж.) земли должны быть отобраны, должны быть немедленно отданы в руки трудового народа законодательным порядком... Мы, крестьяне, требуем права... Мы хотим, чтобы хозяином страны и распорядителем ее был народ» [10, с.15].

¹³ Писатель, публицист, народный учитель и организатор Всероссийского съезда учителей (Москва, декабрь 1902 г.); один из лидеров Всероссийского крестьянского союза в Поволжье, член Партии социалистов-революционеров, участник первого заседания Международной интерпарламентской комиссии социалистов в Лондоне летом 1906 г. (Подтверждение последнему см.: [26, с.550]).

Не ограничиваясь митинговой патетикой своего коллеги по Трудовой группе, гласный Черниговского земства и бывший член Союза освобождения, составившего затем ядро кадетской партии, доктор агрономии, профессор Т.В.Локоть выступил за последовательную реализацию принципа «*вся земля должна находиться в пользовании земледельческого населения России*». Цель аграрных преобразований он выразил так: «Необходимо устранить существование крупной и средней земельной собственности в России». Не больше – не меньше. «Не признавая никакой роли прогрессивности за крупным землевладением в наших русских экономических условиях в данный момент, я считаю, что оставление земли в руках крупных и средних земельных собственников представляется явной народной несправедливостью» [10, с.35, 37]. Слова эти исходили от депутата, политическая ориентация которого изначально, несмотря на последующее некоторое сочувствие меньшевикам, не выходила за рамки левого кадетизма (См.: [8, с.345]). Гарантию недопущения скопления земли в одних руках Локоть видел в системе прогрессивного обложения земельной собственности, то есть на путях жесткого государственного регулирования.

Получалось так, что в оценке превалирующих над позитивными негативных сторон распространения прав частной собственности на крестьянские наделы сходились представления весьма значительной части депутатского корпуса Первой думы, включавшей в себя и немалую долю кадетов. Настроения в пользу национализации земли витали в воздухе. К выводу о необходимости воплощения их в жизнь склонялось мнение довольно широких социально-политических слоев возбужденного революцией российского общества. Кадеты в этих условиях вынуждены были в своей реформаторской решимости дойти до рубежа «полунационализации», имея в виду создание «государственного земельного запаса» и передачу крестьянской земли не в собственность, а в длительное пользование земледельца без права ее купли-продажи.

На некоторые важные причины и обстоятельства, вызвавшие к жизни подобного рода настроения, обратил внимание в своей речи депутат от Саратовской губернии, секретарь временной комиссии по составлению наказов Думы, один из создателей и лидеров Партии конституционных демократов, член ее ЦК С.А.Котляревский – известный историк русского права, юрист, публицист. «Мне кажется, – со знанием дела констатировал он, – что по многим причинам, именно в России, сделалась чрезвычайно популярной не столько сама идея национализации в строго юридическом и политическом смысле этого слова, сколько из-

вестное настроение в пользу национализации. Обусловливалось это тем, что в России очень долго земельная собственность была связана с целым рядом своеобразных экономических отношений: собственностью на землю, предполагая собственность на людей; далее сохранились воспоминания крепостного права. Под классом земельных собственников в России понимали класс помещиков, очень часто класс крупных землевладельцев. И поэтому большой популярностью пользовалась идея государственного земельного фонда, причем не всегда вполне ясно оценивали юридическое содержание этого положения, но всегда это казалось чем-то привлекательным». Свое личное мнение Котляревский сформулировал так: «...Движение в сторону национализации в обществе, где господствует все время частноправовой оборот и господствует капиталистическое хозяйство, есть вещь, заранее обреченная на неудачу» [10, с.75].

Появление в этих условиях «проекта 104-х» как законодательного предположения, нацеливающего аграрную реформу на национализацию земли, было явлением далеко не случайным. Кадеты понимали это, хотя и не разделяли подобного рода представлений. Иррациональными они воспринимались октябристами и депутатами с более правыми взглядами. Председатель Елисаветградской уездной земской управы Херсонской губернии и Елисаветградского отдела «Союза 17 октября» С.Т.Варун-Секрет был однозначен в своем суждении: «Я не буду касаться проекта, который предлагается Трудовой группой, ибо его можно отнести к слишком отвлеченным идеям, не проверенным жизнью, и поэтому он не может быть предметом практической политики» [10, с.72].

Непоколебимость дворянина, крупного херсонского помещика (1 870 десятин родового имения и 1 004 десятины приобретенной земли) и корнета запаса (См.: [8, с.86–87]) была понятна и естественна. Сложнее обстояло дело с тем, что царское правительство с такой же однозначностью и непоколебимостью выводило за рамки реальной политики массовые процессы и настроения, нуждавшиеся в гораздо более гибком отношении к ним.

С ходу отвергнув компромиссный кадетский «проект 42-х», не увидев ничего, кроме абсурдности, в «проекте 104-х», правительство само выпустило на волю джинна «черного передела». Читающая публика России, жадно изучавшая по газетным отчетам дебаты в Государственной думе по земельному вопросу, ждала новых сенсаций. 8 июня 1806 г. на усмотрение депутатов был вынесен еще один документ, на этот раз

напугавший уже саму Думу. Это был «Проект основного земельного закона», подготовленный 33 думцами, признавшими недостаточно радикальными даже «проект 104-х» и решившими вынести на суд, не столько Думы, сколько российской общественности в целом, программные положения ПСР. Партии, I Совет которой лишь накануне – в мае – принял решение в связи с открытием Думы «впредь для большего выяснения для масс населения политического положения и тактики правительства временно приостановить террористическую деятельность, не прекращая, однако, ни на минуту общей боевой подготовки» [26, с.194].

В «Проекте 33-х» [10, с.79–83] проводились ультрарадикальные эсеровские идеи «социализации земли». Параграф 1 отдела I проекта «Основы закона о земле» гласил: «Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается». В такой формулировке нашел свое выражение эсеровский программный принцип, отражавший массовые ментальные представления крестьян: «земля ничья» в человеческом измерении, ибо она Божья. Второй исходный принцип аграрной части программы ПСР об изъятии земли из товарного оборота в «Проекте 33-х» не воспроизводился. Но вытекающее из него положение составило содержание §2 Отдела I документа: «Вся земля с ее недрами и водами объявляется общей собственностью всего населения Российского Государства». Земельные права российских граждан (Отдел II) фиксировались достаточно определенно и жестко: не менее потребительской нормы (§2), но и не более трудовой нормы надела (§3). Проектом предусматривался выбор: крестьянин мог трудиться на полагающемся ему участке земли как в составе общины, так и выйдя из нее.

Разработанный частным совещанием депутатов Трудовой группы при непосредственном участии эсеров, проект был ориентирован – прежде всего и в основном – на широкий пропагандистский эффект с целью «раскачивания лодки» социальных настроений в обществе и подстегивания революционной активности в крестьянской среде. Готовя общественное мнение, социалисты-революционеры с 17 мая 1906 г. стали выпускать в Петербурге ежедневную газету *Народный вестник* как продолжение журнала с тем же названием. В статье «Аграрные дебаты и народное движение» прямо указывалось: «Терпение на исходе. Волнение растет. Неурожай и голод подвигивают нервы. Правительственная борьба с голодающими провоцирует на взрывы. Массы ждут нетерпели-

во. И надо считаться не только с объективной логикой положения, но и с субъективной психологией масс» [23].

В этой обстановке эсерам было крайне важно использовать трибуну Государственной думы, дебаты в ней по аграрному вопросу в целях перевода ситуации из состояния крайнего напряжения в фазу социального взрыва: «И только прикоснувшись к *матери-земле*, подобно древнему великану, истинные выразители нужд народных наберутся новых сил, необходимых для решительной борьбы» [23]. Действительные цели эсеров, стоявших за спиной депутатов-трудовиков, были для большинства Думы совершенно очевидны. Отвергнув «проект 33-х», Дума высказалась и против передачи его в качестве материала в думскую аграрную комиссию. Тем не менее свою провоцирующую роль он сыграл, еще более обострив отношения правительства и в муках рождающегося российского парламента.

Инициировав эскалацию своих агитационно-пропагандистских акций, левые, казалось, перехватили инициативу у кадетов, переведя фокус общественного внимания с действительно делового и компромиссного «проекта 42-х» на прожекты, по определению не имеющие шансов на реализацию.

Конституционные демократы, однако, сдаваться не собирались. Еще 13 мая в ответ на декларацию премьера И.Л.Горемыкина депутаты высказались за его отставку и создание правительства, пользующегося доверием Думы. Стремясь выиграть время для обдумывания и принятия решения – договориться с Думой или же разогнать ее? – Николай II через свое ближайшее окружение начал в июне переговоры с думскими лидерами. Посредником в них со стороны царя и правительства выступил дворцовый комендант Д.Ф.Трепов, со стороны же кадетского руководства – не состоявший депутатом Думы П.Н.Милюков. Лидер Партии народной свободы взялся за дело с энтузиазмом и верой в успех, встречаясь, с одной стороны, с царскими чиновниками (министром внутренних дел П.А.Столыпиным, министром иностранных дел А.П.Извольским и др.). С другой же стороны, – в плане организации давления на правительство «снизу» – с членом ЦК ПСР М.А.Натансоном. Как вспоминал впоследствии Милюков, Трепов вел себя весьма предупредительно, в том числе соглашаясь на требование в плане «принудительного отчуждения» части помещичьих земель [21, с.376–387].

Правительственное сообщение от 20 июня [31, с.1] не подтвердило надежд либералов на возможность компромисса с царем и правительст-

вом. Обстоятельное, выдержанное во внешне спокойных тонах, оно явно адресовалось не Думе, не политическим партиям и течениям в стране, а непосредственно крестьянству, в лояльность которого лично к себе Николай свято верил. Именно крестьянству правительство в «отеческих» тонах пыталось внушить мысль о беспочвенности думских проектов решения аграрного вопроса в стране. Главное в документе было заключено в следующих словах: «Распространяемое среди сельского населения убеждение, что земля не может составлять чьей-либо собственности, а должна состоять в пользовании только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчуждение всех частновладельческих земель, правительство признает совершенно неправильным».

Как видим, речь шла о радикальных проектах 104-х и 33-х думских депутатов, ибо в кадетском «проекте 42-х» не содержалось ни положения о том, что «земля не может составлять чьей-либо собственности», ни заявки на принудительное отчуждение *всех* «частновладельческих земель». Однако уже в следующем абзаце своего заявления правительство категорически отрицало целесообразность кадетской модели решения вопроса о земле: «Отчуждение частновладельческих земель не увеличит крестьянские достатки, а, наоборот, разорит все государство и обрекает само земельное крестьянство на вечную нищету и даже голод». В подтверждение этого тезиса, фактически объявлявшего кадетов врагами и разорителями крестьянства, приводились довольно подробные расчеты, из которых следовало: «Если разделить между крестьянами все не находящиеся в их пользовании земли, что, очевидно, невозможно, то и в таком случае на каждую душу мужского пола придется всего около одной добавочной десятины земли».

Что же предлагалось самим правительством взамен думских проектов и прожектов? Прежде всего, передать малоземельным крестьянам «на выгодных для них условиях» все пригодные казенные земли и выкупить за счет государства у частных владельцев *добровольно* продаваемые ими земли. Далее принять меры для организации переселения крестьян в Сибирь, степные области Средней Азии с обширными площадями свободной плодородной земли. Наконец, правительство делало ставку на частнособственнический инстинкт крестьянина, обещая ему предоставление права выхода из общины и закрепление в частную собственность участка общинной земли. При этом, если переделы земли не производились в течение 24 лет, земельные участки, состоявшие в пользовании отдельных домохозяев, сразу же объявлялись их неотъемлемой

собственностью, а община лишалась права впредь производить какие бы то ни было переделы.

Заканчивалось правительственное сообщение полуугрозой-полуувещеванием в адрес крестьян: «Русское крестьянство должно знать и помнить, что не от смут и насилия оно может ожидать удовлетворения своих нужд, а от мирного своего труда и постоянных о нем забот Государя Императора» [31, с.90].

Так правительство Горемыкина, которое – по оценке даже консервативно мыслявшего С.Ю.Витте – «заключало членов, известных всей России как крайние реакционеры и поклонники полицейского режима» [6, с.363], откликнулось на всю палитру общественного мнения по вопросу о земле, отразившегося в зеркале дебатов в Первой Государственной думе. Правда, при этом была изложена сумма принципов и мер в плане реализации аграрных преобразований, которые в недалеком будущем составят содержание правительственной политики.

Правительственное заявление, адресуемое крестьянству «через голову» Думы, было лишним подтверждением того, что царизм готовит ее роспуск. Премьер Горемыкин уже в начале июня в частных беседах позволял себе высказывания вроде того, что благодаря его предшественнику С.Ю.Витте в Петербурге «собралась не палата депутатов, а грязные подонки» (См.: [36, с.148]).

Ощущением приближающегося конца и стремлением не дать правительству повода для своего разгона было пронизано появившееся 4 июля ответное Обращение Государственной думы по аграрному вопросу [10, с.90–92]. Все еще надеясь на благоразумие правительства, думцы призывали крестьян к терпению. Указывая, что «только тщательно обдуманный и правильно составленный закон может дать народу земельное обеспечение», Государственная дума выражала надежду, что «население будет покойно и мирно ожидать окончания его работы по изданию такого закона». Вместе с тем, Дума подтверждала неизменность своей позиции по ключевому вопросу развернувшихся в ходе ее работы дебатов. «Что же касается до принудительного отчуждения частновладельческих земель, то Государственная дума от сего основания земельного закона не отступит, отклоняя все предположения, с этим началом не согласованные». При этом народные избранники посчитали необходимым напомнить правительству, что согласно Манифесту 17 октября 1905 г., никакое предположение правительства не может воспринять силу закона без одобрения Государственной думы.

Последнее предостережение, впрочем, вряд ли могло озадачить или напугать исполнительную власть, располагавшую упоминавшимся выше Сводом Основных государственных законов, утвержденных царем 23-го и опубликованных 27 апреля 1906 г. [30], т.е. в день открытия Первой Государственной думы. В Свод действительно вошло упомянутое выше положение, но в несколько иной редакции: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной думы и воспринят без утверждения Государя Императора». Однако, ст. 87 содержала важное уточнение. Она предусматривала возможность в случае прекращения, а также перерыва в деятельности Госсовета или Думы (т.е. в «бездумный период» – по саркастическому замечанию кадета А.И.Шингарева на одном из заседаний уже Второй Думы) [10, с.30] проводить, если чрезвычайные обстоятельства вызывают необходимость, обсуждение законопроектов в Совете министров. С последующим утверждением их императором в форме Высочайших Указов, сразу и непосредственно вступающих в силу. Это развязывало руки царю и правительству в отношении самоличного роспуска Думы, а также направляло, как свидетельствует последующий ход событий, аграрное законодательство страны в русло правотворчества, вызываемого почти исключительно «чрезвычайными обстоятельствами», монополия на определение которых также сосредоточивалась в руках исполнительных структур.

С.Ю.Витте – организатор и руководитель подготовки Свода Основных государственных законов – так оценил их место и роль в эволюции политического строя России: «Законы эти сохранили за государем обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, ...установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма» (подчеркнуто мной. – В.Ж.) [6, с.306]. Современные исследователи при характеристике политического строя думской России – так или иначе, в разных вариантах – подтверждают это резюме маститого царского сановника. Так, А.Н.Медушевский, например, вслед за Максом Вебером [4, с.40] называет данный режим «мнимым конституционализмом» [20, с.47]. Большинство же историков¹⁴, солидаризируясь с высказанным в свое время мнением кадета Василия Маклакова, предпочитают говорить об эволюции государственности в направлении конституционной монархии и установлении дуалистической монархии как промежуточного этапа на пути к монархии конституционной (См., в первую очередь: [20,

¹⁴ М.Шефтель, Б.Н.Миронов, И.А.Христофоров, В.С.Дякин, С.В.Куликов, А.С.Туманова.

с.101]). В любом случае это фиксирует уязвимость, ограниченность прав и возможностей первого представительного учреждения с законодательными функциями в истории России. Так что озвученное на одном из заседаний Думы и так возмутившее ее депутатов мнение министра финансов, а затем и премьера В.Н.Коковцова «У нас парламента, слава Богу, пока еще нет», достаточно точно отражало политические реалии и суть феномена думской монархии.

Финал без победителей

Процесс революционизирования Первой Государственной думы, во многом спровоцированный неуклюжими, негибкими действиями администрации, поставил правительство перед необходимостью разгона Думы, что трудно квалифицировать иначе как акт беспомощности исполнительных структур. Поводом для роспуска стал факт появления упомянутого выше обращения Думы от 4 июля, который с большой натяжкой, если не сказать – грубой подтасовкой, был квалифицирован царским Манифестом от 9 июля как свидетельство того, что «выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область». Истинная же причина этой заранее предрешенной акции была очевидна. С.Ю.Витте – как уже опальный сановник – сформулировал ее с предельной четкостью: «Как только Дума начала обсуждать вопрос о земельном устройстве с точки зрения принудительного отчуждения частновладельческих земель, конечно за плату, правительство решило *заранее* (курсив мой. – В.Ж.) Думу такую разогнать» [6, с.362].

Всё было обставлено по образу и подобию созревшего в «верхах» заговора. Накануне выходных министр внутренних дел заявил о своем намерении выступить в Думе 10 июля. В то время как депутаты спокойно разъехались на отдых, царь 8 июля подписал Манифест о роспуске Думы, который был опубликован в *Правительственном вестнике* 9 июля. Лидеру кадетов П.Н.Милкокову, накануне прознавшему, что текст Манифеста находится уже в типографии, ничего иного не оставалось, как на велосипеде (!) объезжать квартиры членов ЦК своей партии, созывая их на экстренное совещание [41, с.210]. На нем и был выработан документ, положенный в основу Выборгского воззвания депутатов Думы «Народу от народных представителей» с призывом к населению в знак протеста провести акции гражданского неповиновения. Которые, в конечном счете, не обернулись зримым успехом.

Велосипед Милюкова – как некое подручное средство чрезвычайно политического действия – вот то, действительно зримое в силу своей материальности, что либералы смогли противопоставить диктату царя и его правительства, на стороне которых была вся мощь материальных средств и карательного аппарата Империи.

Так закончились горячие дни работы Первой Государственной думы. Они не только не потрясли мир, но даже не поколебали полуфеодалные аграрные отношения в стране. Однако уроки из опыта взаимоотношений с Первой думой реально правящие в стране круги всё же извлекли. Но, добавим, в первую очередь, лично для себя и своей социальной опоры. По «сенатским разъяснениям» избирательного закона впредь от участия в выборах были отстранены целые слои крестьян и рабочих. Правительство отказалось от своей прежней позиции стороннего наблюдателя хода новой избирательной кампании. Наказало тюремным заключением и лишением избирательных прав наиболее активных подписантов Выборгского воззвания. В том числе лидеров кадетской фракции, включая Председателя Думы – выдающегося отечественного правоведа С.А.Муромцева¹⁵.

Но, главное, правительство с пользой для себя распорядилось ситуацией «выпадения» из политического процесса на семь с лишним месяцев законодательного органа первой инстанции. Опираясь на ст.87 Свода Основных государственных законов 1906 г., Совет министров разработал в отсутствие Думы, а царь подписал 9 ноября 1906 г. именным Высочайшим Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». За витиеватым названием скрывался тот знаменитый акт, получивший широчайшее истолкование в дореволюционной, советской и современной историографии, который дал старт столыпинским аграрным преобразованиям. Его появление означало, что исполнительная власть берет на себя инициативу и ответственность за дальнейший ход аграрных преобразований в стране, выкраивая их конфигурацию по своим собственным лекалам.

¹⁵ Специально об этом см.: [1]. – Будучи сторонником становления гражданского общества в России, С.А.Муромцев считал, что «задача всех реформ настоящего царствования состоит в том, чтобы стимулировать самодеятельность общества» (Цит. по: [9, с.272]. См. также: [3, с.238]). Выбрасывая из сферы политики и общественной деятельности действительную элиту, лучших представителей слоев и сил российского общества, нацеленных на эволюционный путь модернизации, царизм и себя лишил будущего.



Депутаты Первой Государственной думы возвращаются после приема в Зимнем дворце
27 апреля 1906 г.

Шанс определиться с началом длительного, сложного, конфликтного, но единственно возможного способа встать на путь органического реформирования аграрного строя, который был предоставлен царизму на этапе деятельности Первой Государственной думы, власть «бездумно» (в прямом и переносном смысле) и самонадеянно упустила. Что предопределило конечный неуспех последующих попыток исправить ситуацию в виде системы действительно важных мер, составивших содержание столыпинской аграрной политики. Не начавшись, реформа была уже обречена на то, чтобы стать, по меткому определению крупного отечественного историка К.Н.Тарновского, «запоздалой буржуазной реформой после запоздалой буржуазной революции» (Цит. по: [22, с.110]), главная уязвимость которой состояла в том, что она (реформа) была спущена «сверху», а не опиралась на широко понимаемое общественное мнение в стране. То есть на вердикт общества, уже разбуженного революцией, выразителем и ретранслятором требований которого во многом стала Первая Государственная дума.

Первая дума вошла в историю с самыми различными оценками ее современниками и потомками. Одни называли ее Думой «народного возмездия», другие (Витте, например) – «общественного увлечения и государственной неопытности». Сегодня – с более чем вековой исторической дистанции, не погасившей, однако, жгучей актуальности поставленных в ходе ее работы проблем, – есть основания назвать первопродца российского парламентаризма «Думой утраченного шанса». Причем, не только для господствующего политического режима, но для государства и общества в целом.

С.Ю.Витте в своих «Воспоминаниях» воссоздает яркую и, главное, символическую картину обстоятельств, сопутствовавших подписанию Николаем II по настоянию премьера указа о роспуске Думы, и последовавшими за этим «приключениями», связанными с его опубликованием: «Горемыкин вернулся (из Царского Села от императора. – В.Ж.) в Петербург, послал указ в Сенат для опубликования, а сам лег спать и приказал себя не будить. Ночью он уже получил распоряжение указ не опубликовывать, но так как сам он спал и приказал себя не будить, то распоряжение это ему не было передано, а потому на другое утро указ этот появился. Таким образом злые языки говорили, что Дума была распущена вследствие известного, составляющего характерную черту Горемыкина, постоянного стремления к полному спокойствию» [6, с.364].

Отвергнув реформаторские начинания умеренных сил Первой думы, царизм «проспал» возможность продлить свое существование и этим создать предпосылки мирной пролонгации модернизационных процессов в стране в режиме эволюции политической системы в направлении действенной конституционной монархии. «Манфишизм» (наплеватьство), как тогда было принято говорить, Горемыкина и его олимпийское спокойствие, лишь отразившие самонадеянность власти, ее оторванность от реальных процессов и проблем, действительно терзавших тогда российское общество, не смогли затем быть компенсированы умом, энергией, напористостью Петра Аркадьевича Столыпина, пришедшего ему на смену в качестве главы правительства.

Крот истории, как говорится, копает глубоко. Хотя внешне после разгона Первой думы все осталось как бы прежним, но это была во многом уже другая страна. Страна, которая прошла через горнило формирования гласного, в полную силу выразившего себя общественного мнения; через этапы противостояния и столкновения этого мнения с позицией реально правивших «верхов»; позицией явно и наглядно уязвимой, неприкрыто ориентированной на соблюдение интересов доста-

точно узких социальных слоев и политических сил российского общества.

Итак, в ходе бурных дискуссий 1906 года в стенах Таврического дворца нашли отражение, проявили себя и в острой борьбе столкнулись три стратегии решения самого главного и острого вопроса той эпохи – вопроса о земле. Стратегии, отразившие программтику формировавшейся в стране легальной (в дополнение к революционной) многопартийности: революционно-наступательная, консервативно-обороняющаяся и реформаторски-компромиссная. В совокупности и во взаимном противостоянии они как раз и составили ту парадигму в соотношении социальных и политических сил российского общества, наличие которой позволяет нам называть Первую Государственную думу «зеркалом русской революции».

Последняя из них, будучи наиболее рациональной и реалистичной, тем не менее, не смогла занять лидирующие позиции, будучи теснимой своими оппонентами как слева, так и справа. Руководствуясь магическим типом сознания, до предела разогретого действительно тяжелым материальным положением и обстановкой острой социальной несправедливости, провоцируемой «верхами», народные массы, прежде всего крестьянство, не хотели уже прислушиваться к доводам реформаторской целесообразности, будучи психологически готовыми к решению земельного вопроса насильственным, захватным путем.

Вместе с тем, требуют серьезной корректировки и представления о степени влияния программтики революционных политических партий страны на социальное поведение крестьянства. Считая себя вожаками массового движения, революционные партии (в разобранной нами ситуации – эсеры) нередко вынуждены были выступать в роли его ведомых, будучи в определенной степени заложниками «великого незнакомца» [5] – крестьянства, творившего по своему разумению, а не по подсказке со стороны, процесс самоосвобождения в потоке «великой крестьянской революции в России 1902–1922 гг.». Так назвал это беспрецедентное движение выдающийся отечественный историк крестьянства В.П.Данилов¹⁶.

История – с подачи имперской исполнительной власти – отвела на работу Первой Государственной думы 72 дня. По чистому совпадению, которое, однако, наталкивает на некоторые размышления, в 72 дня уме-

¹⁶ См в частности: [5, с.310–319; 44, р.137–157]. Специально о концепции В.П.Данилова см.: [17, с.5–32].

стилось время существования Парижской коммуны, деятели которой получили в исторической памяти емкий титул «штурмующих небо». Парижское небо 1871 года, окрашенное в тона военного унижения бонапартистской Франции, вызвавшего Сентябрьскую революцию 1870 г., казалось бы, ничем не напоминает петербургское небо 1906 года. Небо уверовавшей в свою неуязвимость и непотопляемость – в пике всем и всяческим «смутам» – великой Империи. Но пройдет десять с небольшим лет, и небосклон России перечеркнут грозные красные сполохи. И «штурмовать небо» будет уже не скромная кучка думских депутатов, а всеокрушающая стихия «русского бунта». Далеко не бессмысленного, но уж точно – беспощадного.

P.S. Эксперименты последнего российского императора по разгону двух из четырех Государственных дум получили своеобразное продолжение и творческое развитие уже в условиях современной России.

Ровно через 90 лет после описываемых событий и через 2,5 года после роспуска – с опорой на вооруженное насилие – Верховного Совета РСФСР в ходе драматических событий сентября–октября 1993 г. первый Президент РФ, войдя во вкус, вновь вознамерился в марте 1996 г. совершить очередной государственный переворот. А именно: разогнать на этот раз незадолго до того избранный парламент (Государственную думу РФ второго созыва), а заодно запретить КПРФ и перенести на два года собственные президентские выборы. Эти намерения тогдашний министр внутренних дел страны генерал армии А.С.Куликов прокомментировал следующим образом: «Ельцин был маниакально властолюбив, вытапывал вокруг себя большую поляну» [18, с. 87].

Однако на этот раз «поляна» оказалась непомерно большой даже для «маниакального властолюбца». То, что ближайшему окружению (в том числе руководителям силовых структур) гаранта Конституции удалось удержать его от очередного безрассудного шага, стало спасением. Но не столько для страны с ее неиссякаемым терпением и иммунитетом в плане выживания, сколько для самого Бориса Николаевича.

Тем не менее, Клио – «надзирательница» (по терминологии В.О.Ключевского), чья функция состоит не в том, чтобы учить кого-либо и чему-либо, но – «сурово наказывать за незнание уроков», думается, по достоинству оценит политическое и историческое невежество Бонапарта постсоветского разлива, обеспечив ему соответствующий имидж в памяти современников и потомков. Конечно, того их «молчаливого большинства», которое не было «осчастливлено» великим разграблением страны на исходе ушедшего столетия.

Библиографический список

1. Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.) М.: Издательская группа Юрист, 2005. 410 с.
2. Аронов Д.В. Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М.: Издательская группа Юрист, 2006. 280 с.
3. Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / Пер. с англ. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
4. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т.2. С. 36-41.
5. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т.Шанин. М.:1992.
6. Вите С.Ю. Воспоминания. М.: Изд-во социально-экономической литературы 1960. Т. 3. 723 с.
7. Государственная дума. I созыв. I сессия. 1906 год: Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т.1–2. 1956 стб.
8. Государственная Дума России: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2006. Т.1. 768 с.: ил.
9. Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков, традиции и новации. М., Наука, 2003.
10. Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.): Документы и материалы / Под ред. В.И.Черноиванова и В.В.Шелохаева; сост. О.Н.Лежнева. М.: РИЦ ГОСНИТИ, 1995. 395 с.
11. Демин В.А. Государственная дума России: 1906–1917: Механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1997. 214 с.
12. Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В.Мироненко. М.: РОССПЭН, 2013. Т.2. Ч.1. 824 с.: ил.; Ч.2. 784 с.: ил.
13. Канищев В.Ю. Герценштейн Михаил Яковлевич // Российский либерализм XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С.168-170.
14. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты: 1906–1907 гг. Пермь, 1995. 167 с.
15. Козбаненко В.А. Парламентские фракции в I и II Государственных думах России: 1906–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. 239 с.
16. Козбаненко В.А. Партийные фракции I и II Государственных дум России (1906–1907): Организационно-правовой аспект // История национальных политических партий России: Материалы междунар. конф. М.: РОССПЭН, 1997.
17. Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага, 2014. Вып.1. 198 с.
18. Куликов Ан. Неудавшийся разгон // Историк. 2016. №3 (15). С. 80-87.
19. Куликов С.В. Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С.45-60.
20. Медушевский А.Н. Российская правовая традиция – опора или преграда? Доклад и обсуждение. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. 136 с.
21. Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т.1; Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
22. Муравьев В.А. Читая коллегу, автора и друга // Историк О.В.Волобуев. Штрихи к творческому портрету. М., 2001. С.104–112.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА КАК «ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

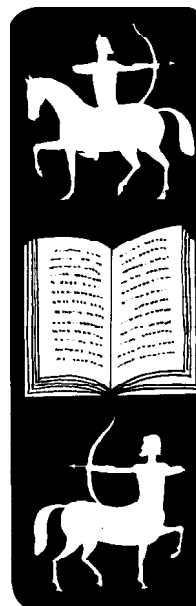
23. Народный вестник 1906. № 13. 23 мая.
24. Отечественная история: Энциклопедия. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1994. Т.1. 688 с.: ил.
25. Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. М.: РОССПЭН, 1996. 408 с.
26. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1996. Т.1. 686 с.
27. Пожигайло П.А., Шелохаев В.В. П.А.Столыпин: Интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2005. 239 с.
28. Политическая история России в партиях и лицах. М.: Терра, 1993. 364 с.
29. Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т.26. №27805.
31. Правительственный вестник. 1906. №137. 20 июня.
32. Правые партии: 1905–1917: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. Т.1. 720 с.
33. Розенталь И. Николай II и Государственная дума – новое слово? // Россия XXI. 2009. №6. С.96–133.
34. Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992.
35. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Историко-правовой очерк. М.: РОССПЭН, 1998. 623 с.
36. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.
37. Съезды и конференции конституционно-демократической партии: 1905–1920 гг. М.: РОССПЭН, 1997. Т.1. 744 с.
38. Федорова Н.А. Аграрный вопрос // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. С.18-22.
39. Четвертый съезд РСДРП: Протоколы. М.: Политиздат, 1959.
40. Шевырин В.М. Первый опыт российского парламентаризма // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX в. М., 1996.
41. Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.
42. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. 280 с.
43. Шелохаев В.В. Проблема собственности в программах политических партий России в начале XX в. // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. М.: Фонд развития политического центра, 2001. Вып. №13. С.33-41.
44. Danilov V. Violence Contre Violence: La Revolution Payzanne en Russie 1902–1922 // Violences et Pouvoirs Politiques. Toulouse, 1996. P.137–157.

**Подражание, обычай и привычка суть
главные пружины большинства
человеческих дел, и редко кто поступает
по собственному соображению и мнению.**

Артур Шопенгауер

**Великих мира сего часто упрекают,
что они не сделали всего того
хорошего, что могли бы сделать.
Они могут возразить: подумайте-ка
о всем том зле, которое мы могли бы
причинить и не причинили.**

Георг Кристоф Лихтенберг





Святослав Гриценко

**ПРОГЕРМАНСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ КОРОЛЯ
ОСКАРА II
КАК ФАКТОР
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ ШВЕЦИИ**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
94(485)

В статье исследуются политические взгляды шведского короля Оскара II и их влияние на шведскую политику. Автор делает вывод, что взгляды короля в силу ряда причин носили выраженный прогерманский характер, и именно он оказался проводником немецкого влияния в Швеции рубежа XIX–XX вв. При этом внутри страны король не без успеха насаждал немецкие образцы в политике, экономике и культуре, а во внешней политике стремился к сближению с Германией вплоть до заключения военного союза. Тем самым королем Оскаром II было заложено важное направление политического развития Швеции, существовавшее вплоть до конца Первой мировой войны.

The article explores Swedish king Oscar II's political views and their influence on Swedish policy. The author concludes that for a variety of reasons the king's views had significant pro-German nature. In fact, exactly he turned out to be a proxy for German influence in Sweden at the turn of the 19th century. However, inside the country the king planted successfully German political, economical and cultural patterns, and in foreign policy he strived for rapprochement with Germany which might even include a military alliance. Therethrough Oscar II has laid the groundwork for an important line in Sweden's political development existed up to the end of the First World War.

Ключевые слова: Оскар II Бернадот; шведский прогерманизм; шведская внутренняя политика, Свен Хедин.

Key words: Oscar II Bernadotte; Swedish pro-Germanism; Swedens' domestic policy; Sven Hedin.

E-mail: svjatoslav11@bk.ru

Правление короля Оскара II из династии Бернадотов (1872–1907) представляет собой целую эпоху в истории Швеции. Оскар II, современник германского кайзера Вильгельма II и русского царя Александра III, был, очевидно, последним скандинавским монархом той эпохи, в которую европейские монархи еще не смирились с нивелированием их реальной политической власти и заставляли народы своих стран считаться со своим мнением по различным политическим вопросам. Король Оскар отчаянно сопротивлялся разрушению старого шведского государства военными и бюрократами и на протяжении десятилетий своего правления безуспешно тормозил ход демократического развития страны. Более того: многолетние усилия Оскара II по сближению Швеции с Германией в военно-политическом ключе в итоге чуть было не привели к вступлению Швеции в Первую мировую войну, что радикально изменило бы политическую обстановку во всей Скандинавии.

Соответственно, личные политические убеждения и пристрастия Оскара II, его упорный прогерманизм следует считать значительнейшим фактором шведской политики в последней четверти XIX – начале XX века. Это связано не в последнюю очередь с длительностью его правления, а равно с обилием радикально новых общественных и политических явлений и вопросов, зародившихся именно в «Оскаров век», правда, вопреки желанию короля, – от первых рабочих забастовок и образования СДРПШ¹ до кризиса и разрыва унии с Норвегией². Наконец, последняя четверть XIX в. столь тесно связана с именем Оскара II потому, что он, в отличие от шведских королей XX в., всячески стремился выйти за рамки конституционных ограничений, наложенных на шведскую монархию еще в начале XIX столетия [1, с.411].

Кроме всего прочего, Оскар II обладал немалым литературным талантом [1, с.412] и оставил после себя трехтомные мемуары [15], которые являются важнейшим источником для изучения намеченных выше научных вопросов. Оскар писал их на протяжении всей своей жизни,

¹ Социал-демократическая рабочая партия Швеции (СДРПШ) основана портным Августом Пальмом в 1889 г. под влиянием датских и немецких социалистов. Вскоре партию возглавил Яльмар Брантинг, ставший в 1896 г. первым депутатом-социалистом во второй палате риксдага.

² Личная уния Швеции и Норвегии во главе со шведским королем существовала в 1814–1905 гг. В последние десятилетия существования единого государства норвежцы развернули активную деятельность по укреплению собственной государственности в рамках унии, что и привело в итоге к ее расторжению.

откровенно изложил в этом труде многие принципиальные аспекты своих политических взглядов.

Ключевым моментом воззрений Оскара II всегда был выраженный политический прогерманизм, под которым следует понимать осознанное и проявившееся в политических действиях стремление максимально уподобить Швецию Германии в социально-политическом и культурном плане внутри страны. На внешней арене король-прогерманист с самых первых лет царствования искренне стремился к всемерному сближению с империей Гогенцоллернов вплоть до военного союза с ней.

Первоначальные прогерманские симпатии короля Оскара объясняются обстоятельствами, сопровождавшими его восшествие на престол. К моменту воцарения Оскара II в 1872 г. Швеция, будучи малой страной, вынужденной так или иначе выбирать себе «покровителя» из числа великих держав, оказалась в весьма затруднительном положении. Франция, на которую ориентировались шведы при старшем брате Оскара короле-франкофиле Карле XV, была разгромлена Пруссией и, по сути, отошла на вторые роли в европейской политике [14, S.160–161]. Вдобавок, поражение Франции и связанное с ним ослабление Англии ставило под вопрос существование Ноябрьского трактата 1855 г.³, который шведы считали ключевым моментом в сдерживании России на Балтике.

Так поиски нового могущественного союзника и защитника от враждебной России вскоре привели Оскара II и часть шведов к идее сближения с Германией, объединившейся вокруг Пруссии всего за год до восшествия на престол шведского короля. Впрочем, объективная потребность в новом внешнеполитическом «покровителе» для шведского государства совпала с личными взглядами Оскара II [2, с.381]. Шведский монарх, еще будучи кронпринцем, наперекор общественному мнению, поддерживавшему Наполеона III, желал победы Пруссии во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Победа и затем объединение Германии лишь убедили его в правильности выбранной позиции. К моменту, когда принц Оскар стал королем, часть шведов из высших и средних слоев также прошла путь от простого интереса к «новой державе на Юге» до убежденных прогерманских симпатий [11, S.9, 16].

³ *Договор между Швецией, Великобританией и Францией, подписанный в Стокгольме 21 ноября 1855 г., согласно которому великие державы гарантировали неприкосновенность и целостность территории Швеции–Норвегии, а северные королевства фактически присоединялись к военным противникам России.*

Если говорить о том, что конкретно так привлекало Оскара II в Германии, то для начала стоит сказать, что шведскому монарху импонировала система власти, сложившаяся в империи Гогенцоллернов. Оскар II неизменно восхищался сильным положением кайзера в имперской системе управления, которое не могли поколебать ни рейхстаг, ни канцлер.

Это убеждение шведского короля особенно возросло с восшествием на немецкий престол императора Вильгельма II (1888), который вскоре отстранил от власти канцлера О. фон Бисмарка и тем самым еще более усилил роль монарха в Империи. Прибывший на его коронацию в Берлин Оскар II выразил в своих дневниковых записях надежду, что царствование молодого кайзера будет «лучшим правлением за столетие», которое принесет Германии славу и почести. Сам Оскар II намерен был остаться верен родственному дому Гогенцоллернов до конца, разделить с ним «все радости и горести» и «никогда не обращать оружия» против Германии [14, S.207; 13, S.121]. Более того – шведский монарх неоднократно клятвенно обещал немецкому кайзеру поддержку «объединенной скандинавской державы» в любых его дипломатических начинаниях [15, III delen, s.209–210].

Кроме симпатий к твердому монархическому устройству Германии [5, с.320–322], отвечавшему удивительно старомодным воззрениям Оскара II [7, с.81], симпатии короля и других шведов к немцам объективно подогревало родство двух народов, в частности, языковое. Так, Оскар II, объясняя свое восхищение Берлином, отметил в дневнике, что кроме «жизни и большого движения», «улыбающихся лиц прохожих» ему очень приятно слышать вокруг себя «родные» имена, распространенные у обоих народов: Карл, Адольф, Густав... [15, III delen, s.206; 3, с.117–118]. Это обстоятельство было, очевидно, еще одним объяснением радости монарха от частых визитов в Германию.

На пользу зарождавшемуся прогерманизму короля Оскара играло и часто подчеркивавшееся многими шведами в те годы ментальное отличие от русских соседей, подаваемое в негативном свете: русские неорганизованны, грубы, пьяницы, взяточники... Соответственно в шведском сознании вызвали симпатию немцы с их «порядком, опрятностью, надежной пунктуальностью» [8, с.127, 149]. Учитывая, что и немцы испытывали не меньшую антипатию к «варварской» России, закономерно, что многих шведов во главе с королем тянуло к Германии как к центру «германского мира».

Однако значительная часть шведского общества в первые десятилетия «Оскарова века» холодно воспринимала восторженное отношение

Оскара II к Германии. Особенно сложно складывались взаимоотношения монарха со шведской прессой, долгое время сохранявшей свои профранцузские позиции [17, p.342]. Королю Оскару стоило немалых усилий культивировать в шведском сознании даже зачатки прогерманских настроений [14, S.162], что, однако, было совершенно необходимо ввиду отсутствия у шведского монарха абсолютной власти и зависимости его решений от позиции риксдага – шведского парламента, в 1870-х – 1880 гг. выражавшего незаинтересованность шведов в европейских делах.

Тем не менее, многие шведские подданные постепенно последовали примеру Его величества: они потянулись в Германию, в первую очередь, как в общеевропейский научный центр. Естественные науки, особенно география, действительно были хорошо развиты в Германии конца XIX века. Отчасти это объясняется тем, что исследования природы шли вслед за развернувшейся в 1880-х гг. немецкой колонизацией Африки и Азии. Имена А. фон Гумбольдта, Ф. Рихтхофена и других географов, по словам шведского географа Свена Хедина, «были у всех на устах» в скандинавских научных кругах. Быстрое развитие науки было еще одним столпом «величия Империи» в глазах образованных шведов. Они стремительно налаживали контакты с Германией, посещали ее с научными и образовательными целями и не уставали восхищаться ее красотой и могуществом [11, S.19].

В целом, проникновение немецкого элемента в шведскую культуру было в «Оскаров век» очень значительным. В Швеции с 1870-х гг. при непосредственном участии короля как «символа нации» наступила пора германофилии. Немецкий язык, немецкая культура, немецкая военная система, а также система образования постепенно стали объектами пристального внимания, изучения и подражания [11, S.55]. Также в 1873–1905 гг. немецкий язык был единственным иностранным в младших классах школ, на более высоких ступенях образования и в университетах он тоже преобладал [13, S.172].

Еще одним аспектом прогерманских взглядов короля Оскара II было уважительное отношение к сильной армии, которой располагала Германская империя. Закономерно, что король стремился модернизировать и шведскую армию по немецким рецептам. Воинственная Германская империя напоминала королю былую великодержавную Швецию, и шведский монарх приложил немало усилий и вложил собственные деньги в военную реформу, понимая ее роль в поддержании, в том числе, своей власти и авторитета в стране. Влияние короля на шведскую

армию было значительным, тем более что, согласно «Форме правления» 1809 г., в руках монарха оставалось «высшее военное командование». Соответственно усилиями преимущественно королевского двора было увеличено количество унтер-офицеров, реформирован Генштаб, переоснащен флот. Все эти меры были, по сути, первыми шагами к переходу комплектования армии с устаревшей военно-поселенной системы⁴ на принципы всеобщей повинности, введение которой с 1901 г. позволило резко увеличить ее военную силу и боевую мощь [9, с.8–9].

Тем не менее, из-за отсутствия поддержки экономных крестьянских депутатов риксдага инспирированная монархом военная реформа растянулась на три десятилетия, и все это время шведская армия находилась в ослабленном и «развинченном» состоянии, поскольку денег короля едва хватало на элементарные военные нужды. Склонить общественное мнение страны к поддержке укрепления армии Оскару II удалось только на рубеже 1880-х – 1890-х гг. под предлогом того, что сильная армия необходима Швеции для защиты от возможного нападения России [9, с.234–235]. Но обозначившееся при этом «оборонительное» направление развития шведских вооруженных сил, конечно, не вполне устраивало короля.

Несмотря на сравнительный неуспех модернизации шведской армии, усилия Оскара II не прошли даром и были отмечены рядом демаршей немецкой дипломатии в направлении дальнейшего сближения Швеции с Германией. Молодой кайзер Вильгельм II считал важным наличие потенциального союзника на европейском Севере на случай большой войны, особенно учитывая «братские чувства» германских народов. Желая еще больше подогреть их в душе шведского короля, кайзер неоднократно писал Оскару: «Швеция–Норвегия – одно из важнейших звеньев европейского союза германских народов»; «германский Север – важнейший фланг в грядущем столкновении Германии и всей Европы с Россией» (Цит. по: [16, S.55, 62]). В 1895 г. шведский монарх даже получил довольно лестное предложение [13, s.107] о присоединении Швеции к

⁴ *Военно-поселенная система (indelningsverket) – существовавшая с давних времен система расквартирования воинских частей в сельской местности и их содержания крестьянами в счет налогов. В мае 1901 г. было решено, что комплектование армии в целом должно базироваться на всеобщей повинности и, соответственно, на системе «кадровых военных и рекрутов», причем время подготовки последних в пехоте возросло с 90 до 240 дней. Данная мера, не меняя численности армии, способствовала ее качественному улучшению (См.: Кроненберг А. Проблема обороны (1809–1914) // [4, с.227]).*

Тройственному союзу [14, S.168–169], но отказался от него ввиду ожидаемой негативной реакции общественного мнения на столь радикальный шаг.

Примечательно, что прогерманизм короля и лояльных ему консервативных правительств 1880-х – 1890-х гг., их ориентация на немецкие политические рецепты отразились и в спорах по еще одному важному вопросу эпохи – рабочему. Так, многие шведские политики, включая главу влиятельнейшей парламентской «партии сельских хозяев» Арвида Поссе, хотели по примеру Бисмарка дать рабочим определенные социальные и экономические права, лишь бы «удушить страшное слово "социализм"». Конечно, в риксдаге на протяжении всего «Оскарова века» были и сторонники «американского пути» экономического либерализма, но в итоге все большее и большее количество депутатов находило в Германии образец социальной и экономической политики [10, s.215–217, 221–223]. И действительно, уже на ранние стихийные стачки рабочих 1870-х – начала 1880-х гг. власти отвечали «по-бисмарковски»: мелкими подачками и уступками [16, S.52].

В своем подражании Германии Оскар II дошел и до создания своеобразной копии Бисмарка на шведской почве. На рубеже веков шведским «железным канцлером» стал премьер-министр Э.Г.Бустрём, который управлял королевством вместе со своим консервативным кабинетом в 1892–1904 гг., с небольшим перерывом [4, с.210–211]. Бустрём, крупный помещик и личный друг Оскара II, проводил политику, отвечавшую консервативным чаяниям короля и его прогерманским воззрениям: умеренный протекционизм, постепенное увеличение срока службы солдат, поэтапная подготовка военной реформы... Кроме того, «шведский Бисмарк» вслед за своим великим предшественником развязал целую кампанию против либералов и СДРПШ [2, с.384]. В частности, преследовались участники двух «народных риксдагов» (1892, 1896) – манифестаций в поддержку всеобщего избирательного права, хотя, как справедливо замечал участник первого «риксдага» Харальд Ярне, с точки зрения шведских конституционных актов в них не было «ничего противозаконного» [12, s.7]. Однако социалисты были принципиальными противниками правых прогерманистов, и власти не могли спокойно взирать на их политические демарши.

И все же различное политическое положение двух государств не позволило шведским политикам из правительств Оскара II до конца копировать немецкие решения общественно-политических проблем. Одним из таких вопросов, серьезно приостановившим усиление прогерманизма

короля и политической элиты страны, стал «норвежский вопрос». Противоречия между двумя королевствами, связанными личной унией в лице монарха, на рубеже веков достигли своего апогея. В 1892 г. назрел так называемый «консульский вопрос», вызванный стремлением норвежцев к образованию отдельной от шведского министерства иностранных дел консульской службы, призванной дипломатическими средствами поддерживать большой норвежский торговый флот. Система консулов рассматривалась в Норвегии как «подготовительный шаг» к созданию в будущем независимого норвежского МИДа, что с самого начала справедливо рассматривалось шведами как угроза самому существованию унии⁵.

Консервативно настроенные шведские правящие круги и шведского монарха, который не мог допустить образования норвежской консульской службы, поддерживал в своих письмах кайзер Вильгельм II. Он даже предлагал им военную помощь против «норвежских республиканцев»⁶. Воодушевленный немецкой поддержкой, король Оскар II отказался удовлетворить требования норвежцев [2, с.398], несмотря на решительную позицию норвежского парламента, стортинга, и многократное преодоление им королевского вето.

Однако упорство короля не пошло на пользу делу. В важнейший момент последнего кризиса унии весной 1905 г. правительство Бустрёма, не нашедшее выхода из ситуации конституционного кризиса, подало в отставку [18, с.18–19], и 7 июня уния была расторгнута норвежцами в одностороннем порядке. Сложившаяся ситуация была, можно сказать, слишком «скандинавской» и подлежала решению только в рамках скандинавского правового поля и политических традиций, и никакие немецкие рецепты в этой ситуации оказались неприменимы.

Не оправдал себя и другой аспект прогерманизма короля, связанный с надеждой на политическую помощь Германии. Летом 1905 г. немецкие покровители Оскара II заняли довольно пассивную позицию по отношению к конфликту на севере Европы. Так, 7 июня, в день объявления норвежской независимости выяснилось, что немецкий консул в Норвегии даже не имел никаких инструкций из Берлина на случай обра-

⁵ *Донесение русского поверенного в дела в Стокгольме К.Б. Сталь фон Гольштейна министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу об обострении отношений между Швецией и Норвегией по консульскому вопросу. 28 января 1905 г. // [6, с.11].*

⁶ *К.Б. Сталь фон Гольштейн В.Н.Ламздорфу. 28 января 1905 г. // [6, с.11].*

зования норвежского «временного правительства»⁷. Через несколько дней окончательно выяснилось, что в Германии вопрос о Норвегии даже «не стоит на очереди» ввиду «неопределенности будущего»⁸. Примечательно, что кайзер Вильгельм II в беседе с королем Оскаром ограничился также лишь моральной поддержкой Швеции. Он не пообещал никаких конкретных мер со стороны Германии⁹, тем самым показав свою незаинтересованность в скандинавских делах.

Оставшись без поддержки Германии и не имея готовых политических рецептов, Оскар II, по всей видимости, оказался морально сломленным и так и не оправился от этого удара [1, с.412]. Вдвойне обидно было старому королю, что добиться «цивилизованного развода» с Норвегией в октябре 1905 г. смогло только новое, либеральное правительство Карла Стаафа [13, с.43], впервые в шведской истории сформированное не королем, а парламентом. Это было началом новой эпохи, в которой королю-прогерманисту Оскару II уже не было места. Он умрет в 1907 г., серьезно разочаровавшись как в своем прогерманизме, так и в дружбе с Германией.

Тем не менее прогерманизм короля Оскара II, зародившись еще в годы франко-прусской войны, оставался серьезным фактором внутренней и внешней политики Швеции на протяжении всего царствования. Политика сближения с Германией Гогенцоллернов стала магистральной линией шведской внешней политики, а германофилия короля и его упорная ориентация на немецкие образцы послужила важным фоном внутриполитического, социально-экономического и культурного развития Швеции в «Оскаров век». Кроме того, усилиями короля Оскара прогерманизмом оказались в разной степени заражены крупные политики (А.Поссе, Э.Г.Бустрём), ученые (географ С.Хедин, социолог Г.Стеффен), военные (будущий начальник шведского Генштаба К.Бильдт) и наследник престола, будущий король Густав V. Многие из этих людей продолжают прогерманскую линию политического развития Швеции в следующее царствование, будут всеми способами насаждать в Швеции все немецкое вкупе с присущими кайзеровской Германии

⁷ Секретная телеграмма Ф.А.Будберга с ответом на запрос о позиции других держав в отношении Норвегии. 7 июня 1905 г. // [6, с.25].

⁸ Секретная телеграмма посла России в Германии Н.Д.Остена-Сакена. 11 июня 1905 г. // [6, с.26–27].

⁹ Донесение русского поверенного в делах в Стокгольме К.Б. Сталь фон Гольштейна министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу. 21 июля 1905 г. // [6, с.30–31].

милитаризмом и консерватизмом. И лишь Первая мировая война и поражение в ней Германии прервут этот длительный период развития Швеции по преимущественно прогерманскому пути. При этом несомненно, что у его истоков в культурном, политическом и идейном смысле стояли именно Оскар II Бернадот и «Оскаров век», носивший на себе сильный отпечаток личных политических пристрастий шведского монарха.

Библиографический список

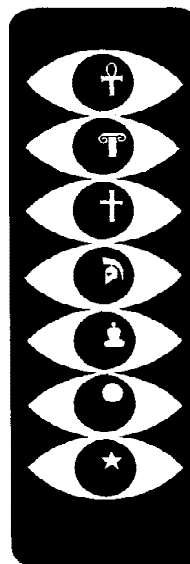
1. Григорьев Б.Н. Бернадот. М.: Вече, 2013. 480 с.
2. Кан А.С. История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.
3. Корунова Е.В. Взаимоотношения Швеции и Германии в первой трети XX века: общие истоки, разные пути // Северная Европа. Проблемы истории. М., 2015. Вып. 8. С.116–140.
4. Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. [и др.]. История Швеции / Пер. со швед. М.: Весь мир, 2002. 400 с.
5. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2007. 702 с.
6. Признание Россией норвежского независимого государства. Сборник документов. М.: Соцэкгиз, 1958. 106 с.
7. Скотт Ст. Династия Бернадотов: короли, принцы и прочие... / Пер. со швед. М.: Ломоносовъ, 2011. 408 с.
8. Чернышева О.В. Шведы и русские: образ соседа. М.: Наука, 2004. 253 с.
9. Энкель К.Г. Швеция и Норвегия. Вооруженные силы. СПб.: Воен.-учеб. ком., 1880. Отд. 2. Вооруженные силы. 239 с.
10. Berggren H., Nillson G.B. Liberal socialpolitik. 1853–1884. Uppsala: Norstedt, 1965. 267 s.
11. Hedin, S. Fünfzig Jahre Deutschland. Leipzig: Brockhaus, 1938. 256 S.
12. Hjärne H. Rösträtt och värneplikt. Uppsala: Bibliogr. Inst., 1893. 34 s.
13. Lindberg F. Kunglig utrikespolitik. Stockholm: Aldus/Bonnier, 1950. 259 s.
14. Lindberg F. Skandinavien und das Deutsche reich // Europa und die Einheit Deutschlands. Köln, 1970. S. 159–179.
15. Oscar II. Mina memoarer. III delar. Stockholm: Norstedt & Soners Forlag, 1962. 1132 s.
16. Peters J. Branting und die schwedische Sozialdemokratie. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1975. 238 S.
17. Svanström R., Palmstierna C.F. A short history of Sweden. Oxford: Clarendon Press, 1934. 443 p.
18. Zweibergk O.v. Svensk politik 1905–1929. Parlamentarismens första kvartsekel. Stockholm, 1929. 356 s.

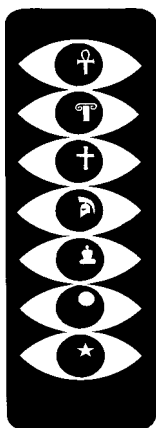
**Если переговоры можно вести
после войны, почему нельзя вести
их до и вместо войны?**

Абба Эвен

Не мы сделали революцию,
а революция сделала нас.

Георг Бюхнер





Владимир Дегоев

**ДИПЛОМАТИЯ ПЕТРА I
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ
ЭТАПЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ 1686–1700 ГОДОВ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)05

Третья часть статьи посвящена официальным русско-турецким переговорам в Карловице, которые начались 9 ноября 1698 года. Они проходили крайне трудно, постоянно наталкиваясь на препятствия, возводимые османской делегацией, во многом поддерживаемой австрийцами, англичанами, голландцами. В центре дискуссии была проблема толкования международно-правового принципа uti possidetis, положенного в основу работы Карловицкого конгресса. Автор анализирует аргументацию сторон с точки зрения ее конструктивного или деструктивного потенциала, выясняя также степень убедительности предъявляемых доводов.

The third part of the article focuses on the content of Russo-Turkish negotiations at Karlowitz officially started on November 9th 1698. They constantly stumbled at the Porte's intransigence fueled by the double-standard position of the Austrian, English and Dutch delegates. The discussions centered around the interpretation of the uti possidetis as a basic principle of the Karlowitz congress. While scrutinizing the arguments of each actor the author blames the Turks and their Western supporters for the lack of progress in peace talks.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1686–1700 гг.; Священная лига (1684–1699 гг.); Карловицкий конгресс; Петр I; П.Б.Возницын; П.В.Посников; А.Маврокордато; Рами Мехмед-паша; Вильям Пэджет; Якоб Кольер.

Key words: Russo-Turkish War of 1686–1700; Holy League (1684–1699); the Congress of Karlowitz; Peter the Great; Procopius Voznitsin; Peter Posnikov; Alexander Mavrocordato; Rami Mehmed-pasha; William Paget; Jacobus Colier.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. №№1, 2.

III. Русско-турецкие конференции

История как аргумент

Церемония открытия переговоров состоялась 9 ноября. Участники расположились в большом шатре. Рядом с Возницыным был Посников в качестве переводчика и подьячий Михайло Родостамов в качестве протоколиста. Напротив сидела османская делегация во главе с рейс-эфенди. По правую сторону от русских находился Пэджет, по левую – Кольер. При каждом штат секретарей.

Возницын и Маврокордато (от имени Порты говорил преимущественно он, временами советуясь с Рами Мехмед-пашой) обменялись цветистыми приветствиями, среди которых нашлось место для комплиментов Прокопию Богдановичу, как опытному дипломату, «лучше иных» знающему османские обычаи [2, с.253–254, 276–278].

После этого Возницыну было предложено изложить суть его требований («предложений») к Порте, что являлось общепринятой протокольной частью переговоров, даже если сторона, к которой адресуется «истец», заранее уведомлена, о чем пойдет речь. Однако, забегая вперед, заметим, что, судя по удивленной реакции турок на некоторые претензии России, не похоже, чтобы посредники ознакомили их с теми самыми «десятью пунктами», которые были вручены Эттингену еще 23 октября для передачи Пэджету и Кольеру. Для такой гипотезы есть основания: цесарцы, англичане и голландцы хотели максимально «стерилизовать» контекст австро-турецких переговоров, освободить их от опасных примесей, чтобы не подвергнуть угрозе срыва. Нет, впрочем, причин совершенно исключать и другой вариант: посредники не замедлили передать этот документ туркам и тем самым предоставить им возможность подготовиться к отражению русских притязаний, не преминув дать сигнал, что вести борьбу за эти «пункты» Вена не будет.

Частичному прояснению этого довольно темного вопроса, возможно, поможет само содержание русско-турецкой дискуссии, где есть над чем задуматься.

Первый ход в этой непредсказуемой партии сделал Возницын, объявив, что царь желает быть с султаном «в миру и в дружбе на том основании (*uti possidetis*. – В.Д.), как постановили господа посредники» [2, с.254, 277–278].

Из пространного ответа Маврокордато стало очевидно, что турки избрали стратегию атаки. Его слова о необходимости сделать «приращения» к данному принципу неприятно поразили Возницына. Поначалу он отказался даже слушать об османском толковании этих «приращений», ибо инструкции, полученные им от Его Царского Величества, исключали любые изменения в «том фундаменте» конгресса, который царь «чисто, зело, без всякого противного толмачения, приял и соблюдает» [2, с.254–255, 277–278].

Турки, взяв паузу, стали советоваться между собой. Потом великий драгоман сказал, что Порта так же твердо стоит на этом фундаменте, и Возницына просят лишь о том, чтобы выслушать мнение турецкой стороны.

Когда, после продолжительного спора, Прокопий Богданович согласился, ему (как и всем присутствующим) пришлось запастись терпением, почти таким же, которое требуется от театральной аудитории во время занудной пьесы. Правда, для историка дипломатии развернувшееся действие не может быть скучным, поскольку турки демонстрировали типичные восточные образцы дипломатической софистики и лицедейства, достойные изучения.

Возницыну, давно знакомому с таким переговорным стилем, было не привыкать. А вот посредники, скорее всего, пришли в изумление от невиданной ими диковинки. Османы дали настоящее представление, развернув перед присутствующими эпическую картину умилительных русско-турецких отношений, начиная с сотворения мира. Не лишенный чувства юмора Возницын писал в Москву: «И турецкие послы почали такую историю править от зачала света до сего дня, все вспоминая крепчайшую дружбу и любительные обсылки, чему весь свет дивился» [2, с.255, 278–279].

Категория времени в этом сказании отсутствовала. Она, как и принято в классическом эпосе, была излишней. О взятии в 1637 году Азова «некоторыми своевольными людьми» говорилось так, будто оно случилось вчера. Случай полувековой давности понадобился как похвальный прецедент со стороны царя, приказавшего «тотчас отдать назад» ту крепость, дабы с Портою «дружбы не повредить». Ныне, полагали турки, нужно повторить этот великодушный жест. Зачем русским огорчать султана, присваивая себе место, которое им «ни к чему не потребно»? Если у посла России нет полномочий на такое добродетельное решение, то они, турки, готовы подождать ответа царя [2, с.255, 278–279].

Ожидал Возницын такой наглости или нет, но ему, видимо, стоило больших усилий над собой удержаться от напоминания, что судить о потребностях России – исключительная прерогатива Петра, а не султана. Вместо этого он, вежливо выслушав лирические рекомендации о способах укрепления дружбы с Портой, спокойно спросил: есть ли еще какие предложения? Оказалось, есть – скрыть завоеванные русскими городки в устье Днепра и оставить их в нейтральном и демилитаризованном статусе [2, с.256, 279].

Возницын, предпочитавший, чтобы противник выложил на стол все карты сразу, повторил свой вопрос. Турки не скрывали, что имеются и «иные дела», которые нужно обсудить, но всему свое время [2, с.256, 279].

Взяв слово, Петр Богданович наотрез отказался принимать красивую сагу об Азове в качестве серьезного аргумента. Взамен он предложил считаться с реальностью. Фраза посла о том, что ту стародавнюю историю он «ведает», четко указывала на обстоятельства, решительно изменившиеся за 50 лет. Тогда на царском престоле восседал Михаил Федорович, руководствовавшийся своими соображениями. Нынче же в Москве правит Петр Алексеевич, которого успехи оружия освободили от нужды подчиняться прежним внешнеполитическим ограничениям. Предлагая исходить именно из этой ситуации, Возницын заявил, чтобы турки даже «в помышлении своем не имели» вопрос о возвращении Азова и уничтожении днепровских городков. Все это добыто «многими трудами и кровью». Именно осознание данной реальности, а не исторические предания о добродетельном поступке Михаила Федоровича, должно явиться твердым основанием для мира и «вящей дружбы» между обоими государствами [2, с.256].

Несколько обескураженная столь категоричной отповедью османская делегация опустила с эпических высот на уровень прозаической демагогии, полной логических нестыковок. Признав ранее «фундаментом мира» принцип *uti possidetis*², они теперь заявляли, что сохранение за Россией находящихся в ее руках Азова и устья Днепра представляет собой отход от данного принципа. И только возвращение этих территорий Порте будет залогом «честного и безопасного мира» и для Турции, и для Крыма, которым в противном случае своевольные казаки покоя не дадут [2, с.256, 279].

Возницын заметил, что на новых южных рубежах России будут размещены не казаки, а подчиненные царской воле регулярные войска,

² Напомним, что эта формула означает: «кто чем владеет на данный момент».

призванные предотвращать привычные для тех краев беспорядки и грабежи. Упоминание Крыма – случайное или преднамеренное – позволило Прокопию Богдановичу тут же поставить неудобный для турок вопрос. Следует ли понимать, что настоящие переговоры ведутся от лица не только султана, но и крымского хана, или же между Россией и Крымом предполагается отдельный мирный договор? [2, с.257, 280].

Заподозрив каверзу в этом вопросе, османские дипломаты предложили «говорить прежде о турецком деле, а потом и о крымском». Но отмахнуться от Возницына не удалось. Прокопий Богданович резонно указал, что это не он, а сами турки подняли проблему Крыма. Вероятно, ему показалось, что он нашупал слабое место в обороне противника. Если так, то посол был не так уж далек от истины. Об этом свидетельствовала пауза, взятая рейс-эфенди для совещания. По-видимому турки думали над тем, чем вызвана настойчивость Возницына. Наконец они объявили, что эти вопросы связаны друг с другом [2, с.257, 280].

Крымский вопрос

Получив такой ответ, дипломат пошел в контрнаступление. Смысл его пространной речи можно свести к простой идее. Если у османской делегации имеются полномочия представлять интересы Крымского ханства, то у него, Возницына, есть полное право обнародовать давние претензии Москвы к этому государству, без удовлетворения которых мир невозможен. Прокопию Богдановичу не пришлось, подобно его оппонентам, совершать глубокие экскурсы в историю, чтобы напомнить хорошо всем известное – «многие неправды и разорения», которые татары чинили и продолжают чинить России своими кровопролитными набегами. Чтобы найти управу на них, царь сейчас производит воинские приготовления, «на что многие миллионы издержаны». Поэтому в качестве залога безопасности он требует передачи России крепости Керчь [2, с.257–258, 280–281].

Дальше начинается настоящий театр. Особенно, если допустить, что турок все же известили о «десяти пунктах», и для них это не было новостью. Возницын повествует об их реакции весьма живописно: «И когда турецкие послы то услышали, то в великое изумление пришли, и вдруг во образе своем переменились и друг на друга поглядывая так красны стали, что больше того не возможно быть, и не мало времени молчал и с собою шептал, говорили, что они того не чаяли; и выводили о том пространно, что там города не Хана Крымского, – Хан де Крымский губернатор или

комендант от Салтана, а в земле не волен ни в единой пяди» [2, с.258, 281]. Потом тональность поднялась до истерической патетики. Как можно вообще сметь требовать от Турции «великий град», который «держит врата всего Черного моря и Крымского острова»? «Не обмолвился ли великий и полномочный посол в имени и в ином в чем?» – вопрошали турки, плохо маскируя прямой вопрос: не сошел ли Возницын с ума?

Наблюдая возмущенно-пунцовые лица собеседников, Прокопий Богданович получал определенную сатисфакцию за унижительное ожидание своей очереди для переговоров с главными участниками конгресса. Подчас возникает ощущение, будто ему доставляло удовольствие выводить турецких послов из себя, тем самым заставляя их психологически проигрывать в глазах присутствовавших европейских дипломатов, которых всегда коробила османская несдержанность. Хотя бы здесь он хотел отыграться, понимая, что перспективы добиться от Порты каких-либо уступок на конгрессе призрачны.

Возницын ничуть не погрешил бы против логики спора, если бы в ответ на гневную реакцию своих визави поинтересовался бы у них: а в чью светлую голову пришла блистательная мысль трактовать принцип *uti possidetis* как обязанность России вернуть «то, чем она владела» – Азов и устье Днепра? Не является ли именно такая постановка вопроса вопиющим нарушением предварительных договоренностей об «основаниях мира»?

Ни в коем случае не желая уподобляться разнервничавшимся оппонентам, он решил своим размеренным тоном окончательно сорвать с турок елейные маски, в которых они начали было свой спектакль. А заодно (есть легкое подозрение) поразвлечься, ибо последовавшие слова Прокопия Богдановича прозвучали не без издевательского оттенка. Комментируя весьма бестактное заявление турок о том, что он что-то «перепутал», Возницын ответил: трудно не запомнить название города, где он прожил месяц, а что до вопроса, кто будет уступать Керчь России – султан или хан, – то принципиальной роли это не играет. В развитие темы о главной причине, вынуждающей царя требовать Керчь, Возницын привел факты как бесчисленных обращений Москвы к Стамбулу с просьбой остановить крымские разбои, так и ответных обещаний «татар от войны унять, и крепко их в миру держать». Порты слова своего не сдержала, набеги продолжились и спровоцировали русско-турецкую войну. Переданная России Керчь будет порукой от «татарских дерзновений» и гарантией мира между державами [2, с.258–259, 281–282].

Мы не знаем, пожалел ли рейс-эфенди о своем требовании вернуть Азов, но после «контрпредложения» Возницына османские делегаты забыли обо всем. На устах у них была только Керчь. Часа два они не говорили ни о чем, кроме нее. Обвинение в адрес русских в преднамеренном разрушении «мирного фундамента» конгресса (то есть *uti possidetis*) было горячо поддержано англичанами и голландцами, вышедшими за рамки своих посреднических функций и еще раз показав, чего стоит их «честное маклерство» [2, с.259].

Возницын категорически протестовал против такого обвинения. Если бы среди присутствовавших были люди, способные к беспристрастному анализу происходящего, то они бы оценили, по крайней мере, последовательную логику рассуждений царского посла. Он призвал османов, а теперь уже и посредников, явно взявших их сторону, вспомнить повестку дня, где значилось лишь «турское дело» (русско-турецкий вопрос) и никакого «татарского» (крымского). В этом самом «турском деле» Россия твердо стояла и стоит на «фундаменте» *uti possidetis*. Применительно к «татарскому делу» данный принцип не действует, ибо ни в каких документах он не зафиксирован. Коль скоро Порте зачем-то понадобилось объединить эти вопросы, он, Возницын, считает своим долгом четко прояснить позицию Москвы: в контексте проблем, официально вынесенных на обсуждение конгресса, русско-турецкие и русско-крымские отношения – вопросы разные и требуют разных подходов [2, с.259, 282].

Распалаясь все больше, османы стали терять логические нити, которые у них и до этого не блистали идеальными связями. Возможно, они намеренно ударились в странную казуистику, чтобы запутать всех до такой степени, когда пропадает всякий смысл разбираться в сути дела. Было решительно заявлено, что хану в Крыму не принадлежит ничего, ни земли, ни города – «то все салтаново». В присовокупленном к данной декларации пояснении экспромт и абсурд слились воедино. Из сказанного турками вытекало: «суверенитет» хана не распространялся на территорию полуострова, но зато давал ему право вести войну и заключать мир [2, с.259, 282]. В истории международного права это было совершенно новое прочтение понятия «суверенитет», но рейс-эфенди такая нелепица, кажется, не очень беспокоила. Главное, как становилось все очевиднее, заключалось в том, чтобы завести спор с русскими в тупик.

Возницын сделал попытку воспользоваться услышанным и предложил идею отдельного договора между Москвой и Бахчисараем при ус-

ловии, что Порты в случае возникновения русско-крымской войны, спровоцированной татарскими набегами, сохранит нейтралитет, ибо целью этой войны со стороны России будет не посягательство на территорию, а наказание разбойников. В подтверждение обоснованности своего предложения Возницын ссылался на многие исторические прецеденты, когда русские воевали с крымцами, оставаясь в мире с Портой. И те войны заканчивались отдельными соглашениями с ханом. Чтобы освежить память турецких делегатов, потребовавших конкретных примеров, Прокопий Богданович напомнил, что Сибирь, Казань, Астрахань были «уступлены в державу Его Царского Величества» крымским ханом, а не турецким султаном [2, с.260, 283].

Отвергнув принцип невмешательства, османская дипломатия выступила со своим вариантом. Султан берет на себя обязательство крепко удерживать крымцев от войны «явной» или «тайной», а в обмен на эту великую услугу царь, во имя «лучшей дружбы», должен хана по-прежнему «почтением награждать», то есть платить дань [2, с.260, 282–283]. Помимо косвенного признания, что Порты всегда стояла за спиной Крыма, когда тот разорял Россию, тут стоит обратить внимание на стремление турок выдавать желаемое за действительное. Султану никогда не удавалось контролировать крымскую ситуацию с такой мерой эффективности, которая требовалась для «крепкого удержания» татар от чего бы то ни было, тем более от грабежей русских земель.

Даже знакомый с повадками турецких дипломатов Возницын взъерошился от их очередного бесцеремонного демарша, опять ставившего всё с ног на голову. Прокопий Богданович предложил Порте не витать в облаках. Прошли времена, когда хан позволял себе претендовать на даннические отношения с Русью. Нынче все изменилось. Наступил черед русского царя требовать себе «награждения, а не от себя что давать». И тут снова прозвучали слова «Керчь» и «особый договор», наряду с призывом «не вступаться» за татар в случае войны [2, с.260, 283].

Турки не приняли ни один из аргументов Возницына. Даже на историю присоединения к России государств-преемников Золотой Орды они махнули рукой: то, дескать, было взято силой оружия, а не силой договора. Петровский посол, раздосадованный невозможностью вести с противником дискуссию по правилам дискуссии, закончил ее многозначительным намеком, что царь найдет способ решить судьбу Керчи [2, с.260–261, 283].

Эта конференция завершилась безрезультатно. Новая была назначена на 12 ноября.

Существует мнение, что дипломатическая атака турок и контратака Возницына замышлялись как обычный переговорный прием максимального завышения ставок с последующим отказом от них обеих сторон в пользу какого-то компромиссного соглашения. Как правило, так оно и бывало. Но в правилах случаются исключения. Возможно, с одним из них мы и имеем дело в данном случае.

Попытаемся разобраться. Действительно ли Рами Мехмед-паша и Возницын рассматривали свои требования как нереальные запросы, от которых нужно будет отступить на более прагматические позиции и уже на их основе подписывать мирный договор? Проникнуть в замыслы турецкой делегации, если они адекватно отражались в полуабсурдной логике их рассуждений, почти невозможно. В случае же с Возницыным картина более или менее ясна. Он действовал по совершенно четкой инструкции Петра, полученной еще в Вене: заключить короткое перемирие, не только ничего не уступая, но и настаивая на передаче России Керчи. Это не был ни «максимум», ни «минимум». Это была ровно та программа, в которую Прокопий Богданович самовольно не мог внести ни единого изменения.

Теперь вновь обратимся к двум, на наш взгляд, взаимосвязанным вопросам. Зачем царю понадобилась именно Керчь и почему он не соглашался на «прочный и безопасный мир»? Если государь, как гласила официальная версия, хотел использовать Керчь для обуздания татарских набегов, то для этого подошла бы любая другая тыловая крымская территория, где можно было бы построить военную базу и оттуда страшать Бахчисарай. Однако в более масштабном стратегическом контексте Керченская крепость представляла исключительную ценность не только с точки зрения обороны входа в Азовское море, но и в качестве выхода на просторы Черного моря. Стало быть, это плацдарм для наступления. В свете такого анализа ситуации логическая цепь замыкается, делая вполне объяснимым взятый Петром курс на кратчайшее перемирие.

Турки были достаточно сообразительны, чтобы схватить суть царских планов. И это изначально обрекало русско-турецкие переговоры на провал, который Петра не пугал, а устраивал. Но обрывать переговоры на полуслове, как это произошло на первой конференции, выглядело бы неприлично по форме и некорректно по процедуре. Конгресс нужно было округлить таким образом, чтобы не дискредитировать «славные труды» австро-англо-голландской дипломатии.

Последующие русско-турецкие конференции, скорее всего, проходили бы по затухающей инерции, с полным осознанием того, чем им

суждено закончиться. Лишь при одном, однако, условии: если бы дело касалось только России и Турции. Но как ни пытались союзники по Священной лиге изолировать данную проблему, она объективно оказалась неотделимой от общей повестки дня конгресса. Турки проявляли крайнюю подозрительность, опасаясь, что христианские монархи плетут против Порты изощренный заговор, чтобы предельно сократить сферу ее господства в Европе. Непреклонность Возницына вполне могла выгнать в пугливом воображении османской делегации как одна из сценарных частей этого заговора. Рами Мехмед-паша ведь не знал, о чем совещаются союзные дипломаты, наведываясь друг к другу по нескольку раз на день. Он располагал только информацией, получаемой от посредников, которым он по большому счету тоже не доверял. Рейс-эфенди до последнего момента избегал подписывать уже готовые дипломатические документы, стараясь держать запасной выход со сцены открытым. Перспектива быть обманутыми страшила турок гораздо больше, чем наступившие морозы.

Провалившаяся русско-турецкая конференция обострила всеобщую нервозность. Тревожнее всех себя чувствовали австрийцы, их совершенно не устраивало, чтобы какие-то днепровские городки и какая-то крымская крепость с трудновыговариваемым названием испортили все планы Вены. На следующий день (10 ноября) цесарцы срочно встретились с союзниками и посредниками для согласования тактики давления на «зарвавшегося» Возницына. Они обрушились на посла с упреками, увещевая его отказаться от самых ненавистных для Порты требований (то есть принять османские условия, заведомо неприемлемые для Москвы) и не вынуждать их умыть руки, оставляя Россию один на один в войне с Турцией. Упорство Прокопия Богдановича порицалось чуть ли не как детский каприз, отвлекавший взрослых людей от важных занятий. Цесарцы и венецианцы посулили царскому послу всяческую помощь (в вопрос «какую именно», естественно, не вдавались) – лишь бы он не мешал привести дела конгресса к благополучному «окончанию». В воздухе витало отчаянное восклицание союзников: «дались вам, русским, эти злосчастные поднепровские городки!» [2, с.261–262, 284].

Утомленный лицемерием своих собеседников, Возницын ответил им пространной речью, по жанру близкой к инвективе. Чтобы дословно не цитировать временами корявый (для современного читателя) текст стейного списка и в то же время не слишком отдаляться от него, передадим общий смысл сказанного. «Сначала вы, европейцы, втянули нас в тяжелейшую и дорогостоящую войну, в которой мы честно выполнили

свой союзнический долг. Теперь ради своей выгоды вы принуждаете Россию к капитулянтскому миру, смея при этом угрожать царю предоставлением ему перспективы продолжать воевать с турками один на один. Праведный Бог вам судья, но от данных мне инструкций я не отойду». Приблизительно так, в переводе на современный язык, говорил Прокопий Богданович [2, с.262, 284].

Это было последнее, что услышали союзники от Возницына 10 ноября, за два дня до второй русско-турецкой конференции.

**Блуждание в темени
софистики**

Ожидали ли стороны от следующей конференции какого-то прорыва? Маловероятно. Она не обещала появления даже такого документа, который с большими оговорками

можно было бы считать компромиссным. Цель встречи, как явствует из последующих событий, виделась в выработке некоего грубого суррогата решения, всю ценность которого составят официально расставленные точки над «i» в вопросах, опасно обостряющих отношения между Россией и Османской империей. Надеяться на что-то иное не позволял решительный настрой как непосредственных оппонентов, так и интересы других участников конгресса.

Конференция проходила 12 ноября, начавшись с заявления обеих сторон о необходимости «приступить к делу прямым намерением и истинным сердцем и, отставя лишние речи, говорить краткими словами о прямом деле, потому что пришло время зимнее и друг друга труднить не надобно, и теми словами постановили итти о делах с начала до конца» [2, с.263, 285].

Тут же обнаружилось, что туркам сделать такое заявление легче, чем придерживаться его. После ставших уже дежурными слов Возницына о готовности царя быть с султаном в дружбе и мире на основании принципа (*uti possidetis*), положенного в основу работы конгресса, османские дипломаты вновь дали волю восточной велеречивости, не ограничивая себя и в стремлении навязать свое прочтение международного права. Забавно было бы узнать, о чем подумали Пэджет и Кольер, когда они услышали, что *uti possidetis* – не более чем «слово», имеющее много значений и подразумевающее разные обстоятельства [2, с.263, 285]. Не ругаемся за скрежет зубов у англичанина и голландца, но нечто подобное не стоит исключать из сферы предположений историка, пробуящего мысленно представить себе их внутреннюю реакцию на философиче-

ские упражнения турок. Вот общий посыл этого схоластического этюда: человек зовется человеком, а дом зовется домом для семантического удобства, чтобы не тратить время на то, что скрывается за каждым из этих понятий. Ровно в той же мере это касается принципа «кто чем владеет» – мертвого принципа, вдохнуть жизнь в который нельзя без определенных смысловых «приращений». Главным, но не единственным из таких «приращений», в данном случае является безусловный уход русских войск из устья Днепра и уничтожение тамошних крепостей. Не уверен, что союзники и посредники, воспитанные в традициях уважения к европейским публично-правовым нормам и к здравому смыслу, были в восторге от столь абстрактного отклонения от международного права, но они плотно закрыли глаза на такое новаторство. Более того, они почти открыто его поощряли. Ведь неслучайно рейс-эфенди ссылался на документы, в которых цесарцы, венецианцы и англо-голландские модераторы конгресса признавали необходимость освобождения русскими устья Днепра [2, с.263, 285].

Как и на предыдущей конференции, шел торг, который можно было бы назвать обычным для такого рода дипломатических ситуаций, если, опять-таки, не знать, с какой яростью, зачастую не подкрепленной здравым смыслом и питаемой одним лишь упрямством, отстаивали турки даже заведомо проигрышную позицию.

Вознищину стоило невероятного труда вскрыть самый слабый фланг османской дипломатической обороны – вопрос об Азове. В конце концов, рейс-эфенди согласился на «компромиссный» (разумеется, с его точки зрения) вариант «обмена» Азова на отказ России от завоеванных ею ниже-днепровских городков, которые были обещаны турецким делегатам ... графом Кинским. Легко представить себе, насколько этот несуразный аргумент возмутил Прокопия Богдановича, поставившего резонный вопрос: при чем здесь австрийский канцлер? [4, с.255].

Такой же вопрос посол адресовал английским и голландским посредникам, заявив, что союзники так себя не ведут. Что касается представителей императора Леопольда, то к ним Прокопий Богданович обратился с открытым протестом в связи с подготовкой к подписанию сепаратного австро-турецкого мира в нарушение договора от 29 января 1697 года. На это цесарцы отозвались доводом, который степенью своей «убедительности» был сродни османской логике.

Смысл сказанного заключался в следующем. Поскольку до окончания срока действия союзнических обязательств остается «один только год», Вена сочла себя вправе действовать по своему усмотрению [4,

с.256]. Иными словами, из-за какого-то «года» Австрия не собирается жертвовать своими интересами и соблюдать обременительные для нее условия соглашения с Россией. Не испытывая никакой неловкости, Эттинген и Шлик бесцеремонно порекомендовали Возницыну не артачиться, а принять требования Порты, чтобы не пришлось воевать с ней в одиночестве. Пэджет и Кольер поддержали австрийцев полностью, чтобы русско-турецкий спор не стал камнем преткновения на пути «успешного» завершения конгресса [4, с.255–256].

Турки щедро давали Возницыну поводы поёрничать в связи с их привычкой переводить официальную дипломатическую дискуссию в литературно-образное русло, граничившее с элементарным словоблудием. Однако ему было не до этого. Впрочем, какая-то толика насмешки присутствовала в его доводе о том, что одушевление всего лишь условной, по мнению турок, формулы *uti possidetis* – это не безграничная свобода толковать ее вкривь и вкось, а готовность соблюдать международный закон «чисто и свято». Заявление османской делегации о гарантиях, данных Порте в днепровском вопросе, Возницын отверг как не имеющее под собой никаких оснований, ибо Его Царское Величество не уполномочивало ни союзников, ни посредников выступать от его имени [2, с.264, 285–286].

Не без досады наблюдая, с каким упрямством турки заводят дело в темные дебри софистики, где теряется суть проблемы, Пэджет, который играл первую скрипку в посредническом дуэте, решил вмешаться в дискуссию. Его желание помочь османской делегации вернуться к предмету переговоров, чтобы не выставять себя в смешном свете, было, видимо, настолько сильным и безотчетным, что едва не обернулось конфузом для самого спасателя. На него нашло какое-то затмение, зачастую свидетельствующее о близости нервного срыва. От английского хладнокровия не осталось и следа. Помимо того, что Пэджет забыл о своем посредническом статусе, он нарушил эмоциональную самодисциплину и утратил профессиональную культуру спора, как будто заразившись от турок вольным обращением с текстами дипломатических документов. Понимая, что ни в одном случае предъявить царскую подпись, санкционирующую уступки Порте, он не может, английский посол пустил в ход логику, настолько житейскую, что она выглядела вполне под стать османским «доказательствам». Пэджет чуть ли не потребовал от Возницына прекратить саботаж конгресса и не прекословить воле своего государя. Если бы основания мира были не угодны царю, его, Прокония Богдановича, на конгресс бы не прислали. Почти в судейском

тоне он спросил у русского посла: признает ли он полномочия посредников и «тот фундамент приемлет ли»? [2, с.264, 286].

Несмотря на «крепкое наступление» против него, вылившееся в открытую манифестацию согласованных действий, Прокопий Богданович не дрогнул. «Без воли Государя своего» принять их за посредников он не может – лишь за «приятелей и друзей», в надежде, что они будут вести себя соответствующим образом. Что касается «Кинского листа» (ноты Кинского), которым Порту уведомили, какой международный принцип положен в основу работы конгресса (*uti possidetis*), то, заявил Возницын, он признает этот «фундамент» в том виде, в каком его используют в международной практике, а не в толковании, предусматривающем прямой ущерб России [2, с.264–265, 286–287].

Рама Мехмед-паша настаивал, что нота была согласована с Его Царским Величеством и принята Его Салтанским Величеством, а также всеми союзниками. Он обвинил Возницына в том, что тот с какой-то злонравной целью порочит имена великих монархов и большую посредническую работу англичан и голландцев [2, с.265, 287].

Прокопий Богданович решительно осадил турок, заявив о недопустимости тона, приближающего дискуссию к опасной черте, за которой «токмо зло и недружба». У него в намерениях нет ничего похожего на желание кого-то порочить. Он действует, ни на толику не отклоняясь от указа Его Царского Величества. В соответствии с этим же указом Возницын объявил свое «последнее намерение»: никакой уступки в вопросе о днепровских городках не будет, а если эту и другие проблемы участники конгресса за «великие трудности» почитают, то есть простой выход из положения – «учинить перемирие краткое, а тоб все отложить впредь» [2, с.265, 287].

Турки не были ни новичками, ни простаками (даже если прикидывались ими) в больших политических играх. Опасный для себя подтекст слова «перемирие» они учуяли моментально и категорически его отклонили [4, с.483]. Турки негодовали. Не за тем они ехали на конгресс. Возницын, не желая опускаться на уровень базарной перепалки, не стал говорить, что он тоже ехал сюда не для того, чтобы быть одуроченным дружным союзом турок, союзников и посредников. Видя, что османские дипломаты не собираются уговориться в своих требованиях сделать «приращения» к принципу *uti possidetis*, Возницын предложил уравновесить турецкие приращения русскими – передать России Очаков, Белгород, Килию, переселив всех тамошних татар за Дунай. Ошарашенный Маврокордато отказался передавать эти слова Рама Мехмед-паше. То-

гда Прокопий Богданович предложил остановиться на «нулевом варианте», то есть на точном толковании формулы *uti possidetis* [2, с.266, 287–288].

После тягостной паузы рассерженные турки заявили посредникам, что говорить больше не о чем, говорите с «ним» (Возницыным) сами, если хотите [2, с.288].

Пэджет и Кольер предложили Возницыну встретиться на следующий день. В отсутствие турок посредники, прощаясь с русским послом, заметно смягчили свой повелительный тон, который явно был рассчитан на то, чтобы показать рейс-эфенди свою солидарность с османской позицией и неприятие русской. С Прокопием Богдановичем стали говорить «поприятней», увещевая его «всякими лестными глаголами» [2, с.288]. Вероятно, Пэджет испытывал неловкость за свои совершенно недопустимые для посредника оскорбительные выпады против Возницына.

Возницын вольно или невольно растревлял это чувство отменно предупредительным обхождением с англичанином, словно ничего и не случилось. Он выразил посредникам признательность за их неусыпные труды «для общего добра всему христианству» и тут же прибегнул к «искусному» (как назвал его сам Возницын) приему. Пэджету и Кольеру предложили собольи шубы. А чтобы изъять из этого жеста легко угадываемый подтекст, посол пояснил, что позволяет себе такое исключительно из благодарности за их благородную работу и «для нынешнего зимнего времени» [2, с.290]. Не беремся судить, в какой мере поверили посредники в чувство благодарности (оснований для которого было немного), но сомневаться в наличии сугубо филантропического побуждения при такой стуже на дворе было и неприлично, и непрактично. Силен был физиологический соблазн надежно защититься от холода русскими соболями. Ведь конгрессу, как и ненастью, его сопровождающему, не было видно конца. Признавшись, что тронуты заботливостью Возницына, посредники обещали принять подарок, если «дела наши (с турками. – В.Д.) ... к лучшему поведению придут». Неожиданностью для посла этот ответ не стал. Сказанное им на прощанье, по смыслу, звучало так: воля ваша, мой жест доброй воли остается в силе [2, с.290].

«Лист Кинского»

13 ноября Прокопий Богданович отправился не к посредникам, а к Эттингену и Шлику. Подробно описав вчерашнюю конференцию, посол выразил свое недовольство

тем, что англичанин и голландец оказывали открытую поддержку туркам, совершенно несовместимую с посредническим статусом. Он не скрывал своего возмущения содержанием «листа Кинского», к которому постоянно апеллировала османская дипломатия. «Тот лист, – говорил Возницын, – Его Царского Величества стороне, вместо всякого с Его Цесарского Величества стороны добра, обращается в неначаемое (неожиданное, внезапное. – *В.Д.*) зло» [2, с.266, 288].

Стараясь выгородить себя, австрийцы сетовали, что «тот лист турки темно и противно, и злобно толкуют». А как его толкуют посредники, им не ведомо (!), но они это выяснят. Продолжая тактику закулисного маневрирования, цесарцы сказали сущую правду в первом случае, и откровенно соврали во втором, ибо практически все вопросы они согласовывали с Пэджетом и Кольером.

Возницын, для которого это не являлось секретом, предложил всем прямым (русские и турки) и косвенным (цесарцы и посредники) участникам спора собраться на конференцию и, что называется, выложить карты на стол. Идея, сама по себе, была проста и рациональна. Если австрийцы считают, что османская делегация шулерствует в трактовке «листа Кинского», то почему бы им, лучше кого бы то ни было знающим суть данной ноты, не явиться на съезд, чтобы «ту трудность вывести», то есть разоблачить обманщиков.

Но, быть может, именно этого разоблачения, грозившего поставить под сомнение австро-турецкое соглашение, Эттинген и Шлик боялись больше всего. Они отклонили инициативу Возницына, сказав, что рейс-эфенди их не послушает. На это посол возразил: еще как послушает, если пригрозить Порте возобновлением войны. Опешившие австрийцы потребовали от Прокопия Богдановича вообще не заикаться на эту тему, чтобы не подвергнуться обвинению во вмешательстве в дела чужой страны. Вена не нуждается в чьих-либо указаниях в вопросах, только ее касающихся. Русский посол не стал оставлять эту сердитую реакцию без комментария. Смысл его состоял в том, что существуют еще и военно-союзные обязательства Австрии, которые не принято отменять в одностороннем порядке, исходя лишь из собственных выгод. На этой ноте разговор был исчерпан [2, с.266–267, 288–289].

В тот же день (13 ноября) был у Возницына Горковский (секретарь Малаховского) с текстом польских требований к Турции. Тринадцатым (предпоследним) пунктом этого проекта, похоже, имелось в виду создать у Прокопия Богдановича впечатление о верном исполнении Польшей союзнического долга. Там выражалось платоническое пожелание, чтобы гото-

вящийся мирный договор «удовольствовал» каждого из союзников. Эта статья в одно коротенькое предложение даже своим размером и порядковым номером намекала на допустимость не обращать на нее внимание. Возницын велел передать Малаховскому просьбу ни в чем туркам не уступать [2, с.267–272, 290–291]. Он не верил в эффективность русско-польского дипломатического сотрудничества [2, с.291], но наличие дополнительного рычага давления на османскую делегацию считал не лишним.

14 ноября у Возницына состоялся трехчасовой разговор с посредниками. Возможно, данную встречу Пэджет и Кольер отложили на день для того, чтобы использовать это время для совещания с австрийцами. Чувство беспокойства не покидало ни тех, ни других. Спустя месяц после начала переговоров в Карловице положение оставалось напряженным и далеко не ясным. Ни на одном из четырех направлений переговорного процесса – австро-турецком, венецианско-турецком, польско-турецком и, тем более, русско-турецком – не удалось пройти точку невозврата и вплотную приблизиться к финишной черте. Османская делегация отбивалась яростно, с применением таких дискуссионных методов, которые доводили до белого каления не только Возницына. Перед англичанином и голландцем простирался непочатый край работы. Вне зависимости от их политических целей, нужно признать: трудились они не покладая рук. Срыв конгресса был бы личным, профессиональным поражением посредников. С таким результатом возвращаться домой не хотелось.

В глазах Пэджета и Кольера Возницын заслужил репутацию *enfant terrible*, с которым поначалу решили не нянчиться. Однако убедившись, что грубый шантаж и принуждение на Возницына не действуют, а могут лишь спровоцировать его на самые радикальные решения, они стали внимательнее прислушиваться к резонам посла. В конце концов, элементарная логика подсказывала: так не бывает, чтобы только одна сторона, какую бы неприязнь она ни вызывала, ошибалась во всем.

Скорее всего, именно по этой причине имевшая 14 ноября место беседа между этими людьми была самой предметной и профессиональной за все время их общения в Карловицах. Возницын призвал собеседников в свидетели недостойного поведения турок на последней конференции, где они, размахивая «листом Кинского», вымогали территории, которые, согласно принципу *uti possidetis*, сохранялись за Россией. Потом он напомнил, что Петр Алексеевич не напрашивался в Священную лигу, царь лишь отозвался на настойчивые просьбы христианских монархов, ввязавшись в очень рискованное и дорогостоящее дело. От этого союзникам учинилась очевидная польза в виде русских побед, сыгравших не последнюю роль в

принуждении неприятеля к мирным переговорам. В благодарность за это цесарцы «без совету Его Царского Величества» вышли из войны и положили не подлежащее изменению основание мира, исходя из собственных интересов. А теперь негодуют на Россию за то, что она смеет возражать против такого самоуправства [2, с.272–273, 289].

Пэджет и Кольер не стали поддерживать эту неприятную для них тему и, перейдя к конкретике, попытались сделать Возницыну деловое предложение. Они пообещали приложить силы к тому, чтобы снять вопрос об Азове, как предпрешенный в пользу России, но взамен попросили Прокопия Богдановича отказаться хотя бы от части поднепровских городков. Посол не считал хлопоты посредников об Азове, уже три года находящегося в руках русской армии, великим одолжением и предметом торга. А разговоры о возвращении устья Днепра он вообще отвергал как бесперспективные. Поинтересовавшись о том, не турки ли подали мысль о таком «размене», Возницын сказал, что не согласится «ни единого камня свалить» [2, с.273, 289].

Возможно, стоит поверить посредникам, отрицавшим причастность Порты к их предложению. Если Возницын подозревал в каждом шаге англичанина и голландца злой умысел, то он едва ли был прав. Их действительно могло охватывать отчаяние, когда казалось, будто на том или ином участке дипломатической борьбы возникает ситуация, грозящая провалом конгресса. Они руководствовались сверхзадачей, продиктованной интересами Англии и Голландии – прекратить войну между Священной лигой и Турцией. Всему, что мешало достижению этой цели, естественно, оказывалось противодействие. Самым трудным препятствием была Россия. Но даже острое желание устранить его не исключало стремления к компромиссу или к тому, что посредники предпочитали выдавать за таковой.

В любом случае ответ Возницына был твердым. Пэджет и Кольер (первый, надо полагать, наверняка) уже внимательно изучили карту Северного Причерноморья и безошибочно оценили стратегическое значение помеченных на ней объектов. В представителях морских наций был заложен врожденный инстинкт познания водных пространств и линий их соприкосновения с сушей. Чтобы утвердиться в своих оценках, посредники с наивным видом спросили у Возницына: что такого особенного в Азове и днепровских городках, если ради них русские и турки ломают копыя с таким ожесточением? [2, с.273, 290]. Посол ответил, что для Южной России и Польши другой защиты от грабительских набегов татар нет.

Потом последовал хитрый вопрос о том, почему Возницын предпочитает говорить о перемирии, а не о мире, как все? Потому, пояснял дипломат, что он, «видя многие трудности», ищет хотя бы какой-то выход из создавшегося тупика. «Пускай ныне малое перемирие..., а мир впредь не уйдет», – сказал Прокопий Богданович [2, с.273, 290].

Посредники поспешили свернуть эту тему, подчеркнув, что они «взялись за мир», а перемирие – «дело не их». Тем самым Возницыну было предложено определяться в данном вопросе без посторонней помощи и ни на кого не пенять в случае срыва русско-турецких переговоров. Впрочем, в заключение разговора, возможно не только приличия ради, Пэджет и Кольер пообещали постараться «к доброму окончанию всех привести», не отказываясь от попыток склонить турок к сговорчивости. Также обращает на себя внимание обещание, которым раньше посредники не удостоивали Возницына, держать его в курсе их бесед с османской стороной («о том ему великому и полномочному послу объявят») [2, с.273–274, 290]. Все это говорило о том, что многое в труднейшей работе посредников не ладилось как по объективным, так и по субъективным причинам. Явных признаний на сей счет в общении с участниками конгресса Пэджет и Кольер себе не позволяли, но в своих донесениях в Лондон и Амстердам они были вполне откровенны, порой не скрывая пессимизма относительно шансов на подписание столь необходимого австро-турецкого мира.

В принципе наблюдательному историку нетрудно заметить далеко не гладкое течение конгресса даже по прошествии значительного времени, достаточного для появления позитивной динамики. Одно обстоятельство выглядело особенно тревожным. Когда союзным дипломатам казалось, что главное дело – мир между Веной и Портой – сделано, австро-турецкие конференции продолжались с подозрительной частотой. Трудно было поверить, что на этих встречах решались чужие вопросы. Бросалась в глаза еще одна деталь. Несмотря на жестокие бытовые неудобства, которые приходилось переносить дипломатам в условиях рано наступившей суровой зимы, никто не поднимал по-житейски, казалось бы, самую насущную тему – о дате окончания конгресса. Возницын поддерживал постоянную связь с Малаховским. Она давала информацию о ходе продвижения польско-турецких переговоров и оставляла робкую надежду на успех совместных действий, в случае, конечно, если польский посол окажется в таком же затруднительном положении, что и русский. Малаховский с готовностью шел на сотрудничество с Возницыным, по крайней мере, в том, что касалось обмена

полезными сведениями. Поляк жаловался на «немалые трудности и несогласия» с османами, посылая Прокопию Богдановичу копии документов, раскрывающих суть спорных проблем. Такую степень открытости он проявлял не бескорыстно, а в обмен на согласие Возницына «ему вспоможение учинить» [2, с.274–275].

В режиме активного ожидания В перспективу подлинного компромисса с турками Возницын не верил, а компромисса «по-турецки» не желал. Такое настроение располагало к пассивному ожиданию, чем все закончится. Ведь тем или иным образом это произойдет и без его участия. Однако деятельность посла нисколько не ослабла. Каждый день был по-прежнему расписан по часам. Возницын не давал себе права отдохнуть от запутанного контекста событий, в каком бы направлении они ни продвигались. Его миссия заключалась в том, чтобы не оставить и тени сомнений в стремлении отдать все свои силы ради исполнения воли царя. Именно в этом и прежде всего в этом он должен быть беспорочен перед государем. А на остальное воля божья.

Внутренней моральной страховкой для Возницына продолжала служить небезосновательная мысль: если конгрессу не удастся прекратить состояние войны между Россией и Турцией, Петр огорчен не будет. Вместе с тем, Прокопий Богданович осознавал, что царь, уже поднаторевший в дипломатии, не собирался открывать Европе свои потаенные желания и представлять перед ней с мечом в руках, в то время как все вокруг делали вид, будто они никогда не расставались с оливковой ветвью. Возницын, естественно, знал, что, демонстративно покинув эту театральную сцену, он окажет Петру медвежьё услугу, а заодно дискредитирует себя как представителя русской дипломатической школы, который останется в памяти участников конгресса как грубый и невоспитанный человек, случайно попавший в великосветское общество.

Чувство ответственности заставило Возницына унять свою гордыню и вновь искать встречи с турками, несмотря на их заявление (на конференции 12 ноября) о нежелании продолжать переговоры с русской делегацией. Отсюда его затяжной разговор с посредниками (14 ноября), которые остались единственным связующим звеном между Возницыным и Рами Мехмед-пашой. Большой проблемой, однако, являлось то обстоятельство, что Пэджету и Кольеру предстояло ходатайствовать о новой конференции, не имея никаких обнадеживающих предложений с

русской стороны. Положение их было незавидным. Сообщить рейс-эфенди, что Возницын наотрез отказывается отдавать днепровские городки, значило нарваться на вопрос: а зачем тогда вообще встречаться?

Какой выход нашли посредники (и нашли ли вообще), должно было выясниться в ближайшее время. 17 ноября к ним направился Посников, которому сообщили, что туркам передано желание русских провести третью конференцию, но ответа пока нет [2, с.275, 291–292]. Что бы ни сулило это молчание, Возницын работал не покладая рук. Он не собирался ставить свою деятельность на конгрессе в полную зависимость от того или иного решения рейс-эфенди.

Кольцо дипломатической и психологической блокады вокруг Возницына сжималось. Скрывать это от Петра было неразумно. «Трудность с турецкой стороны неначаемая [к нам] простерта, – писал Прокопий Богданович царю 18 ноября 1698 года; – также нелегка и с нашей [стороны] к ним. Бог ведает за тем за всем, состоится ль мир; а на краткое перемирие отнюдь позволить не хотят. А союзные послы повседневно с ними (турками. – *В.Д.*) съезд имеют...» [2, с.275–276; 4, с.482]. Далее Возницын сообщает, что все участники конгресса едины в ожидании от него согласия на османские требования. В заключение дипломат отваживается на полную откровенность. «Надеясь на милость твою, Государя моего, доношу: если турки при том же намерении своем стояти будут, едва ли с ними мир у нас будет. Того ради не надобно в военном приготвлении оплошать, понеже неприятель сильно простираться (проявлять неуступчивость – *В.Д.*) будет» ([4, с.482]. См. также: [2, с.276]). Возницын предлагает «дойти до Дуная», где «тьмы нашего народа, и языка, и веры» поднимутся на помощь русской армии [2, с.276; 3, с.585]. Что же до русско-турецкого замирения на условиях, выдвинутых Портой при явном благоволении «Священной лиги», то это всегда успеется.

С той же почтой (18 ноября) Возницын отправил письма к боярам Льву Кирилловичу Нарышкину (главе Посольского приказа) и Федору Алексеевичу Головину (его ближайшему преемнику). Реалистично глядя на перспективу «остаться с турками в войне», он советует остерегаться поляков и шведов, которые, вероятно, воспользуются моментом, чтобы объединиться против России. Не противопоставить ли этому союзу русско-пруско-датский альянс? – задается вопросом Возницын. Войну с Турцией он мыслит себе как полномасштабную, включающую крупные операции как на суше, так и на Черном море. Испытывая сомнения в готовности России к такому беспрецедентному предприятию, Прокопий Богданович предлагает нанять в Венеции «морских людей» разного чина [2, с.292].

Откуда у «государева раба и последнего сироты Проньки Возницына» взялась вдруг смелость давать царю и высшим сановникам государства советы в ключевых стратегически вопросах, которые, строго говоря, выходили за пределы должностных обязанностей дипломата? Не потому ли он преступает границы своих полномочий, что хорошо осведомлен о планах Петра и хочет лишний раз оправдать их суровыми дипломатическими реалиями Карловицкого конгресса, где восторжествовал провозглашенный Веной принцип «каждый за себя»?

Царь, будучи прагматиком, никогда не требовал от Возницына блестящей дипломатической победы, осознавая ее иллюзорность в сложившихся обстоятельствах. Говоря точнее, победой Петр считал выигрыш времени для устройства флота. Именно поэтому в запасе у Прокопия Богдановича был царский наказ склонить турок к перемирию. В этой инструкции «на крайний случай» таился ключ к пониманию замыслов Петра, выходявших далеко за рамки тех дипломатических задач, которые он поставил перед своим уполномоченным на Карловицком конгрессе.

Не мытьем, так катаньем

Психологическое давление на Возницына росло. 19 ноября Кольер передал ему, что цесарцы и османы «дела свои к концу приводят», советуя «от них не отставать и крепко о делах своих мыслить» [2, с.292–293]. Голландский посол в тот момент понятия не имел, когда и чем завершатся затянувшиеся австро-турецкие переговоры, но он заведомо идет на обман, чтобы, устранив Прокопия Богдановича угрозой изоляции, заставить его пойти на уступки.

Затем союзные дипломаты решили прибегнуть к коллективному увещанию. На следующий день (20 ноября) состоялся съезд всех послов, представлявших страны Священной лиги, при участии посредников. На сей раз они действовали тоньше. По сути напор усиливался, но теперь не в той грубой манере, против которой у Возницына сформировался иммунитет, а под личиной сочувствия братьев по несчастью.

Спектакль разыграли славно. Возницына, жаловавшегося на вопиюще несправедливые требования Порты, противоречившие принципу *uti possidetis*, выслушали едва ли не с трогательной участливостью. В ответ русский посол впервые услышал, что осуждают не его, а османскую делегацию. Грянул дружный хор стенаний по поводу убытков от этих несносных турок. Утешая Возницына, его коллеги говорили, что к России Порты предъявляет еще более или менее терпимые требования по сравнению с

теми, которые пришлось удовлетворить Австрии, Польше, Венеции [2, с.300–301]. Однако, как и ожидалось, за солидарным негодованием в адрес османской дипломатии последовало не заявление о солидарной поддержке России, а «дружеский» совет последовать примеру союзников, спешащих «привести дела с турками к совершенству». И опять вранье, хоть отчасти и невольное: конгресс может закончиться «во один день», поскольку османская делегация, изнывая от стужи, просит о скорейшем подписании мира, промедление с которым чревато их внезапным отъездом. Возницына предостерегали от угрозы остаться с пустыми руками, в коей оплошности виноват будет только он [2, с.293–294].

Прокопий Богданович чувствовал, что перед ним разыгрывается почти театральное действо. Посол заметил в актерах страх перед перспективой долгих и бесплодных переговоров, а не перед возможностью прекращения конгресса «во один день». Иначе союзники не стали бы удостоивать Возницына заботливым вниманием и специальной встречей, посвященной только одной – русско-турецкой – теме. Чем больше они говорили о скором окончании дел и чем настойчивее уговаривали Возницына идти в ногу со всеми, во избежание моральных и репутационных потерь, тем прочнее утверждался он в подозрении, что в работе конгресса далеко не все идет по австрийскому плану. Едва ли не со дня прибытия в Петервардейн русский посол только и слышал, что у цесарцев с турками уже почти всё «на мере поставлено» (решено). Между тем, прошло больше полутора месяцев, заполненных ежедневными переговорами, а мирное соглашение так и не было достигнуто. Предчувствие, что конгресс закончится отнюдь не «завтра», Возницына не обмануло.

Какой бы оборот ни приняли дальнейшие события, Возницын включал для себя роль статиста, подчиняющегося указаниям венских постановщиков спектакля. Сейчас он думал лишь о том, как вырваться из «дружеских» объятий союзников и действовать самостоятельно. Путь был один – возобновление прямых контактов с рейс-эфенди, не дожидаясь «благосклонного» посредничества Пэджета и Кольера, а также ответа Рами Мехмед-паши на русскую просьбу о новой конференции, просьбу, которая, между прочим, грозила быть оставленной без внимания, учитывая чуть ли не скандальное завершение последней встречи. Забыть неприятный осадок и принудить себя к новому свиданию с рассерженным рейс-эфенди было для амбициозного Возницына крайне непросто. Ведь он вольно или невольно давал туркам повод увидеть в своей инициативе сходство с «хождением в Каноссу» и предвести близкой дипломатической победы над надменными москвитями.

К счастью, в этой ситуации присутствовало щадящее самолюбие Возницына обстоятельство. В османскую делегацию, как мы помним, входил один человек, с которым у русского посла сложились особые отношения. К единоверцу Маврокордато, при всей его высокосановности, Прокопий Богданович мог обратиться сугубо конфиденциально и вместе с ним подготовить повестку дня третьей конференции, без риска оказаться в положении просителя, всегда подвергающегося той или иной степени унижения.

Слезы отчаяния

20 ноября, сразу после встречи с союзными послами Возницын отправляет Посникова к Маврокордато разведать «по старому к нему приятству», где проходит подлинная черта, до которой турки готовы отступить в своих претензиях. Великий драгоман клятвенно заверил, что султан «паче иных» с царем «в миру быти желает», уступая ради этого Азов, соглашаясь на отдельные русско-крымские переговоры, но только не на уступку днепровских городков.

Следом к Возницыну явился слуга Маврокордато сообщить, что его хозяин «в великом сетовании и печали, и непрестанно плачет», опасаясь жутких гонений на христиан Османской империи (вплоть до казни патриархов), которых подозревают в тайном подстрекательстве Петра к продолжению войны [2, с.294].

Под впечатлением этого крайне неожиданного известия, позволим себе взять паузу, чтобы осмыслить его. Хотя в рассказах о дипломатических баталиях не принято отвлекаться от жесткой сути дела на какие-то второстепенные, тем более сентиментальные вещи, осмелимся предположить, что этот эпизод заслуживает весьма деликатного толкования. По крайней мере, отдаваться искушению упростить его до уровня банальной театральщины, к которой османы тяготели постоянно, торопиться не стоит. Конечно, в талантливом дипломате всегда живет актер, и во многих его поступках, в том числе трогательных до глубины души, сокрыты тонкие профессиональные приемы внушения, убеждения, соблазна. И выполняя совершенно конкретную задачу, он вживается в роль порой настолько искренне, что сам верит в свое чистосердечие.

С таким ли случаем мы имеем дело? Некоторые историки видят в поведении Маврокордато желание затронуть религиозное чувство Возницына, давая понять, что в его руках судьбы турецких христиан, на которых обрушится страшный гнев мусульман, если переговоры с рус-

скими закончатся неудачей [2, с.403–404]. Иными словами, с профессиональной точки зрения, это хорошо продуманная уловка для достижения искомой цели, а значит углубление в психологическое содержание данного факта излишне. В строгих научных монографиях такой подход, быть может, оправдан авторской установкой не отвлекать читателя посторонними деталями. Однако историческая наука предполагает не только выявление событий и построение концепций, свободных от «умноженных сущностей», но и живых людей, обитающих в сложном мире эмоций, чувств, страстей.

Именно в таком мире, раздвоенном и полным опасностей, жил Маврокордато. Он лучше других знал, что среди церковных иерархов Османской империи бытуют разные настроения, которые передаются и пастве. Многие не без основания боялись в очередной раз стать жертвами большой международной политики. Не было никаких гарантий, что России под силу одолеть Османскую империю. Да и будет ли она вообще воевать с турками?

Если такими безответными вопросами мучились простые христиане, то что говорить об умном и проницательном Маврокордато. Сообщение о «непрестанно плачущем» соратнике рейс-эфенди отчасти могло быть и гиперболой, предназначенной для психологического воздействия на Возницына, натуру благочестивую и восприимчивую к вопросу о будущем православной веры под неправославной властью. Но за образом Маврокордато, пребывающего «в великом сетовании и печали», таилась личная драма этого человека. Волей давних, семейных обстоятельств он оказался в такой ситуации, которая воспитала в нем необходимую для физического и карьерного выживания двуликость. Его блистательный ум профессионально и дисциплинированно служил государственным интересам Османской империи. А его верующая душа мечтала об освобождении христианских народов, но только не ценой их уничтожения в результате несвоевременного и неорганизованного подъема.

Мы слишком упростили бы личность Маврокордато и проявили бы бестактное неуважение к его внутреннему состоянию, если бы увидели в его слезах послушные ручейки влаги, выдавливаемые из глаз искусным лицедеем. Грек плакал от отчаяния. От того, что знал: русским и туркам не договориться, а в возобновленной войне Петр будет преследовать более дерзкие цели, грозящие непредсказуемыми, вполне вероятно, трагическими последствиями для турецких христиан. Великий драгоман с его глубочайшей осведомленностью о потенциале Османской империи был убежден в невозможности быстрого сокрушения

этого колосса. Ее час еще не пробил, сколько бы ни ликовала Священная лига по поводу своих побед и какие бы оптимистические прожекты ни вдохновляли будущих могильщиков империи, исповедовавших, кстати сказать, не только христианскую веру.

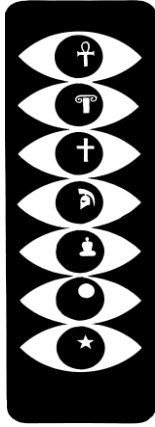
Однако если для Маврокордато мысль о непобедимости Турции на тот момент была почти аксиомой, то для Петра I – не более чем гипотезой, требующей взыскательной проверки. В конце концов, никто еще не пробовал атаковать Османскую империю с севера на всем протяжении от устья Кубани до устья Дуная, морскими и сухопутными силами. Надежду на эффективность такой стратегии вселяли последние военные успехи русской армии и флота. Забегая вперед, вспомним, что мало кто в то время сомневался в несокрушимости Шведской империи. Иными словами, Петр не принимал на веру устоявшиеся военно-политические и геополитические догматы, готовясь к их кардинальному пересмотру опытным путем.

Вернемся к Маврокордато. Хотя он без оптимизма оценивал шансы на заключение русско-турецкого мира, в глубине его души, вероятно, теплилась надежда на замену полноценного мирного договора каким-нибудь суррогатным документом, способным снять напряжение в отношениях между Россией и Турцией. Имея сильное влияние на рейс-эфенди, Маврокордато убедил его в необходимости третьей конференции с русскими.

Узнав о согласии Рами Мехмед-паши, Возницын официально обратился к посредникам с просьбой об организации нового съезда. Те, естественно, охотно откликнулись на это ходатайство. Пэджет и Кольер, скорее всего, догадываясь о тайных русско-турецких «пересылках», надеялись, что стороны нащупали какой-то выход из тупика. Иначе к чему эта инициатива?

Библиографический список

1. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: Госполитиздат, 1946. Т.3. 503 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1868. Т.9. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1698 по 1699 год). 1230 стб.
3. Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1991. Кн. VII. История России с древнейших времен. Т.13–14. 701 с.
4. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II отд-ния С.Е.В. канц., 1858. Т.3. Путешествие и разрыв с Швецией. 532 с.



Жорес Медведев

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ¹



УДК
929.82-94

Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) не был создан для захвата власти в стране. Он, напротив, стремился к сохранению СССР и его Конституции. «Переворотом» оказался переход власти в Советском Союзе от правительства СССР к правительству РСФСР и от президента СССР Горбачева к президенту РСФСР Ельцину. Поскольку власть Ельцина не распространялась на союзные республики, республиканские Верховные Советы тоже объявляли их независимость. Функции правительства СССР, многие члены которого были арестованы, перешли в правительству РСФСР, которое не обладало инфраструктурой для управления всеми отраслями экономики, внешней торговлей и Госбанком СССР. Президент СССР Горбачев, восстановленный в должности главы государства, не смог вернуть своих полномочий и сформировать новое правительство. Для руководства страной был создан неконституционный «Государственный Совет», состоявший из лидеров десяти республик. Именно Госсовет принял решение о предоставлении полной независимости прибалтийским республикам, Эстонии, Латвии и Литве, присоединение которых к СССР в 1939 году определялось стратегическими приоритетами начавшейся в Европе Второй Мировой войны.

The State Committee on the State of Emergency (GKChP) was not created by "hard-liners" as an attempt of the "coup d'etat". to take power. It actually tried to save the USSR and its Constitution and to prevent its dissolution and replacement by the new Union of Sovereign States. The defeat of the GKChP, which consisted by the main members of the USSR government and headed by the vice-president, resulted by the transfer of power to Boris Yeltsyn and the government of the Russian Federation which was unable to control the main branches of the economy, foreign trade and the financial system. Because Michail Gorbachev restored as the USSR President was unable to rule by decree or create the new government, the power was transferred by the Supreme Soviets to "The State Council", which consisted of leaders of ten Union Republics with Gorbachev as its chairman. In September of 1991 The State Council proclaimed the independence of the Baltic states, Lithuania, Latvia and Estonia.

Ключевые слова: Борис Ельцин, Михаил Горбачев, ГКЧП, Владимир Лакшин, Форос, Прибалтика.

Key Words: Boris Yeltsyn, Michail Gorbachev, GKChP, Vladimir Lakshin, Foros, Baltic states.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2015. №3–6; 2016. №2.

**Борис Ельцин после ГКЧП.
Была ли революция?**

В августе 1991 Рита и я оставались в Лондоне, заканчивая анализы препаратов от последних опытов. Обо всех сенсационных событиях в СССР мы узнавали из передач телевидения, радио и из публикаций прессы. Моя подписка на *Известия* сохранялась, и я получал свежие вечерние выпуски газеты утром на следующий день. Все британские и американские газеты и еженедельники характеризовали введение «чрезвычайного положения» как «coup», то есть «переворот», а его быстрое поражение как «революцию». Вождем этой «Второй русской революции» единодушно считался Борис Ельцин, портреты которого появлялись на первых страницах всех газет и на обложках журналов. По телефону ко мне обратились со срочной просьбой из США – написать статью с анализом событий 19–23 августа для расширенного воскресного номера газеты *The Washington Post*, секция которой о зарубежных новостях в выпуске от 1 сентября посвящалась событиям в Москве. В моем очерке, отправленном в газету факсом, я соблюдал, однако, умеренность, не называя события «революцией» и не выделял особой роли Ельцина, как нового лидера СССР.

Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) не был создан для захвата власти в стране и не пытался арестовать Ельцина и даже ограничить его деятельность как Президента РСФСР. Верховные Советы СССР и РСФСР не были распущены. Члены ГКЧП, в число которых входили вице-президент, премьер-министр и министр обороны, и до его создания имели во время отпуска Горбачева законную полноту власти в стране. 18 августа, за день до объявления «чрезвычайного положения» и создания самого ГКЧП, министр обороны Дмитрий Язов на своем личном самолете отправил в Крым делегацию, в которую входили заместитель Язова генерал армии Валентин Варенников, руководитель администрации Горбачева Валерий Болдин, секретарь ЦК КПСС Олег Шенин и несколько других высших должностных лиц, чтобы получить одобрение Горбачева на введение ЧП «в отдельных местностях», но фактически только в Москве. Свидетельства о характере переговоров с Горбачевым, продолжавшихся несколько часов, в воспоминаниях участников событий весьма противоречивы. Однако никто не оспаривал того, что Михаил Сергеевич был информирован о плане создания ГКЧП, вел переговоры с прибывшей делегацией и, прощаясь, пожал всем руки. Горбачев отстранился от решений, для него главной угрозой оставался Ельцин, а не Янаев.

Вице-президент Янаев после долгих колебаний согласился возглавить ГКЧП лишь 19 августа, после доклада возвратившихся переговорщиков из Крыма. В состав ГКЧП вошли основные фигуры правительства: премьер-министр, министр обороны, председатель КГБ, министр внутренних дел и другие. Главной задачей ГКЧП был не захват власти в стране, а предотвращение подписания Союзного договора 20 августа, который отменял Конституцию и прекращал существование СССР как «социалистического» Союза 15 республик. Запланированный в проекте договора «Союз Суверенных Республик» создавал фактически не «союз», а конфедерацию 9 республик, причем не все из них были готовы участвовать в церемонии в Москве.

Однако, когда после ареста членов ГКЧП Верховный Совет СССР собрался на срочную сессию 26 августа, проблема нового Союзного договора уже не считалась актуальной. Члены ГКЧП были арестованы, функции правительства СССР выполняло правительство РСФСР. Подчинив Горбачева, Борис Ельцин фактически принял на себя функции главы государства, определяя не только его внутреннюю, но и внешнюю политику. Социалистическая система, созданная Октябрьской революцией в 1917 г., была объявлена свергнутой. Фактическим лидером страны стал Борис Ельцин, менявший поспешными указами, немало число которых превышало его полномочия Президента РСФСР, политическую и экономическую инфраструктуру во всей стране. Основными фигурами, входившими в «команду Ельцина», которые готовили для него проекты реформ и указов, стали такие люди как Геннадий Бурбулис, Александр Шохин, Анатолий Чубайс, Сергей Шахрай и Егор Гайдар. Вице-президенту Александру Руцкому, генерал-майору авиации, отличившемуся в войне в Афганистане, поручались лишь некоторые миссии.

Однако многие из указов Ельцина были невыполнимы по юридическим и финансовым причинам или могли иметь силу только в пределах РСФСР. Они не принимались во внимание ни на Украине, ни в Белоруссии, ни в других республиках. Более того, они своей радикальностью отделяли РСФСР от этих республик.

В Узбекской ССР Коммунистическую партию просто переименовали в Народно-демократическую. Ее лидер Ислам Каримов, ставший президентом и фактическим диктатором страны, сохранил власть. Не подчинились Ельцину и лидеры Туркмении, Таджикистана, Киргизии и Президент Казахской ССР Нурсултан Назарбаев. Деятельность коммунистических партий была приостановлена в Украине и в Белоруссии, но

по инициативам их собственных лидеров. Многочисленные указы Ельцина не имели в этих республиках законодательной силы. Верховные Советы этих республик срочно принимали законы об их независимости. Полномочия Ельцина ограничивались лишь пределами РСФСР. Называть произошедшие в СССР перемены «революцией» было, поэтому, сильным преувеличением. К власти в стране пришел не новый класс, как это было при Французской революции 1789 г. или в Русской революции 1917 г., а лишь новая группа бывших номенклатурных чиновников той же КПСС, не имевших представления о значительно более сложной капиталистической экономике, которую они теперь хотели создавать в СССР.

Французская революция уничтожила феодализм, широко применяя массовый террор. Попал под гильотину не только Людовик XVI, но и тысячи аристократов. Февральская революция в России в 1917 г. была крестьянско-солдатской. Она ликвидировала монархию и дворянство. Октябрьская революция считается «пролетарской», свергнувшей власть буржуазии. При всех этих революциях новые правящие классы, представители и выразители интересов которых приходили к власти, уже существовали, как массовые, и были готовы и способны к вооруженной защите своих политических завоеваний. Это можно сказать и об Исламской революции в Иране в декабре 1979 г., свергнувшей абсолютную монархию шаха. Окрещенный западной прессой «Второй русской революцией» переход реальной власти в Москве к Ельцину не имел созидательного потенциала. Запрет на деятельность КПСС [6; 8; 9], которая была к 1991 г. не столько идеологической, сколько административно-управляющей системой, разрушал прежнюю структуру и пирамиду власти, не создавая новой. Объявление о переходе страны от социалистической к «рыночной», то есть к капиталистической экономике, не могло быть реализовано. Не только потому, что капиталистический и социалистический способы производства существенно различались по своей материальной структуре, но и просто потому, что ни в СССР, ни в РСФСР не существовал еще предпринимательский класс, ранее обозначившийся термином «буржуазия». В 1921 г., когда Ленин столь же неожиданно повернул Россию от политики «военного коммунизма» к НЭПу, легализовав частное предпринимательство и торговлю, быстрый экономический успех этой реформы обеспечивался сохранившимися кадрами частных предпринимателей, которых не успел уничтожить террор Гражданской войны. В 1991 г. в СССР людей, способных к частному предпринимательству не в сфере мелкой торговли, а в производст-

венных отраслях, уже не было. Очень серьезно изменилась и усложнилась сама капиталистическая система, ставшая глобальной. Чтобы перейти от социалистической экономики к «рыночной» следовало:

- отменить в СССР контроль за ценами на товары;
- раздробить большинство государственных монополий;
- приватизировать разные отрасли промышленности и сельское хозяйство;
- создать кредитную банковскую систему;
- отменить планирование;
- ввести конвертируемость рубля;
- изменить налоговую и таможенную службы;
- отменить множество государственных субсидий и провести серию других реформ.

Это была задача на много лет, требующая огромных капиталовложений. Но для нее в СССР не было ни кадров, ни финансовых ресурсов.

Было очевидно, прежде всего, из опыта восточно-европейских стран, вышедших в 1989 г. из СЭВ, что такой переход от социализма к капитализму сопровождается сильной инфляцией и значительным ростом безработицы, обозначенных термином «шоковая терапия». Однако в этих странах «шоковая терапия» не была слишком разрушительной просто потому, что частное предпринимательство к 1989 г. не было здесь полностью ликвидировано, сохраняясь в сельском хозяйстве и в сферах обслуживания. Они также получили большую помощь в реорганизациях от западных стран, частичное списание долгов и иностранные инвестиции. Некоторые производственные гиганты, например заводы «Шкода» в Чехословакии, приватизировались с участием иностранного капитала.

Проблемы Ельцина осложнялись еще и тем, что правительство РСФСР не имело эффективного контроля над многими отраслями экономики СССР, прежде всего в угольной, нефтяной, военной и тяжелой промышленности. Инфляция в 1991 г. приближалась к 300%, и множество предприятий было охвачено забастовками с экономическими требованиями рабочих, в том числе шахтеров. Ельцин не контролировал Госбанк СССР и не мог проводить эмиссию рублей. Именно поэтому Горбачев, даже и без реальной власти и возможности назначений на ключевые посты, сохранял свою резиденцию в Кремле. Он был еще нужен Ельцину для легитимности некоторых указов и реорганизаций.

Владимир Лакшин в Англии В конце сентября 1991 г. в Англию на 10 дней прилетал наш с Роем близкий друг Владимир Яковлевич Лакшин, литературный критик и писатель, бывший до 1970 г. первым заместителем главного редактора *Нового Мира* Александра Твардовского. Некоторое время после разгона редакции, а затем и смерти любимого народом поэта, Лакшин оставался без работы. В начале 1980-х он получил должность в редакции журнала *Знамя*. В 1991 г. Лакшин был главным редактором журнала *Иностранная литература*².

Владимира Лакшина пригласили в один из колледжей Оксфордского университета и в Университетский колледж в Лондоне для чтения нескольких лекций о русских классиках. Эти лекции готовились для студентов, изучавших русский язык и литературу. Английским Лакшин не владел. Поездка в Англию была его первой в западную страну. Пять дней он провел в Оксфорде и столько же в Лондоне. В столице Англии у Владимира Яковлевича предполагалась лишь одна лекция о творчестве Булгакова и остальное время он жил в нашем доме. Я по какой-то причине не смог быть на его лекции о Булгакове и сужу о ней по рассказу Риты. Лекция превратилась в беседу, так как аудитория, состоявшая из преподавателей и студентов, изучавших русский язык, была небольшой. Михаил Булгаков оказался не очень известным в Англии писателем, хотя его знаменитый роман «Мастер и Маргарита», вошедший в разряд шедевров мировой литературы, был переведен на английский еще в 1967 г. Майклом Гленни,



² Я уже писал ранее о моей публикации на русском, французском и английском небольшой книги Лакшина – его полемики с Солженицыным по поводу «Нового мира» и об издании в ФРГ найденных Лакшиным неизвестных фельетонов и небольших рассказов М.Булгакова. В то время я был доверенным литературным агентом Лакшина на Западе, хотя наша переписка осуществлялась, в основном, через Роя.

одним из лучших переводчиков с русского, и издан в Англии и в США известными издательствами. Однако английские и американские читатели предпочитают собственных авторов, и переводы с других языков имеют здесь малые тиражи. Три свободных дня мы с Владимиром Яковлевичем знакомимся с Лондоном, путешествуя пешком и на экскурсионных автобусах. Покупали подарки для его двух сыновей и жены Светланы. Лакшин ходил с трудом, с палочкой. После перенесенного в детстве костного туберкулеза у него оставались проблемы в одном из тазобедренных суставов. Владимир Яковлевич очень тяжело переживал события в СССР. В 1990 его в одном из округов Москвы выдвинули кандидатом в народные депутаты РСФСР. Однако победил на выборах соперник, учитель начальной школы, настроенный более радикально. Теперь Лакшин был очень доволен, что не оказался депутатом.

Владимир Яковлевич Лакшин умер рано от инфаркта в июле 1993 г. в возрасте 60 лет. Его последний очерк, опубликованный 17 марта 1993 г. в *Независимой газете*, имел характерный для того времени заголовок «Россия и русские на своих похоронах»:

«Читая последние месяцы газеты и журналы, я слышу, то отдаленнее, то громче, но непрерывно слышу погребальный звон. Это хоронят не меня, не кого-то одного из нас, а всех скопом, как будто уже вырыта огромная братская могила и поют отходную тому, что многим людям, и мне в том числе, было более всего дорого: русской истории, народу, интеллигенции, культуре... само слово "русский" исчезло из демократической и либеральной печати: его стараются избегать, заменяя в необходимых случаях словом "российский". Огромный народ, искони говорящий на русском языке, имеющий свою историю и культуру, свой "этнос", куда он исчез?»

Москва после ГКЧП

В октябре 1991 г. мы с Ритой приехали в Москву для подготовки материалов для моей заключительной лекции в Институте в Лондоне по теме «Взлет и падение советской науки» и для посещения с этой целью нескольких подмосковных научных центров: Дубны, Пущино, Черноголовки, Обнинска и других, а также ряда московских институтов. Однако главный интерес в этой поездке для меня представляла все же общая ситуация в стране и понимание того, что здесь происходит после фактической ликвидации союзного правительства и ареста его основных министров. Система управ-

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ

ления страной внезапно изменилась, и это особенно почувствовали прежде всего научные города и атомграды, да и вся Академия Наук СССР, финансирование которых прекратилось именно с середины октября. Ученые и другие работники институтов перестали получать зарплаты, которые в СССР все еще платились наличными два раза в месяц. Но финансовые проблемы были не только у ученых. Рой сообщал мне в начале октября в письмах очень тревожные новости:

«...У нас полное непонимание западных механизмов бизнеса, идеализированное отношение к рынку. Ельцин громкогласно объявил о введении "свободных" цен, но их не вводят, хотя это привело к тому, что все сметено в магазинах. В Москве стоят очереди за хлебом – сушат сухари. Исчезли из продажи спички.... Просто совместить свободные цены с государственной торговлей невозможно. Кто будет решать проблему повышения цен? В магазинах продуктов нет, а на рынках цены поднялись в несколько раз... 90% наших граждан не имеют дополнительных заработков и начинают уже сейчас жить впроголодь... Регистрируются первые случаи смерти от недоедания и холода... Начинается падение популярности Ельцина и "демократов", но следующего эшелона политиков пока вообще не существует...»

В другом письме, через неделю, содержались новые, еще более тревожные новости, которые Рою стали известны не только как рядовому гражданину, но и как Народному депутату СССР:

«...В Госбанке СССР есть деньги для заработной платы чиновникам, армии и т.д. только на 4–5 дней. Верховный Совет СССР разрешил эмиссию до конца года еще 90 миллиардов рублей, что меняет баланс бюджета. Надеются, что повышение цен позволит составить бюджет на 92-й год. Но что делать населению? У большинства заработная плата заморожена, восточные районы страны почти ничего не получают, кроме хлеба. В Москве положение ухудшается. Нет молока и молочных продуктов, мяса нет давно, все продукты, которые появляются, исчезают сразу... У нас на даче есть запас картофеля до весны, достаточно моркови и свеклы... это все с моего огородного участка. Но в многодетных семьях люди сидят часто просто голодными... Карточек вводить не решаются... Сберкасссы до конца года прекратили выдачу денег свыше 200 рублей в месяц, чтобы не увеличивать в обороте денежную массу. Я работаю на своем огороде по два часа в день, перекапываю и делаю подзимний сев тех культур, которые можно (лук, морковь, чеснок, укроп, редиска, свекла и некоторые другие). Готовлюсь к худшему в след. году... Осень стоит теплая...»

Положение в Твери, где жили наш Саша и внуки, семьи брата и сестры Риты, было столь же плохим, если не хуже. К тому же Саша потерял работу. Все областные театры, не только кукольный, где он был мастером по изготовлению кукол и оформлению сцены, но и областной драматический, были закрыты еще годом раньше. Население здесь, как и в других небольших городах с обширным «частным» сектором домов, спасалось огородами и садами. Заводили кур, коз и свиней. Проблемы академгородков и науки были поэтому для нас все же меньшим приоритетом, чем помощь родным. Выход на пенсию в Англии связан с выдачей свежему пенсионеру довольно значительного «выходного пособия» – «*lump sum*», – накапливавшегося в течение всего периода работы, частично вычетами из зарплаты и частично выплатами работодателем. Часть этих денег была теперь нужна и для субсидирования выхода русского издания моей книги «Взлет и падение Лысенко», верстка которой была уже давно готова в издательстве «Книга» [2], но на тираж и оплату типографии у издательства не было денег.

В Москве гостиницу «Орленок» для нас забронировала Ирина Ивановна Пелевина, с которой мы вместе работали в экспедициях в Чернобыльской зоне в 1990 и в 1991 гг.³ Окна номера на 12-м этаже гостиницы выходили, как оказалось, почти прямо на четырехэтажный московский дом Михаила Горбачева и Раисы Максимовны (здесь жили также и их дочь Ирина с мужем и двумя дочерьми). Из окна нашего номера дом Горбачевых выглядел довольно скромно и не имел никаких архитектурных излишеств. Он был покрыт желтой штукатуркой, огорожен, с большим газоном и садом, спускавшимся к Москва-реке. К дому часто подъезжали разные автомобили, охрана резиденции находилась, по видимому, на первом этаже. По словам работников «Орленка» Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна жили на верхнем этаже. За домом находилась вертолетная площадка, а над крышей множество разных антенн.

Это был жилой дом, а не резиденция. Прием многих, особенно иностранных, гостей Горбачев проводил обычно в своем кремлевском кабинете, совещания – чаще всего в Ново-Огаревской резиденции. Заседания Политбюро в прошлом проводились в здании ЦК КПСС на Старой площади. Теперь это здание со многими пристройками, очищенное от работников аппарата ЦК КПСС и от партийного архива еще во время

³ *Две комнаты номера из-за сильной девальвации рубля к английскому фунту обходились нам исключительно дешево, и мы поэтому оставляли его за собой на весь период нашего приезда в СССР.*

разгрома, учиненного толпой 23 августа, принадлежало администрации Президента Российской Федерации Бориса Ельцина. В кабинете, в котором когда-то работал Михаил Сулов, сейчас принимал посетителей Геннадий Бурбулис, получивший непонятную и не существующую в Конституции должность Государственного секретаря РСФСР.

Горбачев после ГКЧП

Рой встречал нас в аэропорту Шереметьево, и в гостиницу «Орленок» мы приехали на такси. Первый вопрос, который я хотел прояснить, был об Анатолии Лукьянове, Пред-

седателе Верховного Совета СССР. На каком основании он был арестован, причем позже, чем непосредственные члены ГКЧП? Лукьянов с 1989 г. был дружен с Роем, который очень активно поддержал тогда его избрание на пост председателя Верховного Совета. Было несколько противников и несколько соперников, но именно очень аргументированное выступление Роя сдвинуло тогда чашу весов в пользу Лукьянова, друга Горбачева еще со студенческих лет. Между Лукьяновым и Горбачевым всегда было полное доверие. Лукьянов не был членом ГКЧП, 19 августа он был в санатории. Вернувшись сразу в Москву он, как юрист по специальности «государственное право», оказывал на членов ГКЧП сдерживающее влияние. Тем не менее он был обвинен «в превышении полномочий», арестован и находился в следственном изоляторе «Матросская тишина». Нового председателя Верховного Совета не выбирали, должность эта была необоснованно упразднена, и заседания попеременно вели Председатель Совета Национальностей Рафик Нишанов и Председатель Совета Союза Константин Лубенченко.

Рой объяснил, что на аресте Лукьянова настаивал Ельцин, и Горбачев подчинился его требованиям. После ареста вице-президента Янаева именно Ан.Лукьянов как «спикер парламента» становился третьей, после Горбачева и Ельцина, наиболее влиятельной политической фигурой в СССР. Его поэтому хотели срочно отстранить от руководства Верховным Советом СССР, решения которого имели законодательную силу и могли ограничить власть Ельцина. Лукьянов как доктор юридических наук и как человек, занимавший высокие должности и в ЦК КПСС, и в Президиуме Верховного Совета СССР, еще до выдвижения Горбачева к руководству страной был, безусловно, выше по интеллектуальному уровню, знаниям и опыту, чем его возможные соперники. Он мог поэтому объединить какую-то оппозицию, тем более что ни Горба-

чев, ни Ельцин не пользовались доверием военных и большинства членов КПСС. Лукьянова просто решили изолировать. Командовал расстановкой основных кадров в союзном правительстве теперь Ельцин, требуя от Горбачева полного подчинения.

Горбачев с семьей вернулся из Крыма вскоре после полуночи 22 августа. Сцену его возвращения и спуска по трапу самолета в тот же день показывали и комментировали по всем каналам британского телевидения. Горбачева встречала большая толпа, множество иностранных корреспондентов газет, радио и телевидения. Здесь же прошла краткая пресс-конференция. После короткого отдыха Горбачев приехал в Кремль, чтобы срочно издать указы о новых назначениях. Первым указом новым Министром обороны был назначен генерал армии Михаил Моисеев, начальник Генерального штаба. Председателем КГБ был назначен Леонид Шебаршин, начальник Первого Главного управления КГБ по внешней разведке. Шебаршин, с которым Рой был знаком в связи с работой над книгой об Андропове [3], был опытным разведчиком и вел в недавнем прошлом оперативную работу в Иране, Афганистане и Индии. Гражданских министров ушедшего в отставку правительства было решено представить на утверждение экстренной сессии Верховного Совета СССР, которая созывалась на 26 августа.

Указы Горбачева о назначениях Моисеева и Шебаршина вызвали возмущение Ельцина, узнавшего о них из Сообщения ТАСС. Ельцин позвонил Горбачеву и потребовал отменить принятые указы. Горбачев отказался, сказав, что его указы уже переданы в телевизионных новостях и будут опубликованы в вечерних газетах. Оба генерала приступили к своим обязанностям, и Шебаршин именно в это время проводил заседание Коллегии КГБ.

Рано утром на следующий день Ельцин приехал в Кремль к Горбачеву. Это была их первая встреча после отъезда Горбачева в Крым 4 августа. Ельцин, как Рой узнал позже от помощника Горбачева Георгия Шахназарова, был предельно груб и потребовал от Президента СССР производить любые кадровые изменения только по согласованию с Президентом РСФСР. Горбачев обещал «подумать». Но Ельцин заявил, что не уйдет из кабинета Президента СССР, пока Моисеев и Шебаршин не будут смещены. На их срочную замену Ельцин предлагал Евгения Шапошникова, Маршала авиации, который 19 августа не подчинился приказам Министра обороны Маршала Язова, члена ГКЧП. Председателем КГБ Ельцин потребовал назначить Вадима Бакатина, бывшего Министра внутренних дел, который также не подчинился ГКЧП. Новым

Министром внутренних дел СССР должен был стать генерал Виктор Баранников, глава МВД РСФСР и сторонник Ельцина. Министром иностранных дел СССР на замену Александра Бессмертных, бывшего посла в США и первого заместителя Шеварднадзе, Ельцин требовал назначить Бориса Панкина, посла СССР в Чехословакии. Горбачев, в конечном итоге, подчинился ультиматуму Ельцина и в течение 23 августа сместил генералов Моисеева, Шебаршина и министра Бессмертных без всяких объяснений.

Ельцин в своих воспоминаниях позже писал, что он сразу же начал разговор с Горбачевым тоном приказа, желая ясно дать понять, что отныне характер их отношений полностью изменился. «Горбачев внимательно посмотрел на меня... Это был взгляд зажатого в угол человека. Но другого выхода у меня не было...» [1, с.144].

Чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР открылась 26 августа 1991. Ее, как рассказал Рой, открывал не Лукьянов, а Р.Нишанов, Председатель Совета Национальностей. Ан.Лукьянов сидел в зале среди других депутатов. Вечером Рой поднялся на 4-й этаж, к кабинету Лукьянова...



«В приемной его кабинета, – рассказывал Рой, – где всегда раньше толпились люди, сейчас не было никого, кроме личного секретаря. Лукьянов был спокоен, но казался обреченным... "Меня скоро арестуют", – сказал он». Анатолий Иванович дал Рою прочитать свои заметки о событиях 19–22 августа, которые он вел по часам, а иногда по минутам. «Это будет вам важно как историку», – объяснил он.

27 августа тайным голосованием Лукьянов был лишен депутатской неприкосновенности. Рой голосовал против этого решения. Затем Верховный Совет СССР приостановил деятельность КПСС на всей территории СССР. Рой был одним из немногих депутатов, кто выступил на сессии против этого решения. Его аргументы основывались на том, что партийные структуры в СССР были уже не столько политическими, сколько административными и их разрушение до формирования нового правительства и всей управляющей инфраструктуры страны может вызвать нарушения в экономике. Рой также возражал против нелепого

подчинения аппарата союзных министерств правительству Российской Федерации.

Рой рассказал мне в последующие дни и о важных событиях начала сентября во время Внеочередного, V Съезда народных депутатов. Событиям этого времени Рой посвятил собственные воспоминания в книге «Советский Союз: Последний год жизни» [4], и мне поэтому нет необходимости здесь повторять эти свидетельства очевидца и участника. В течение всего моего визита в октябре–ноябре, приезжая в Москву из разных наукоградов, я обсуждал с Роем одну из казавшихся нам важных проблему: что произошло с Горбачевым, человеком, которого мы раньше видели как решительного, самостоятельного и самоуверенного, почти всегда стремившегося навязать собеседнику именно свои взгляды и решения. Теперь Горбачев явно был под сильным внешним давлением. Он отнюдь не добровольно подчинился чужой воле. Горбачев покорно выполнял требования Ельцина, предавал друзей, утверждал решения об их арестах, совершал постыдные уступки, одобрял некоторые указы Ельцина, не читая, менял свои решения под нажимом. Он выглядел затравленным человеком с потухшим взглядом. Такое поведение неизбежно наводило на мысли о шантаже. Горбачева явно шантажировали, но по какому поводу, было для нас с Роем неясно. Эти перемены стали очевидными сразу у возвратившегося из Крыма Горбачева. Что-то необычное случилось с ним именно после возвращения из Крыма, а, может быть, и в Форосе, на его даче «Заря», построенной в 1986–1987 гг. Здесь Горбачев с семьей отдыхал каждый август с 1988 г. В конечном итоге Рой предположил, что предметом шантажа могла быть именно сама эта дача, о существовании которой до августа 1991 г. никто ничего не знал. У полуголодного и возбужденного населения Москвы демонстрация тех излишеств и роскоши, которые были созданы в Форосе, могла бы вызвать неконтролируемый взрыв негодования.

В отличие от летних дач Брежнева и Хрущева, на которые регулярно приезжали гости, члены ЦК КПСС, лидеры стран СЭВ и некоторых стран Западной Европы, а иногда и известные писатели и артисты, дача «Заря» была сверхсекретным объектом, никто о ней не знал и ее не посещал⁴.

⁴ В последующем Рой тщательно изучил такую возможность и даже написал очерк [5] по фактам и рассказам, которые он как историк продолжал собирать. Объяснить все загадки психологической трансформации Горбачева всё же не удалось.

Форос. Дача «Заря»

Форос – это название небольшого поселка горного типа почти на самой южной точке Крымского побережья, слева от шоссе между Ялтой и Севастополем. Никаких курортных мест и пляжей поблизости не было. В основном, скалы.

После 22 августа в Крым, в Ялту, приехали десятки корреспондентов, фотографов, телевизионных групп. История о «заточении» президента СССР на его летней даче в Форосе приобрела масштабы мировой сенсации, и не только советская, но и мировая пресса хотела знать подробности. Ялтинский курорт был открыт для иностранцев. Обещание «гласности» не было забыто. Однако весь район Фороса, расположенный между Ялтой и Севастополем, стал закрытой зоной, тщательно охранялся спецназом КГБ, и ни одной фотографии дачи «Заря» нигде не появилось. Это тщательное закрытие дачи «Заря» от внешнего любопытства и было, судя по предположению Роя, условием послушности Горбачева всем требованиям Ельцина. Закрыть Форос от любопытных могли лишь по его строгому распоряжению.

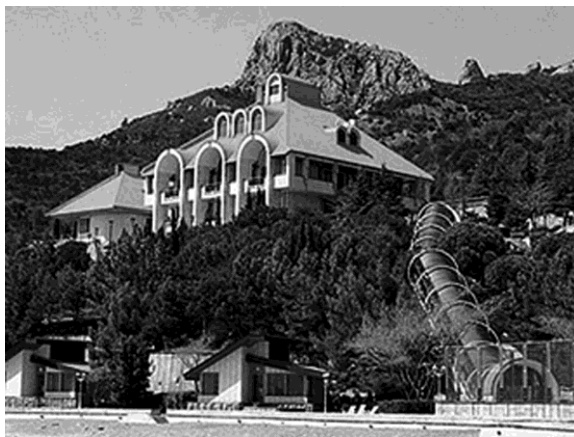
В 1986 г., когда проект дачи «Заря» начал создаваться, он не привлекал внимания. Но в 1991 г., уже реализованный, он становился компрометирующим материалом такой силы, что телевизионные передачи и репортажи о нем могли бы привести к возмущению населения и к быстрому и вынужденному уходу Горбачева на досрочную пенсию.

Летом 1985 г. новый Генеральный секретарь с семьей отдыхали в крымской резиденции, созданной для Брежнева в Нижней Ореанде, находившейся между Ялтой и Ливадией. Здесь была расположена Госдача №1 с комплексом домов и дач для гостей, которых Брежнев, не любивший отдыхать в одиночестве, приглашал на свои знаменитые застолья. Сюда приезжали не только лидеры СЭВ, но и лидеры западных стран.

Госдача главы СССР – это очень сложный комплекс, так как именно здесь, рядом с Верховным Главнокомандующим, находятся и знаменитый «ядерный чемоданчик» с шифрами, представители Генштаба, подчиненные главе государства, обширная охрана, невидимая для отдыхающих, узлы связи и многое другое. Один из домов – это современная клиника с круглосуточным дежурством медицинского персонала Крем-

левской больницы. Недалеко от берега дежурят патрульные суда, а по дну моря бродят незаметные водолазы-охранники⁵.

Однако отдых в Нижней Ореанде чем-то не понравился Горбачеву и особенно Раисе Максимовне. Поэтому уже в конце 1985 г. Горбачев, стремившийся отдыхать лишь с семьей, без шумного окружения гостей, принял решение о строительстве новой крымской резиденции. Место в 2,5 км от поселка Форос было выбрано именно благодаря его изолированности. Заказ на строительство новой резиденции поступил в Управление охраны КГБ, которое отвечало за охрану и эксплуатацию всех секретных объектов, принадлежавших Политбюро ЦК КПСС. Архитектором комплекса был назначен главный архитектор Центрального Военпроекта А.Н.Чекмарев, и финансирование большинства работ шло из



бюджета министерства обороны. Здесь, хоть и краткосрочно в каждом году, обеспечивались Ставка Верховного главнокомандующего и «ядерный чемоданчик» с шифрами для запусков межконтинентальных ракет. Для этой ключевой группы Генштаба, состоявшей из девяти

офицеров, нужен был особый бункер. Он располагался в ста метрах от здания дачи. На дежурстве постоянно находились трое «ядерных адъютантов», подчинявшихся только Горбачеву. Дача «Заря» была не слишком большой: трехэтажный дворец, облицованный мрамором из Италии и покрытый особой алюминиевой черепицей. Но вся зона строительства развернулась на нескольких квадратных километрах.

⁵ Знаменитая Ялтинская конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 г. проходила не в самой Ялте, а в Ливадии, в царском дворце Александра Третьего. В этом же дворце расположилась на неделю делегация США. Сталин жил в Юсуповском дворце, британская делегация – в Воронцовском дворце. С моря охрану вели крейсера трех держав.

Около двух тысяч военных строителей имели опыт строительства космодрома Байконур. На скальный грунт сотни самосвалов привозили почву, обычно чернозем, и сажали деревья и кустарники, создавая парк. Чтобы сделать у скалы морской пляж, доставляли баржами белый песок и отшлифованную гальку. Для самой дачи «Заря» сделали углубление в скале, что делало ее незаметной с верхнего шоссе на Севастополь. С моря была видна лишь часть дворцовой постройки. Летний кинотеатр, бассейн, грот, закрытые эскалаторы к пляжу также были скрыты от внешнего наблюдения.

В Ореанду, в прежний дачный комплекс Брежнева, гости и хозяин приезжали обычно из Симферопольского аэропорта. Но к Форосу был вдвое ближе севастопольский военный аэропорт Бельбек. Для гражданских авиалайнеров его взлетную полосу нужно было теперь удлинить и расширить.

К лету 1988 г. форосская резиденция, остававшаяся секретной, была готова, и Горбачев с семьей отдыхал здесь. Однако всю строительную команду теперь перебросили в Абхазию. Здесь, в Мюссерах, рядом с Пицундой, началось строительство еще одной, не менее обширной, резиденции для Горбачева на случай отдыха в сентябре–октябре.

До августа 1991 г. на дачу «Заря» гостей не приглашали. Из помощников Горбачева здесь сопровождал шефа лишь Анатолий Черняев. Но после 19 августа секреты Фороса оказались раскрытыми и здесь побывали не только вице-президент РСФСР А.В.Руцкой, Е.М.Примаков и некоторые члены ГКЧП, но и несколько журналистов. Однако репортажи и фотографии из Фороса нигде не публиковались. Такой запрет мог исходить лишь от Бориса Ельцина. Первые фотографии из Фороса появились только в 1992 г.

Памятник Карлу Марксу в Твери

Свержение 22 августа монументального памятника Феликсу Дзержинскому на площади Дзержинского в Москве показывали по всем программам британского телевидения.

Это был результат казавшегося стихийным бунта огромной толпы не менее 100–150 тысяч человек. Сейчас все понимают, что такие «стихийные» бунты разгневанной толпы тщательно кем-то организуются, управляются и направляются. Но в то время я этого еще не сознавал. В эти же дни уже не столь большая толпа свалила памятник Свердлову на площади Революции. За ним последовали памятники Кирову, Куйбы-

шеву и некоторым другим известным большевикам. В октябре, выйдя из станции метро «Кропоткинская», я обнаружил, что вандалы пытались повредить памятник Фридриху Энгельсу. Памятник стоял, как обычно, но на высоком гранитном постаменте имя соратника Маркса и какая-то надпись были соскоблены. Это была, наверное, ночная работа небольшой группы.

В Твери, куда мы приехали в октябре посетить родных, памятники Ленину и Калинину перед зданием горсовета стояли, как всегда окруженные клумбами цветов. Но самый примечательный в городе – небольшой памятник Карлу Марксу – был разрушен. Этот памятник, открытый в октябре 1919 г. у городского сада на центральной Советской улице был знаменит не только как шедевр искусства, но и потому, что он был одним из первых памятников Карлу Марксу⁶. Памятник в Твери был невысоким, бетонный постамент в 1,5 м и бюст, отлитый из бронзы. Скульптор-энтузиаст А.А.Шимкунас сделал бюст столь оригинально, что бронзовая голова Маркса опиралась на постамент необычно – волнообразной широкой бородой. Глаза и лоб явно выдавали великого мыслителя. Большой знаменитый памятник на могиле Карла Маркса на Хайгейтском кладбище в Лондоне, поставленный здесь от имени правительства СССР через много лет, являлся, по существу, сильно увеличенной копией тверского оригинала.

На постаменте памятника в Твери была отгравирована цитата из «Коммунистического манифеста». Ее выскребали каким-то инструментом. Бронзовую голову увезли, возможно, на грузовике, и она не была найдена.

Тверь – это индустриальный пролетарский город. В октябре 1941 г. он, тогда Калинин, был оккупирован германской армией. Памятник Ленину и некоторые другие были ими снесены. Но памятник Марксу они не тронули, может быть потому, что великий ученый родился в Германии.

В 1997 г. городские власти Твери решили восстановить памятник Карлу Марксу, возможно, по просьбе жителей города, живших теперь при свежем олигархическом капитализме и начинавших понимать идеи Маркса лучше, чем раньше. Была сделана точная копия бронзовой головы, отреставрирован и постамент, восстановлена цитата.

⁶ Первый был открыт в Пензе 1 мая 1918 г.

ПЕРЕСТРОЙКА ДО ОСНОВАНИЯ



Три памятника Марксу: на Хайгейтском кладбище в Лондоне, разрушенный памятник в Твери и восстановленный в Твери.

Литва, Латвия и Эстония получают независимость

2 сентября в Москве открылся внеочередной, V съезд народных депутатов. Для участия в съезде прибыли 1 900 депутатов, и кворум был обеспечен.

Депутаты из Грузии, Армении и Азербайджана приехали на съезд, хотя Верховные Советы этих республик уже объявили об отделении от СССР. Но существовать самостоятельно эти республики пока не могли и зависели от бюджета СССР и централизованного снабжения. Экономика страны оставалась единой. Бойкотировали съезд лишь прибалтийские республики. В это время, лишь через 10 дней после возвращения Горбачева в Москву и арестов членов ГКЧП, в Советском Союзе еще не сформировалось дееспособное правительство. Эту проблему нужно было решать на съезде как срочную и главную. Но сделать этого не удалось. Вместо Кабинета министров СССР был создан Межреспубликанский экономический комитет (МЭК), компетенция и структура которого были неясными. Полномочия самого Горбачева как президента СССР ограничивались созданием еще более высокого органа власти «на переходный период» – Государственного Совета СССР. В Госсовет входили лидеры десяти союзных республик. Горбачев становился председателем этого Совета, но имел при принятии решений лишь один голос. И МЭК, и Госсовет не были предусмотрены Конституцией СССР и

поэтому не могли считаться легитимными органами власти. Рой несколько раз выступал на съезде с возражениями по поводу предлагаемых реформ, однако председательствовавший Горбачев не ставил на голосование предложения Роя и некоторых других депутатов, критиковавших выдвигаемые проекты. Работа съезда не транслировалась по телевидению, и большинство выступлений в прениях не публиковалось в газетах.

6 сентября мне позвонили из Международного центра Би-би-си по поводу сенсационного сообщения от их московского корреспондента, переданного только что по телефону. Он сообщал, что вновь созданный Государственный Совет СССР объявлял о предоставлении Эстонии, Латвии и Литве полной независимости. В Международном центре Би-би-си как по радио, так и по телевидению предполагалось обсуждение этого решения в категории *"Breaking News"*, то есть с отменой намеченных на то или иное время регулярных программ. В Англии в тех случаях, когда дебаты приглашаемых экспертов идут сразу в прямой эфир без редактирования, существует особая форма предварительной цензуры. Ведущий координатор программы звонит ее предполагаемым участникам, задает вопросы, спрашивает мнения и оценки. Это позволяет ему самому лучше разобраться в проблеме и одновременно решить – стоит ли приглашать данного эксперта на дебаты в прямой эфир в том случае, если точка зрения приглашаемого не совпадает с той, которую Би-би-си, субсидируемая правительством компания, предполагает довести до зрителя или слушателя. Мои комментарии по поводу решения Госсовета СССР были критическими, и приглашения принять участие в дебатах по поводу главной сенсации дня я не получил.

Решение Государственного Совета, как было показано по всем британским телевизионным каналам, докладывал съезду народных депутатов не Горбачев, а Назарбаев. Это, по-видимому, означало, что оно было принято большинством, а не единогласно. Безусловно, что закавказские и среднеазиатские республики СССР были готовы навсегда расстаться с Прибалтикой, которая настаивала на своем «европейском происхождении». Горбачев, возможно, был против такого решения, позиция Ельцина была мне неясна.

Решение Госсовета, который не имел полномочий менять Конституцию СССР и вообще создавался как временный орган, было незаконным. В 1990 г., после «парада суверенитетов» Верховным Советом СССР был принят закон [7], определявший условия предоставления полной независимости союзным республикам, желающим выйти из состава СССР. Главным условием являлся референдум; при этом для положительного реше-

ния требовалось «конституционное большинство» в 2/3 голосов. Полная независимость предоставлялась не сразу после референдума, а лишь через пять лет «переходного периода», необходимого для решения всех спорных вопросов экономики, финансов, долгов, собственности, прав национальных меньшинств и т.д. В Латвии, например, в 1989 г. латыши составляли лишь 52% населения, русские, украинцы и белорусы – 43%. В Эстонии славянское население составляло 40%, в Литве – 12%. Интересы этой части населения, таким образом, игнорировались. Многие из славян были в Прибалтике коренными жителями, так как этот регион, в далеком прошлом принадлежавший постоянно нападавшей на Россию Швеции, входил в состав Российской империи с 1721 до 1918 г. Дивизия латышских стрелков воевала в составе Русской Императорской армии против Германии с 1915 г., а с 1918 вошла в состав Красной армии и участвовала в подавлении нескольких белогвардейских мятежей. Латышские стрелки, как известно, охраняли Кремль. Ленин доверял им больше, чем менее дисциплинированным отрядам красноармейцев. После 1919 г. наблюдалась значительная эмиграция русской интеллигенции из Советской России в Ригу и в Таллин.

Дополнительное разъяснение о Прибалтике и о «Пакте о ненападении между Германией и СССР», заключенном в августе 1939 года

В связи с позицией Прибалтики, объявлявшей себя «оккупированной территорией», следует сделать ряд исторических разъяснений. События 1938–1939 гг. я достаточно хорошо помню, причем именно военную обстановку того времени. Это, безусловно, связано с тем, что мы с братом выросли в семье военного, и все наши друзья того времени тоже были из семей военных – преподавателей и слушателей Военно-политической академии⁷, недавно переехавшей из Ленинграда в Москву. Наши разговоры чаще всего затрагивали военные темы, и неизбежность войны с Германией и Японией была среди них доминирующей. Учились стрелять в тире из мелкокалиберной винтовки. Популярные песни были чаще всего на военные темы: «Катюша», «На границе тучи ходят хмуро» и другие. Помню их до сих пор⁸. Наш отец был арестован в августе 1938 и умер весной 1941-го в одном из лагерей Магаданской области. Выселенные вместе с

⁷ Военно-политическая академия имени В.И.Ленина. Ныне – Военный университет МО РФ.

⁸ Я не освещал в настоящих очерках этот период, так как в 1973–1974 гг. мы с братом уже написали совместный очерк «Рассказ о родителях», который был опубликован в журнале *Семья и школа* в 1989 г., и в наших «Воспоминаниях», опубликованных в 2010 г.

мамой из большого военного общежития в Москве (Писцовая ул., 21), мы попеременно жили у родственников в Москве и в Ленинграде, а с мая по октябрь 1939 г. мы с братом жили в Смоленской области в совхозном поселке на левом берегу Днепра. Здесь нас приютила наша бывшая няня Настя, не имевшая после замужества своих детей. Переправа на правый берег в сторону Смоленска была лодочной, и мы здесь зарабатывали как гребцы, взямая с 3–4 пассажиров по 10 копеек за переезд через Днепр, который в Смоленской области был не очень широким.

В то время советско-польская граница была сравнительно недалеко от Смоленска, и нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. всех сильно встревожило. В Смоленской области была объявлена частичная мобилизация резервистов, и через мосты, справа и слева от нашей лодочной переправы, к границе двигались военные части и техника. 17 сентября, когда Красная армия вступила на территорию восточных белорусских областей Польши, мы с братом уже переехали в Ростов-на-Дону в квартиру, которую нашей тете Наде удалось получить по обмену на ее одну комнату в Ленинграде, где она жила с дочкой и нашей бабушкой. Но и в Ростове-на-Дону большая часть разговоров между школьниками, тогда 7-го класса, шла о возможной грядущей войне. На востоке, на реке Халхин-Гол, лишь недавно закончилось победой сражение Красной армии против японской, вторгшейся в союзную СССР Монгольскую республику. Это было полномасштабное сражение, где с обеих сторон вели бои несколько дивизий, сотни танков и около тысячи самолетов.

В большинстве случаев историки исходят из того, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу. Это утверждение не может быть признано корректным, хотя оно удобно для Великобритании и Франции, так как привело именно эти страны в состояние мобилизации и войны. Реально можно считать началом 2-ой мировой войны развязанную Японией на Востоке агрессию против северо-восточного Китая в 1931 г., а на Западе – оккупацию немецкой армией Чехословакии в 1938 г.⁹ . Подписанное 30 сентября 1938 г. соглашение в Мюнхене между премьерами Великобритании и Франции, Чемберленом и Деладье, с Гитлером и Муссолини, отменявшее военные гарантии Чехословакии, считалось в СССР актом, который пытался направить германскую агрессию на восток, прежде всего против СССР. Этот сценарий был очевиден для Генерального штаба СССР и Главного разведывательного

⁹ Польша участвовала в этой акции, оккупировав Тешинскую область Чехословакии, в которой поляков было меньшинство.

управления (ГРУ), где экспертно изучался возможный ход событий и готовились сценарии ответных шагов. Сталин и Молотов как политики не разрабатывали стратегию, а лишь реагировали на те, остававшиеся секретными сведения и проекты, которые поступали к ним из Генштаба и ГРУ. В 1939 г. Красная армия ни по оснащению, ни по кадровому составу не была еще готова к большой войне на два фронта, восточный и западный. Приоритетом для СССР поэтому было оттягивание неизбежной войны и намерение отодвинуть границу СССР дальше на запад. В реализации этой задачи было сделано немало ошибок. Однако главная цель была достигнута. Граница была реально отодвинута на запад, на всем ее протяжении от Черного моря до Балтийского, на 200–300 км и сокращена за счет аннексии Прибалтики и Бессарабии на 500 км. Осуществление этого стратегического замысла имело ключевое историческое значение. В уже начавшейся мировой войне «правовые нормы» никем не соблюдались. Литва, по секретному протоколу пакта Риббентропа–Молотова (инициатива пакта исходила от Гитлера), входила в состав Третьего рейха вслед за западной Польшей. Но Сталин нарушил Пакт и опередил немецкий план захвата Литвы. Граница СССР с Финляндией проходила по Карельскому перешейку, всего в 20 км от центра Ленинграда, на расстоянии пушечного выстрела с «Линии Маннергейма». Весь Карельский перешеек, начинавшийся от Невы, Финляндия в одностороннем порядке, без необходимых переговоров о разграничении, включила в свою территорию при объявлении независимости 6 декабря 1917 г. Ленин и Троцкий в то время не могли этому препятствовать. Красной армии еще не существовало. Война с Германией продолжалась, и немецкая армия наступала на Петроград с юга. Именно опасность захвата столицы немцами привела к созданию отрядов Красной армии, давшим бой немцам под Псковом.

До декабря 1917 г. Финляндия была частью Российской империи, а с 1300 г. до 1809-го входила в состав Швеции, которая в XVIII в. постоянно воевала с Россией. Санкт-Петербург был основан Петром Первым не только для выхода к морю, но и чтобы отодвинуть на север шведскую границу:

Отсель грозить мы будем шведу,

Здесь будет город заложен

Назло надменному соседу.

Выборг вошел в состав России в 1710 г. и был превращен Петром в крепость для защиты новой российской столицы. На берегу Финского залива, на Карельском перешейке располагалось множество дач петербургской интеллигенции. Это была пригородная зона столицы России.

Здесь была студия-мастерская и дом великого русского художника Ильи Репина. Он теперь оказался в Финляндии. В Ленинграде в 1939 г. было сосредоточено около 35% всей военной промышленности СССР. Поэтому граница с Финляндией, проходившая фактически по окраине бывшей столицы, не могла оставаться возле города. Начались переговоры о перемещении ее дальше от Ленинграда. Финляндии предлагали территориальную компенсацию за счет Карелии. Но долгие переговоры закончились отказом финнов. После этого силовое решение стало неизбежным. Границу с Финляндией к весне 1940 г. с очень большими потерями для Красной армии отодвинули за Выборг. Вторая мировая война в Европе была уже фактом, и в этих условиях воюющие страны обычно игнорируют все дипломатические правила и интересы малых стран. Великобритания и Франция, связанные договором о взаимной помощи с Польшей, объявили войну Германии через несколько дней после ее нападения на восточного соседа. Однако ни Франция, ни Великобритания не начинали военных действий против Германии ни на море, ни в воздухе, ни на суше в течение 9 месяцев после объявления войны. Они наблюдали за военными действиями из-за линии обороны Мажино, надеясь, как полагали в немецком и советском генштабах, на конфликт между Германией и СССР. Однако план «Барбаросса» – войны с СССР – еще не был составлен, немецкий Генштаб понимал губительность для Германии войны на два фронта. Вермахт в это время был уже достаточно силен, чтобы нанести поражение Франции, что и было сделано блицкригом летом 1940 г. с одновременной оккупацией Нидерландов и Бельгии. Дания капитулировала без сопротивления. Норвегия сопротивлялась недолго. Если бы вермахт¹⁰ вместе с армиями союзников¹¹ вторгся в Советский Союз в июне 1941 г. с его старых (1939 года) западных границ, то поражение СССР было бы неминуемым. Ленинград мог быть захвачен наступлением с севера и с юга (из Эстонии) в течение нескольких дней, Киев – месяца; Одесса – двух недель. Времени на подготовку глубокой обороны на главных направлениях у СССР не было. Блицкриг превосходящими противника силами, который планируется лишь на глубину 150–200 км, мог стать реальностью. Москву бомбили бы уже в начале войны и атаковали бы в августе. Оперативные ошибки советского командования в первые недели войны сейчас очевидны. Но страну от

¹⁰ Усиленный чешским, австрийским, французским, британским, бельгийским, нидерландским и норвежским оружием, авиацией и флотами.

¹¹ Венгрией, Румынией, Болгарией, Италией и Финляндией (Финская армия была укреплена пятью немецкими дивизиями).

блицкрига спасли расстояния на новых территориях и необходимость для наступающих немецких дивизий перегруппировок и пополнений. Они понесли значительно большие потери, особенно в технике, чем ожидали. Бои оказались серьезнее, чем предполагалось по плану «Барбаросса». Наступление немецкой армии приостановилось под Смоленском и в Эстонии. Таллин немецкая армия заняла лишь в августе, через полтора месяца после начала наступления. Брестская крепость оборонялась почти два месяца. Одесса, Киев и Ленинград получили необходимое время для подготовки сильной обороны. Блицкриг не удался. Воевать в условиях суровой и рано наступившей зимы Германия не была готова и не планировала. В длительной войне, которая была несомненным результатом тех шагов, которые были сделаны Сталиным в 1939–1941 гг., Советский Союз добился, хоть и очень трудной, победы даже без сильно запоздавшей помощи союзников. Если бы не было пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939, и вермахт выходил бы на старую западную границу СССР с Польшей, возможность сепаратного мира между Германией и Францией нельзя было исключить. «Антикоминтерновский пакт», подписанный Германией, Японией и Италией в 1936 г., предполагал уничтожение лишь СССР.

Фальсификации истории Второй мировой войны – это в настоящее время обычное явление, особенно в западной военной литературе. В некоторых учебниках по современной истории для британских школьников в описаниях Второй мировой войны отсутствует даже упоминание Сталинградской битвы.

Библиографический список

1. Ельцин Б. Записки президента. М.: Огонёк, 1994. 415 с.
2. Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко: История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М.: Книга, 1993. 347 с.
3. Медведев Р. Неизвестный Андропов. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 510 с.
4. Медведев Р. Советский Союз: Последний год жизни. М.: Права человека, 2003. 333 с.
5. Медведев Р.А. За кулисами августа. Загадки Фороса // Вопросы истории. 2003. №7. С.74–95.
6. О деятельности КПСС и КП РСФСР. Указ Президента РСФСР от 06.11.1991 г. №169 // www.kremlin.ru/acts/bank/385 (дата обращения: 16.05.2016).
7. О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №15. Ст.252.
8. О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР. Указ Президента РСФСР от 23.08.1991 г. №79 // www.kremlin.ru/acts/bank/134 (дата обращения: 16.05.2016).
9. Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР. Указ Президента РСФСР от 25.08.1991 г. №90 // www.kremlin.ru/acts/bank/144 (дата обращения: 16.05.2016).

(Продолжение следует)

Политик думает о следующих выборах;
государственный деятель — о грядущем
поколении.

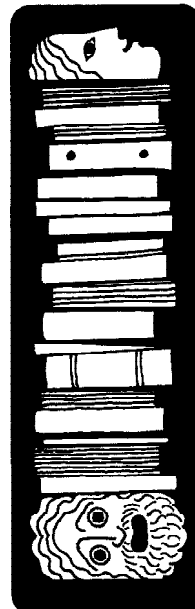
Д.Кларк

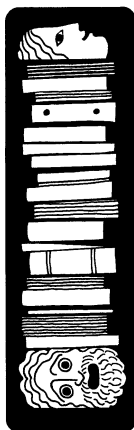
Интеллигентность — это ежедневное
и ежечасное несение подвига,
хотя часто только потенциальное.

А.Ф.Лосев

Политик должен уметь предсказать,
что произойдет завтра, через неделю,
через месяц и через год.
А потом объяснить,
почему этого не произошло.

У.Черчилль





Елена Мягкова

**«БЕСЫ», «ИГРОКИ»
И «МЕЧТАТЕЛИ»,
ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК
СТАНОВИТСЯ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ**

ЧАСТЬ III¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
94(44)/04

Отдельный человек как заложник собственного эгоизма не может стать гражданином идеального государства, единственно возможным для него вариантом становится «пересоздание» самого себя через изгнание частного интереса и отказ от личной свободы в пользу общественного блага. Воплощая собой чистую Добродетель, он всецело принадлежит только Революции. Абстрагируясь от различных душевных состояний, субъективных оценок и корыстных побуждений, он становится недостижимым для мести и почти всемогущим в своем презрении к чужим интересам. Архетип героя, строителя новой жизни и победителя врагов и препятствий в политической культуре революционного времени, создает своеобразную «гражданскую религию» со своими «храмами» (Пантеон), иконографией и культами (массовые праздники и церемонии).

As a hostage of his own selfishness the individual is not acceptable in the ideal state. His only possibility is a self-regeneration in refusing his personal interests and liberty in favor of common wealth. As a representative of pure Virtue he is owned by Revolution. Out of private emotions, evaluations and profit he escapes vengeance and gets an omnipotence in defiance for somebody else's ends. During the revolution hero's archetype (as an originator of a new life, a victor of enemies and obstacles) creates in political culture a kind of «civil religion» abounding in «cathedrals» (Pantheon), iconography and cults (public holidays and ceremony).

Ключевые слова: Французская революция (1789–1799); политическая культура; теории общественно-политического устройства; представление об идеальном государстве и обществе, историческая психология, персональная история.

Key words: French Revolution (1789–1799); political culture; theories of social and political organization; image of ideal state and society, historical psychology, personal history.

E-mail: rgaspi@inbox.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №1, 2.

**III. «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР»
НА СЛУЖБЕ ДОБРОДЕТЕЛИ**

Главной действующей силой и адресатом, своеобразным символом революционных преобразований во Франции был «народ». Несмотря на использование этого термина в официальном дискурсе и законодательстве, его содержание было лишено научной точности и представляло собой литературную метафору (под которой чаще всего понимались крестьянство и пролетариат). Политическую элиту объединяло общее чувство восхищения силой народа с одновременным недоверием к нему. Самыми характерными признаками народа назывались его непостоянство, слепота, легкость перехода из одной крайности в другую. «...Вы увидите, – писал М.Робеспьер, – как французский народ явится еще во всем своем величии, миролюбивый, но внушительный; великодушный, снисходительный, но готовый обрушить гром при первом сигнале закона, при первом крике подвергшейся нападению свободы» [7, с.225].

Героем исторического процесса мыслилось образованное меньшинство, «делающее» революцию. Народ далеко не всегда понимает, в чем именно состоит его подлинное благо. Но это должен осознавать законодатель, задача которого – опекать простолюдинов, говорить от их имени, защищать их интересы и направлять их политическую энергию, всячески удерживая от насилия именем разума и законов. Яркий пример – обращение А.Шенье к законодателям:

*Держите в берегах грозящие моря,
Народу вашему, свободу подаря,
Вы буйное смиряйте детство
И к правде, к равенству, туда, где долг и строй,
Свободу юную ведите за собой.
Пусть никакой позор не омрачает мига.
Порвавши цепь обид былых,
Пусть молодой народ в волненьи бурном сдвига
Ярмо постыдное, убийственное иго
С себя не сложит на других.
Ваш первый долг – не дать ему осwirепело
В порыве темном зверских сил
Пятнать свое и ваше дело.
Не опускайте впредь вы мудрости удила,
Дабы законность мог он защищать со славою
И сталью гибельной, огнем не отомстил
Свое поруганное право [6, с.594].*

Якобинский централизм был рассчитан на идеальную упорядоченность системы управления, на «регулярное», одномерное общество с классической вертикалью соподчиненности. Территориальная разобщенность порождала соперничество местных властных элит; контрреволюция вызывала разрастание центральной власти (комитеты, комиссии, клубы, общества и пр.), и в итоге все этажи властной иерархии были охвачены жесткой борьбой за приобретение, удержание, защиту и укрепление своих позиций.

По мнению современных исследователей, это была сложная игра, своеобразная шахматная доска, где встречались группы, фракции, влиятельные меньшинства и оппозиции, образующие «плавающие» альянсы национального и регионального уровней. Однако, несмотря на серьезность ставок (человеческая жизнь), арена аппарата управления воплощала куртуазно-аристократические нравы и образ жизни, населенный «бретерами», сражающимися друг с другом от имени «народного суверенитета». Политическая дуэль совершалась на театральной сцене с фальшивыми декорациями, с использованием языка хитрости, пустой риторики, лицемерной добродетели, системы уловок и запугивания, одним словом, в соответствии с циничным макиавеллистским принципом – «цель оправдывает средства» [2; 11].

Институциональная анархия оформила специфический образ действия представителей власти на местах: теоретически всемогущественные, практически они являлись столь же заложниками, сколько и господами тех, кем они призваны были руководить. Часто плохо информированные о состоянии дел и манипулируемые различными местными кланами, они становились немаловажной частью соперничества и конфликтов, сохраняющих лишь очень отдаленную связь с революционными целями (например, комиссары Конвента, отозванные за злоупотребления). Большинство из них ни во что не верило и ничего не желало, руководствуясь исключительно корыстными интересами сближения с богатыми и сильными по связям людьми и в лучшем случае соблюдая лишь внешнюю форму и «обрядность».

Обладание властью часто оказывало отрицательное влияние на моральный облик и образ жизни ее представителей. Жалобы с мест указывали, как правило, на нежелание работать, стремление к бытовому комфорту, выстраивание социальных барьеров (формирование привилегированной группы людей) [1, д.497–499].

Из речи Л.А.Сен-Жюста в Конvente 15 апреля 1794 г.: «Господство фракций было игом, которое оставило лишь призрак свободы. На всех

«БЕСЫ», «ИГРОКИ» И «МЕЧТАТЕЛИ»...

должностях находились ставленники интриги, более занятые тем, чтобы обеспечить победу определенных партий, чем победу народного дела. Если главари фракций брали слово, им беспрекословно подчинялись; это были подлинные монархи, обладавшие личной властью. Аристократия заявляет, что гонение на них было актом диктатуры. Брута и Кассия также обвиняли в тирании за то, что они убили Цезаря; именно такое обвинение выдвинул против них Антоний. Где же они, эти Антонины, сожалеющие о падении Эбера, который хотел перерезать все национальное представительство и патриотов, сожалеющие о падении Дантона, который сделал все, чтобы погубить свободу» [8, с.166].



Жорж Жан Дантон (1759–1794).
Гравюра Сандоза по рисунку
Ф.Бонневилля. Офорт (РГАСПИ.
Ф.654. КП 7403. ГР 33175)

В подобной ситуации важнейшее значение обретали личные морально-психологические качества харизматических политических деятелей (концепция «профессионального революционера» [10]). Отдельный человек как заложник собственного эгоизма не может стать гражданином идеального государства, единственно возможным для него вариантом становится «пересоздание» самого себя через изгнание частного интереса и отказ от личной свободы в пользу общественного блага. Воплощая собой чистую Добродетель, он всецело принадлежит только

Революции. Абстрагируясь от различных душевных состояний, субъективных оценок и корыстных побуждений, он становится недостижимым для мести и почти всемогущим в своем презрении к чужим интересам. С этих небесных высот окружающий мир ему видится миром его утопии, а реальность, противостоящая его воле, воспринимается как заговор враждебных сил.

Из речи Л.А.Сен-Жюста в Конвенте 15 апреля 1794 г.: «Революционер непреклонен; но он рассудителен, воздержан, прост без ложной скромности; он непримиримый враг всякого обмана, всякой снисходительности, всякого притворства. Поскольку он стремится увидеть торжество революции, он никогда ее не порицает, но осуждает ее врагов; он никогда не позволит себе оскорбить революцию, но разъясняет ее принципы; дорожа чистотой революции, он говорит о ней сдержанно из уважения к ней; он стремится быть равным не с властями, воплощающими закон, а с людьми, и в особенности с людьми обездоленными. Революционер исполнен чести; его учтивость не слащавая, она исходит от чистого сердца, ибо его совесть спокойна; он полагает, что грубость свидетельствует о лживости и об угрызениях совести и что под запальчивостью скрывается притворство. Аристократы говорят и действуют, как тираны. Революционер неумолим к злодеям, но он чувствителен; он столь ревностно заботится о славе отечества и о свободе, что никогда не поступает опрометчиво; он устремляется в бой с врагами, он преследует виновных и защищает невинных перед судом; он говорит правду без поучения и не для того чтобы оскорбить. Он знает, что для упрочения революции нужно быть столь же добрыми, сколь некогда были злыми; его честность не ухищрение ума, но свойство сердца, само собой разумеющееся. Марат был мягким в своей среде, он внушал страх только предателям. Ж.Ж.Руссо был революционером, и наглость, без сомнения, была ему чужда. Из этого я делаю вывод, что революционер – это герой здравого смысла и честности. Если вы будете такими, вы поистине преодолете все пороки и спасете отечество. Не ждите иной награды, кроме бессмертия. Я знаю, что те, кто стремился к добру, часто погибали. Кодра бросили в пропасть; Ликургу выбили глаз злодеи в Спарте, которым досаждали его суровые законы, и он умер в изгнании. Фокион и Сократ выпили цикуту; Афины в тот день украсили себя цветами. Что из того? Все они творили добро; даже если их страна не воспользовалась этим, оно не осталось сокрытым от Божества» [8, с.159–160].



Жан-Поль Марат (1743–1793).
Гравюра Сандоза по рисунку
Ф.Бонневилля. Офорт (РГАСПИ.
Ф.654. КП 48448. ГР 35260)

В романе «Мудрость чудака» (1953) Л.Фейхтвангер рисует портрет М.Робеспьера сходными штрихами: «Теперь губы Робеспьера почти всегда сурово поджаты, лоб изрезан глубокими складками, глаза, если их не прикрывают зеленые стекла очков, неподвижны, – глаза человека, погруженного в себя; от улыбки Максимилиана сжималось сердце, а смех его – он очень редко смеялся – звучал резко и жестоко. Сверхчеловеческая задача – вести все выше по крутой стезе добродетели избранное меньшинство праведников – хотя и сообщала Робеспьеру громадную силу, но и возлагала на него невероятное бремя».

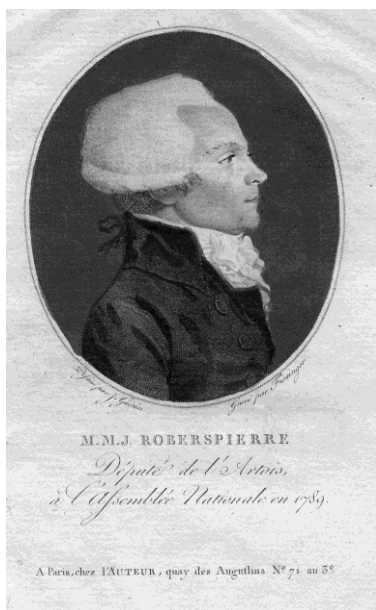
Архетип героя, строителя новой жизни и победителя врагов и препятствий в политической культуре революционного времени, создает своеобразную «гражданскую религию» со своими «храмами» (Пантеон), иконографией и культурами (массовые праздники и церемонии) [5].

Художественное воображение В.Гюго очень точно воссоздало образ одного из таких революционных героев, наделенного всеми гражданскими добродетелями: «Он был подобен морскому орлу – глубочайшее внутреннее спокойствие и жажда опасностей. Иные окрыленные существа, суровые и невозмутимые, как бы созданы для могучих порывов ветра <...>

Он познал все науки и совсем не знал жизни. Отсюда его непреклонность. Он, словно гомеровская Фемида, носил на глазах повязку. Он устремлялся вперед со слепой уверенностью стрелы, которая видит лишь цель и летит только к цели. В революции нет ничего опаснее слишком прямых линий <...>

Симурдэн верил, что при рождении нового социального строя только крайности – надежная опора; заблуждение, свойственное тому, кто подменяет разум логикой <...>

Он был праведник и сам считал себя непогрешимым. Никто ни разу не видел, чтобы взор его увлажнили слезы. Вершина добродетели, недоступная и леденящая. Он был справедлив и страшен в своей справедливости... Симурдэн был велик, но это величие замкнулось в себе, ютилось на недостижимых кручах, в негостеприимно мертвенных сферах: величие, окруженное безднами. Иные горные вершины бывают так зловеще чисты» [3, с.118–122].



Максимилиан Мари Исидор Робеспьер (1758–1794).
Гравюра Физинжера по рисунку Ж.Герена. Офорт
раскрашенный (РГАСПИ. Ф. 654. КП 3149.ГР 27747)

Эстетическое мироощущение революционной эпохи оформилось в краткое междуцарствие, грани которого – Просвещение и романтизм. Оно было вписано в литературную (готический роман, вкус к мистике и средневековым ужасам), театральную (классическая драма), изобрази-

тельную (школа Ж.-Л. Давида) культуру эпохи [9; 12]. Революционеры строили свой дискурс на подлинном порыве эмоций, их социальный проект звал к рождению «нового человека», свободного от традиционного антагонизма между рассудком и страстями. Их законотворчество выступало политикой аффектов, направленной на ощущение внутреннего потрясения: добродетель, счастье, любовь к родине, мщение и пр. привносились в атмосферу обыденной жизни.

В пьесе Р. Роллана «Дантон» (1899) Сен-Жюст рассказывает Робеспьеру о своих ощущениях перед лицом смерти (в военных сражениях): «Ночью на аванпостах, среди неприветной снежной шири фламандской равнины, под бескрайним пасмурным небом, я чувствую, как по моему телу пробегает трепет восторга и как бурной волной кровь притекает к сердцу. Мы одни, мы затеряны во мраке вселенной, окружены врагами, стоим на краю могилы, но мы – хранители разума в Европе, мы несем ей свет. От каждого нашего решения зависит судьба всего мира. Мы пересоздаем человека».

Во всех описаниях нового человека бросается в глаза оторванность абстрактного идеала от реального человека, обладавшего духом и психикой. В действительности же революция, независимо от времени и эпохи, порождает галерею основных социально-политических типов:

- убежденные революционеры, доминирующий личный интерес которых – воплощение доктрины в жизнь;
- убежденные защитники старого строя; оборотни революционных эпох, главная ценность которых – власть как таковая со шлейфом ее многообразных атрибутов и привилегий;
- мученики революции, которые видят свой интерес в нравственном очищении, достигаемом посредством личных страданий;
- обыватели революционной поры, которые нацелены в наибольшей степени не на приобретение новых социальных и материальных выгод, но на сохранение уже имеющегося и на возврат потерянных;
- среднеактивный участник революционного процесса, склонный к переменам и, в принципе, готовый (для каждого конкретного случая – в разной степени) поддерживать их [4].

К этому в целом верному наблюдению необходимо все же заметить, что в каждом из названных социально-политических типов также есть заметные вариации. Среди убежденных революционеров, например, равно встречаются «бесы» (Ж.-П. Марат), «игроки» (Ж. Ж. Дантон) и мечтатели (М. Робеспьер, Л. А. Сен-Жюст). Именно эта идея и легла в

основу настоящего цикла публикаций о психологии революционного лидерства.

Документы, выбранные к публикации в этой части цикла, являются своего рода «антропологическим измерением» понятия политической культуры. Все они отложились в личном фонде одного из видных деятелей революции Марка-Антуана Жюльена², чьи убеждения и поступки близки архетипу «профессионального революционера». Этот комплекс документов был куплен в 1927 г. Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса и хранится сегодня в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) [1].

Авторы двух частных писем (документы №1 и 2) рассказывают о «гражданских праздниках», ярко передавая атмосферу таких собраний, их мощный воспитательный потенциал. Документы №3 и 4 дают представление о важнейшем феномене эпохи – практике реорганизации («очищения» или «перерождения») народных обществ. Оба направления имеют целью создание подлинно «нового человека», носителя всех «гражданских добродетелей» и жителя «идеального государства».

Приводимые документы публикуются впервые, в переводе Е.М.Мягковой.

№1

Б.-М.Гарриг³

[Письмо] Жюльену Марку-Антуану, военному комиссару в городе Тулуза

Тарб, 25 июля 1793 года, 2-ой год

Республики без йоты федерализма

Храбрый санкюлот,

Победа наша, будьте спокойны; санкюлоты одержали ее. По правде говоря, наши фельяны⁴, наши государственные деятели ввели в заблуждение гражданина Монестье⁵, или, точнее говоря, обманули его сердце.

² См. о нем во второй части настоящей публикации.

³ Член Общества друзей Республики города Тарб – административного центра департамента Верхние Пиренеи.

⁴ Политическая группировка конституционных монархистов, получившая название от бывшего монастыря ордена фельянов, в помещении которого она проводила свои заседания.

⁵ Комиссар Конвента в миссии.

Наши путешественники⁶, в соответствии с постановлением представителя [в миссии], вернулись в Тарб; но триумф аристократов был недолгим. Охваченные оцепенением патриоты собираются, подтягиваются, и в три часа открывается заседание общества, где вырабатывается и подписывается петиция, а затем вручается Монестье, который, одобрив ее, отменил свое постановление. Это вызвало большое движение среди жирондистов⁷; все эти господа просят соблюдения первого постановления. Напрасные старания, санкюлоты добились своего, и наши депутаты продолжают сейчас свой путь к трибуне [Конвента].

Вчера в Клубе прозвучало предложение сжечь красное знамя, что и было исполнено сегодня к глубокому удовлетворению добрых граждан. Представители законных властей, армии, Клуба и в целом все санкюлоты присутствовали при этом. Церемония проходила на большой площади Федерации. Монестье первым разжег огонь, а мы танцевали Карманьолу⁸ вокруг него. Чувства были наэлектризованы. Да здравствует республика, все сейчас идет хорошо, все будет хорошо потом и в итоге все устроится наперекор всем бриссотинцам⁹.

Ходят слухи, что в Ош¹⁰ жирондисты направили против патриотов пушку. Я надеюсь, что¹¹ правление господ из Ош будет недолгим, и вы будете иметь огромный успех. Говорят также, что кавалерия, при которой Вы находитесь, стоит не больше, чем наши конные стрелки из Тарба.

Гражданин Ларош¹², передавший мне Ваше письмо, не смог сказать мне, отправился ли уже в Ош рассылный.

Если я не смогу передать письма с ним, я отправлю его почтой в Ош. Обнимаю Вас с самыми сердечными и конституционными чувствами.

Б.-М. Гарриг

⁶ Речь идет об отправке представителей народного общества в Париж с целью информации о состоянии дел на местах (предполагалось выступление с трибуны Конвента).

⁷ Политическая группировка, основу которой составляли идеи индивидуальной свободы и демократической теории Ж.-Ж.Руссо. Получила название от департамента Жиронда, депутаты которого стали первоначальным ядром партии.

⁸ Популярная революционная песня.

⁹ Иное название жирондистов, по имени их лидера Жака-Пьера Бриссо (1754–1793).

¹⁰ Административный центр департамента Жер и главный город исторической области Гасконь.

¹¹ Далее зачеркнуто одно слово.

¹² Член Общества друзей Республики города Тарб.

P.S. Я отправил Вам в Тулузу то, что Вы просили.

Автограф Гаррига. Письмо было сложено в форме конверта, имеются следы сургучной печати, указаны имя и адрес адресата. Имеется почтовый штемпель. Бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.158. Л.1–2. Подлинник. Рукопись.

№2

Жюльен Марк-Антуан. [Письмо родителям]

Сен-Мало, 27-го брюмера

[17 ноября 1793 года]

Гранвиль¹³ сопротивлялся, я провел два дня и две ночи в попытках доставить туда боеприпасы и продовольствие, орудия и пр. <...> Обнимаю вас. Я уезжаю отсюда завтра, так как уполномочен представителями народа сопровождать армию, преследующую разбойников. Надеюсь, мы покончим с ними. Будьте спокойны на мой счет. Расскажите мне хотя бы немного о Бар[ере], Роб[еспьере] и других членах Комитета об[щественного] спас[ения], ибо никакие сведения до меня не доходят. <...>

Целую вечность у меня нет никаких новостей из Парижа. Все дороги отрезаны. Я рассчитываю через восемь дней вернуться в Лориан¹⁴, оттуда в Брест, а потом в Нант и Бордо. <...>

Жюльен.

Сен-Мало, 28-го брюмера

[18 ноября 1793 года]

Я был только что свидетелем трогательных сцен. При приближении католической и королевской армии¹⁵ республиканцы и республиканки этой коммуны возобновили под моим руководством те обещания, которые я просил их дать перед лицом французской республики в своем

¹³ Коммуна в департаменте Мани региона Нижняя Нормандия. Осада Гранвиля была эпизодом гражданской войны в Вандее. Потерпев сокрушительное поражение у Шоле (17 октября 1793 г.), отряды восставших крестьян вынуждены были переправиться через Луару в надежде на помощь бретонских повстанцев (иуанов) и английского флота с моря. Осада Гранвиля длилась 2 дня (14–15 ноября 1793 г.), но закончилась неудачей вандейцев и их последующим отступлением.

¹⁴ Город в департаменте Морбиан региона Бретань.

¹⁵ Название армии восставших крестьян в департаменте Вандея.

городе, порте, на побережье еще шесть недель назад. Гражданки пожелали дать родине и другие обещания. В созванном мной многочисленном собрании под звуки патриотической и военной музыки матери семейств обещали воспитывать своих детей в любви к родине, обещали научить их понимать, что все республиканцы должны предпочитать смерть порабощению; юные гражданки обещали соединить свои руки только с руками республиканцев и выйти замуж только за тех, кто будет верно служить своему отечеству. Дети восьми–десяти лет, горящие желанием также связать себя святыми клятвами перед родиной, обещали во всем подражать своим отцам и защищать Республику. Я создал батальон, названный надеждой родины, эмблемы которого – красный колпак, символ свободы, и гладкие волосы, символ простоты, обычной спутницы свободы. Накануне я узнал, что в Динане¹⁶ наши братья по оружию не имеют обуви. Я издал постановление, по которому каждый гражданин, имеющий две пары обуви, обязывался одну из них отдать Республике с условием последующего вознаграждения. Я огласил в клубе мое постановление, заявив, что недостаточно просто носить имя республиканца, что нужно доказывать свой республиканизм действиями, и доверил исполнение постановления рвению граждан. Я получил 400 пар обуви, и ни один гражданин не пожелал получить обещанного вознаграждения. У меня было 133 пары белья, а также рубашки, сабли, пистолеты и т.д. Коммуна Сен-Серван, соседняя с Сен-Мало, пожелала присоединиться к этим проявлениям гражданского долга. Когда же зашла речь о помощи Гранвиллю, я увидел такое же рвение: граждане давали вино, водку и другие предметы. На дверях была размещена надпись: *здесь располагается коммуна монтаньяров*. Санкюлотизм теперь торжествует, а сытые и богатые, демонстрировавшие накануне моего приезда радость от приближения эмигрантов, вынуждены были замолчать в страхе, который когда-то сами внушали народу. Сегодня я реорганизовал почти эфемерный ранее клуб¹⁷, и повсюду¹⁸ самый искренний патриотизм находит путь к сердцам и объединяет¹⁹ все желания²⁰.

¹⁶ Город в департаменте Кот-д'Армор (прежнее название – Кот-дю-Нор), региона Бретань.

¹⁷ Далее зачеркнуто одно слово.

¹⁸ Далее зачеркнуто одно слово.

¹⁹ Далее зачеркнуто одно слово.

²⁰ Слова «все желания» вписаны над зачеркнутым словом.

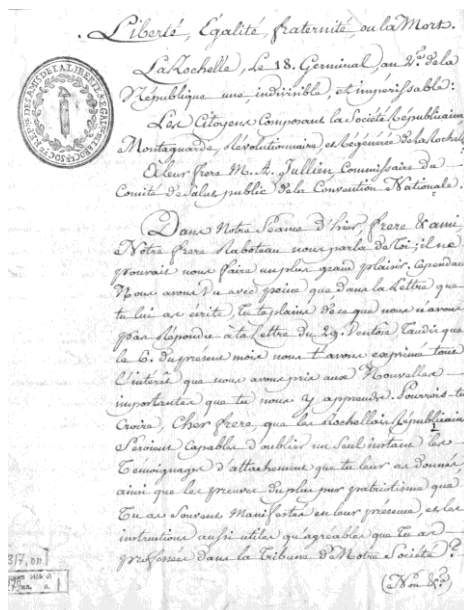
Пр[едставитель] нар[ода] Жанбон²¹ только что отправился в Шербур²², а я отправляюсь с армией под командованием Трибу²³ вслед за разбойниками. Слава гарнизону Гранвиля, который был свидетелем провала попыток христианской орды у своих стен. Прощайте.

Жюльен.

P.S. Вчера я объявил в клубе об отъезде. Гражданки сопровождали меня и собрались у моей двери, выражая признательность за ту братскую поддержку, которую я всем им оказал, и трогательно приглашая меня вернуться. Доказательства народной любви полностью компенсировали те трудности и заботы, которым я подвергаю себя.

Автограф Жюльена. Бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.241. Л.1–2. Подлинник. Рукопись.



[Письмо] граждан М[арку]-А[нтуану] Жюльену (РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.279. Л.1)

²¹ Жанбон Сент-Андре (Jeanbon Saint-André, или Jeanbon André), 1749–1813, представитель Национального конвента в миссии.

²² Город в департаменте Мани региона Нижняя Нормандия.

²³ Генерал республиканской армии.

№3

[Письмо] граждан, состоящих членами Республиканского, Монтаньярского, Революционного и Возрожденного общества Ла-Рошели, своему брату М[арку]-А[нтуану] Жюльену, комиссару Комитета общественного спасения при Национальном конвенте

Свобода, Равенство, Братство, или Смерть

*Ла-Рошель, 18 жерминаля 2-го года
Республики, единой, неделимой и бессмертной
[7 апреля 1794 года]*

Друг и брат, на нашем вчерашнем заседании наш брат Работо²⁴ говорил о тебе; он не мог бы доставить нам большего удовольствия. Однако мы с болью узнали из письма, которое ты написал ему, о твоей досаде на нас за то, что мы не ответили на твое письмо от 29 вантоза, тогда как 6 числа текущего месяца мы засвидетельствовали тебе весь свой интерес к тем новостям, что ты сообщил нам. Неужели ты можешь поверить, дорогой брат, что ларошельские республиканцы способны хотя бы на миг забыть свидетельства той привязанности, которую ты испытывал к ним, доказательства того чистого патриотизма, который ты часто демонстрировал в их присутствии, те наставления, одинаково полезные и приятные, которые ты давал им с трибуны нашего Общества?

Нет, брат и друг, мы тебя не забыли. Ты всегда остаешься в нашей памяти и наших республиканских дискуссиях, ты для нас – авторитет, к которому мы обращаемся с удовольствием. В настоящий момент, пока мы пишем тебе, мы надеемся, что ты уже получил наше письмо от 6 жерминаля. Во всяком случае, знай, что при чтении твоего письма от 29 вантоза, сообщившего нам о вновь раскрытом ужасном заговоре²⁵, мы дрожали от ужаса; необходимо, – кричали мы, – чтобы головы этих тиранов, этих новых хамелеонов пали под мечом закона. Наши желания исполнились: да исчезнут же все враги республики!

Пусть же твоя привязанность, брат и друг, будет к нам столь же сильной, как и наша по отношению к тебе. Пиши нам не только для сообщения новостей, но и для того, чтобы показать нам, что ты всегда остаешься нашим другом. Мы должны сообщить тебе, что удвоим наше рвение и нашу бдительность против аристократов и прочих подозрительных лиц;

²⁴ Член народного общества Ла-Рошели.

²⁵ Речь идет о заговоре членов клуба кордельеров и подготовке восстания против политики Робеспьера.

наша деятельность в этом направлении не закончится до тех пор, пока они не исчезнут.

Привет и братство.

Члены Республиканского, Монтаньярского, Революционного и Возрожденного общества Ла-Рошели:

Подписи членов Общества

Автографы членов Общества, печать Общества с республиканскими символами. Письмо было сложено в форме конверта, где указаны имя и адрес адресата. Имеются следы сургучной печати. Бумага с водяными знаками.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.279. Л.1–2. Подлинник. Рукопись

№4

Отчет, составленный Пармантье, членом комиссии шести, избранной для сеанса очистительной кампании в [Народном] обществе [города Лориан]²⁶

Без даты

[1794 год]

Граждане, Комиссия, назначенная вами для представления Обществу резюме о предложениях, сделанных вчера, и о процедуре очистительных выборов²⁷, уполномочила меня представить вам отчет, и этот отчет должен иметь результатом принятие Обществом постановления, объясняющего как причины его породившие, так и детали его исполнения. Из вчерашнего заседания вы уже поняли, что пора остановить быстро прогрессирующий модерантизм²⁸, сразить аристократию, все еще стремящуюся поднять свою надменную голову, снова раздуть почти угасший огонь общественных надежд. Вы теперь знаете, что священный огонь [общественного] мнения, вверенный народным обществам, заслуживает не меньших забот и бдительности, чем огонь, некогда вверенный римля-

²⁶ Первоначальное название документа зачеркнуто, а новое вписано на полях.

²⁷ Практика «самоочищения», то есть исключения из членов народных обществ людей с умеренными политическими взглядами.

²⁸ Модерантизм – политический термин эпохи Французской революции. Монтаньяры обозначали этим именем сначала направление жирондистов, а затем и дантонистов.

нами весталкам²⁹. Небрежность, ведшая к потере огня, приводила тогда к наказанию – погребению заживо. Граждане, не заслуживаете ли и вы этой же казни, хотя рассказы о ней угнетают чувства гуманности, если вы допустите угасания и даже ослабления горячего республиканизма, пыл и энергию которого вы должны поддерживать в душах людей? Вы обещали поддерживать Гору³⁰, и вы не допустите, чтобы гнусные жабы³¹, желающие оскорблять ваш слух, федералисты³², некогда прятавшиеся под личиной добродетельных друзей народа, все эти люди, питавшие преступные надежды, плакальщики по заключенным, лжецы, льстившие патриотам в тот момент, когда считали их сильными, и снова теперь принужденные к молчанию, оскверняли республиканские чувства. Вы открыли глаза на скрытые опасности, которыми вы окружены, и вы не захотели, чтобы общественный дух, укрепляющийся столь долго, вдруг ослабел, чтобы один единый миг сделал бы бесполезными ваши долгие и трудные усилия поднять его на высоту Республики и Горы. Вы вышли из глубокого сна, из летаргической безмятежности, в которую были погружены из-за отсутствия³³ прямых угроз, чем и пользовались ваши враги с целью усыпить вас. Около бюстов Марата³⁴ и Пеллетье³⁵ каждый из вас вспомнил кровавый упрек³⁶, брошенный последнему из римлян: *и ты, Брут!*³⁷ Каждый из вас воскликнул с негодованием: я Брут, я хочу им

²⁹ Жрецы богини Весты в Древнем Риме. В обязанности весталок входило поддержание священного огня в храме Весты, совершение жертвоприношений и охрана святынь.

³⁰ Иное название партии монтаньяров (от франц. *montagne* – гора), демократическое крыло Конвента, представлявшее якобинцев.

³¹ Прозвище умеренных депутатов Конвента, отличавшихся пассивностью на заседаниях.

³² Члены партии жирондистов, спровоцировавших в июне 1793 г. восстание около 60 департаментов против политики и системы управления якобинцев («парижского централизма»).

³³ Далее зачеркнуто одно слово.

³⁴ Марат Жан-Поль (*Marat Jean-Paul*), 1743–1793, один из политических лидеров якобинцев.

³⁵ Лепелетье Луи Мишель (*Le Peletier de Saint-Fargeau Louis Michel*), 1760–1793, член Конвента, выступавший за казнь короля.

³⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

³⁷ Марат и Лепелетье были убиты противниками революционных преобразований. Крылатая фраза «И ты, Брут!» употребляется в случае предательства со стороны друга или сторонника. В данном случае речь идет о заговоре против Юлия Цезаря, намеревав-

быть, я погибну французом, или вы потеряете свободу. Ваши клятвы не будут напрасными, вы не будете спать, пока бодрствуют враги, пока контрреволюционные тигры бродят вокруг с целью проглотить вас. Вы будете смелыми и твердыми, строгими и непоколебимыми; своим возвышенным отречением вы еще раз подтвердите эту благородную беспристрастность, это республиканское чистосердечие, которые должны характеризовать монтаньяров. Чтобы идти более уверенным шагом, вы используете опыт ваших ошибок, а заговоры ваших врагов обернутся против них и на вашу пользу. Недостаток вашего первого очистительного заседания поразил вас, и вы всерьез пожелали перерождения самих себя. Вам стало понятно, что ни соображения дружбы, ни даже чувства патриотизма не должны влиять на ваше новое заседание; что лучше иметь небольшую группу энергичных, хорошо сплоченных республиканцев, чем многочисленное, но слабое собрание патриотичных граждан, подверженных болезни модерантизма. Вы вспомнили о чудесах, порожденных свободой, и страдания 300 спартанцев, сраженных у Фермопил³⁸, укрепили вашу смелость и поддержали ваши надежды. Вы осознали, что выиграете в силе то, что проиграете в числе, что интересы Родины во время путешествия по грозовому морю революции в направлении острова свободы требуют исключения тех людей, которые, хотя и являются достойными уважения патриотами, не идут в революционном ритме и могут потому замедлить прогресс общественного духа или вызвать движение вспять. Существуют строгие принципы, от которых вы не должны уклоняться; сожалеть о тех, кого вы должны будете на время отстранить, вы должны утешаться мыслью об их скором возвращении в республиканскую фалангу сразу же после того, как установление мира поможет исполнению наших надежд и приведет к счастливому состоянию свободы все народы на земле.

Мы не стали рисовать вам печальную картину деградации общественного духа, тень глухой ночи, где исчез патриотизм, мрачный и холодный клуб, аристократию, бесстыдно появляющуюся на спектаклях и в общественных местах... Эти горькие истины вам были представлены вчера, и эта встреча со злом благотворна для вас: теперь вы сможете

шегося превратить Римскую республику в монархию. Участником заговора был друг Цезаря Юний Брут. Увидев его среди заговорщиков, Цезарь якобы с упрёком воскликнул: «И ты, Брут!»

³⁸ *Речь идет о Фермопильском сражении (сентябрь 480 г. до н.э.) в ходе греко-персидской войны, где героически погибли 300 спартанцев под командованием царя Леонида.*

найти лекарство. Раны были мужественно исследованы, лечебный бальзам, наложенный вами, приведет к их заживлению. Каналы были испорчены; радикальное очищение, ставшее необходимым, очистит их. Мы должны представить вам основные решения для выработки принципов, необходимых к исполнению процедуры. Мы собираемся предложить вам постановление, в котором вы увидите отдельные предложения, сделанные вами накануне.

Народное республиканское общество коммуны монтаньяров³⁹ города Лориан.

Принимая во внимание, что обязанности народных Обществ являются не менее важными, чем обязанности законных властей;

Принимая во внимание, что народные общества должны постоянно работать для просвещения народа и наблюдения за его врагами; должны давать общественному деятелю правильное представление об обязанностях, возложенных на него родиной, и о его поведении; должны удерживать народ от неверных последствий собственных добродетелей, ведущих его в сети врагов, от его склонности к сочувственному милосердию, мягкой гуманности, оборачивающейся бессознательным модерантизмом; должны поддерживать на алтаре родины священный огонь общественного духа, за который они несут ответственность перед Божеством⁴⁰, даровавшим им святую свободу⁴¹; должны бодрствовать тогда, когда бодрствуют враги родины, когда ей угрожают открытые и скрытые опасности;

Принимая во внимание, что для исполнения этой важнейшей задачи они должны состоять из Республиканцев в самом прямом смысле этого слова, из непоколебимых граждан и истинных революционеров, наличие которых может быть гарантировано часто возобновляемой процедурой очистительных выборов, главная особенность которых – непоколебимая суровость; что последние очистительные выборы не имели результата из-за сохранения многих людей, которые, хотя и являются искренними друзьями своей родины, но не располагают при этом силой характера и твердостью принципов, необходимыми для членов общества, главная задача которого – двигать вперед повозку Революции;

³⁹ Слово «монтаньяров» вписано над строкой.

⁴⁰ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴¹ Очевидно, речь идет о введении Культа Верховного Существа (идея естественной религии). Термин был принят в Декларации прав человека и гражданина.

Принимая во внимание, что члены народного общества, как и каждый член законных властей, должны строго оцениваться народом для получения должного уважения и доверия, что республиканец, действительно достойный этого имени, не должен бояться демонстрации на публике самых укромных уголков своей частной жизни, что общественный интерес призывает его к вступлению в перерожденное революционное общество,

Постановляет следующее.

Статья I. В целях очищения народное Общество монтаньяров Лориа-на призывает каждого из членов на общественное заседание.

Статья II. Каждый из членов Общества, желающий предстать в качестве кандидата в новое общество, будет записан в алфавитном порядке и будет вызван на трибуну для ответов на девять следующих вопросов, задаваемых членом общества, уполномоченным говорить от имени общества.

Вопросы, на которые последовательно должен ответить каждый член общества на очистительных выборах:

1. Кем ты был в 1789, 90, 91 и 92 годах?
2. Кем ты был в 1793 году?
3. Какое у тебя было материальное состояние в 1789 году и каким оно стало в 1793 году?
4. Если оно выросло, то при помощи каких средств?
5. Какие ты писал и произносил речи?
6. Подписывал ли ты контрреволюционные обращения?
7. Принадлежал ли ты к антипатриотическим клубам?
8. Работал ли ты в плохих газетах?
9. Что ты сделал для Революции?

Статья III. Каждый член общества твердым голосом должен ответить с трибуны перед народом на эти девять вопросов.

Статья IV. Все присутствующие граждане будут иметь свободное право выступления для дачи более полных сведений о претенденте⁴², за или против него.

Статья V. Те члены общества, которые не смогут удовлетворительно ответить хотя бы на один вопрос, не будут допущены в общество и в лучшем случае получат отсрочку; никакое соображение не должно менять строгости этого условия выборов⁴³.

⁴² Далее зачеркнута фраза.

⁴³ Далее зачеркнута фраза.

Статья VI. Один из секретарей должен будет собрать резюме ответов всех членов общества, чтобы получить возможность составить общую картину жизни членов общества.

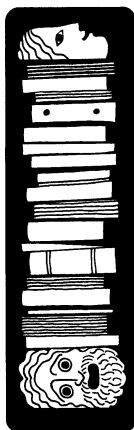
Статья VII. Члены общества, трижды подряд отсутствующие на заседании перерожденного общества без уважительной причины, будут в первый раз оштрафованы, а во второй раз исключены из общества. Эта статья будет частью устава, дискуссия по которому состоится сразу же после очистительных выборов.

РГАСПИ. Ф.317. Оп.1. Д.384. Л.1–7. Подлинник. Рукопись.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.317. Оп.1.
2. Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794 / Пер. с фр. М.: Изд-во УРСС, 2003. 320 с.
3. Гюго В. Девяносто третий год / Пер. с фр. М.: Правда, 1988. 400 с.
4. Журавлев В.В. В дополнение к сказанному: революция сквозь призму личного интереса // Отечественная история. 1995. №4. С.215–218.
5. Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799 / Пер. с фр. М.: Яз. слав. культ, 2003. 416 с.
6. Песни первой французской революции / Под общей ред. А.М.Эфроса. М.; Л.: Academia, 1934. 817 с.
7. Робеспьер М. О средствах спасения государства и свободы. Речь в Обществе друзей конституции (10 февраля 1792 г.) // Робеспьер М. Избр. произведения в 3 т. / Пер. с фр. М.: Наука, 1965. Т.1. С.220–231.
8. Сен-Жюст Л.А. Об общей полиции, о правосудии, торговле, законодательстве и преступлениях фракций (Доклад, представленный Национальному конвенту от имени Комитетов общественного спасения и общей безопасности 26 жерминаля II года <15 апреля 1794 г.>) // Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты: [Перевод]. СПб.: Наука, 1995. С.155–171.
9. Baecque A. de. Le corps de l'histoire: métaphores et politique (1770–1800). Paris: Calmann-Lévy, 1993. 435 p.
10. Gérard A. Par principe d'humanité: la Terreur et la Vendée. Paris: Fayard, 1999. 589 p.
11. Higonnet P. Goodness beyond Virtue. Jacobins during the French Revolution. Cambridge (Mass.); L.: Harvard Univ. Press, 1998. 410 p.
12. Hunt L. Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1984. 275 p.

(Продолжение следует)



Нина Хайлова

**«ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ
МОГИКАН...
[18]70-Х ГОДОВ»:**

ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ А.С.ПОСНИКОВ¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
111

В статье представлен «портрет на фоне эпохи» А.С.Посникова – крупного ученого-экономиста, публициста, организатора высшего образования и педагога, общественного деятеля и политика – одного из лидеров центристского (между кадетами и октябристами) течения в русском либерализме начала XX в. Особое внимание обращено на вклад Посникова и его сподвижников в разработку идей «нового либерализма», модели «смешанной экономики» для России, новаторский подход к проблемам партийного строительства. Впервые на основе архивных источников и публицистики охарактеризована его деятельность на посту председателя Главного земельного комитета при Временном правительстве, приведены дополнительные сведения о жизни после Октябрьской революции 1917 г.

The article presents “the portrait against the background of the epoch”: A.S.Posnikov was a major authority in economics, publicist, organizer of higher education and pedagogue, public figure and politician, one of the leaders of the centrist (between the Constitutional Democrats and the Octobrists) current in the Russian Liberalism of the early 20th century. The particular attention is paid to contribution of Posnikov and his followers to elaboration of the “new Liberalism” ideas, of the “mixed economy” model for Russia, of innovative approach to problems of party building. For the first time Posnikov’s activities during his tenure as the Main Land Committee chairman under the Provisional government are characterized on the basis of archive sources and publicist writings and additional information on Posnikov’s life after the October revolution is adduced.

Ключевые слова: экономист; публицист; организатор высшего образования и педагог; общественный деятель и политик.

Key words: economist; political writer; organizer of higher education and pedagogue; public character; politician.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-00392.

Личность Александра Сергеевича Посникова (14.12.1845, Вязьма, Смоленской губ. –12.8.1922, Москва), крупного экономиста, педагога, общественного и политического деятеля, нельзя отнести к разряду «забытых имен». Однако до сих пор его биография, достойная полномасштабного повествования, представлена в исследованиях фрагментарно. Вместе с тем фигура Посникова оставалась заметным явлением в научной и общественно-политической жизни России, начиная с 1870-х гг. вплоть до 1917 г. Не поддающаяся однозначным трактовкам, она была своеобразным «слепок» русской жизни на очередном переломе отечественной истории, фокусируя в себе «болевы точки» современности. Показателем огромного авторитета Посникова явилось празднование в 1915 г. его 70-летия. Юбиляра приветствовали тогда представители всех оппозиционных партий. «Все эти деятели, так много между собою спорящие, так часто обличающие друг друга, собрались засвидетельствовать, что не исчезла еще единая вера у русской интеллигенции, что есть идеи и догматы, которые исповедуются всеми русскими группами, которым дороги заветы прошлого» [14], – отметил в своем поздравлении лидер Конституционно-демократической партии П.Н.Миллюков. Ему вторил М.М.Ковалевский, многолетний соратник Посникова, назвавший юбиляра «живым воплощением единства русской интеллигенции, символом преемственности ее исторических идеалов и задач» [10, с.458].



Человек в высшей степени отзывчивый на общественные нужды, Посников вкладывал душу в любое дело, за которое брался, обладал даром сплачивать людей, последовательно добивался претворения в жизнь дорогих ему идей. Прежде всего, он ученый, имя которого по праву занимает место в одном ряду с общепризнанными авторитетами русской экономической мысли². При этом научный багаж Посникова

² *Посников – один из создателей (наряду с А.И.Чупровым, Н.И.Зибером, И.И.Янжулом, И.И.Иванюковым и др.) научной школы в российской экономике, характерные черты которой – признание того, что «национальное богатство не должно создаваться ценою народной бедности», стремление к максимальной объективности, особый акцент на развитии статистических исследований.*

как юриста, знатока сельского хозяйства, финансов всегда был востребован многообразной практикой – с земского до общегосударственного уровня³.

Будучи выдающимся педагогом⁴, он явился еще и крупным организатором высшего образования, выступив в роли одного из «отцов-основателей» Санкт-Петербургского политехнического института, открытого (1902) при содействии С.Ю.Витте и ставшего одним из флагманов вузовской системы⁵. По инициативе Посникова там впервые в России было организовано экономическое отделение, быстро превра-

³ В 1882–1886 гг. Посников занимался сельским хозяйством в своем имении Николаево Вяземского уезда Смоленской губ. В этот период он стал одним из организаторов (1884) и руководителем (с 22.1.1885) статистического отделения Смоленского губернского земства. Предводитель дворянства Вяземского уезда (1879, 1896–1897), почетный мировой судья (с 1883). С 15.11.1911 по 21.12.1912 – член Совета Государственного банка от Министерства финансов. В 4-й Государственной думе Посников являлся членом ряда комиссий, в т.ч. бюджетной, финансовой (с 1-й сессии товарищ председателя, с 21.7.1915 председатель).

⁴ А.С.Посников имел богатый опыт преподавательской деятельности. Его педагогическая карьера началась в Демидовском юридическом лицее в Ярославле (с 1873 приват-доцент кафедры политической экономии), продолжилась в Новороссийском университете в Одессе (в 1876–1882 гг. доцент, затем профессор политической экономии, с 1879 проректор; в 1882 подал в отставку в знак протеста против политики контрреформ в сфере образования), где одним из первых в российской высшей школе организовал практикумы по политической экономии и статистике. В наибольшей степени Посникову удалось реализовать себя на ниве просвещения в начале 1900-х гг. в Санкт-Петербургском политехническом институте. По мнению современников, ему принадлежало «значительное и почетное место» в создании деловой, творческой атмосферы, в которой сформировалась когорта молодых экономистов, заявивших о себе накануне Первой мировой войны (Л.Н.Юровский, Н.Д.Кондратьев, В.Е.Якушкин, И.И.Левин, С.В.Бернштейн-Коган, Я.М.Букипан, Н.С.Четвериков и др.).

⁵ Директор С.-Петербургского политехнического института (28.3.–9.10.1907; 10.10.1908–1.8.1911), А.С.Посников являлся деканом экономического отделения этого вуза (11.7.1901 [утв. 11.5.1902]–7.11.1908), ординарным профессором по кафедре политической экономии (с 1902), почетным членом Совета института (с 17.12.1912). Он – автор первой программы высшего экономического образования в России. По приглашению Посникова на экономическом отделении работали ведущие российские ученые (М.В.Бернацкий, Ю.С.Гамбаров, И.В.Гессен, И.М.Гревс, А.Г.Гусаков, В.Э.Дэн, М.А.Дьяконов, И.И.Иванюков, Н.И.Кареев, М.М.Ковалевский, Б.Э.Нольде, Д.М.Петрушевский, П.Б.Струве, Н.С.Тимашев, М.И.Туган-Барановский, М.И.Фридман, А.А.Чупров и др.).

тившееся в самую крупную структуру института, который получил шутовую репутацию «политехнического» [24, с.94]. По его убеждению, высшее образование не должно носить исключительно прикладной характер; цель вузов – подготовка широко образованных специалистов. Посников напрямую связывал перспективы развития страны также с утверждением принципов университетской автономии, свободы и доступности образования. Для пропаганды дорогих ему идей он использовал все возможности, в т.ч. на посту руководителя таких общероссийских организаций, как Лига образования, Вольное экономическое общество (президент в 1909–1911). В 4-й Государственной думе Посников выступал за увеличение государственного финансирования народного просвещения, введение всеобщего начального обучения.

У истоков «нового либерализма»

Всероссийскую известность принесла ему и публицистическая деятельность. Он входил в редакторский круг таких «патриархов» либеральной печати, как журнал *Вестник*

Европы и газета *Русские ведомости*⁶, на страницах которых еще в 1880-е гг. впервые оформилась программа русских либералов, определились характерные особенности русской либеральной традиции – яркая социальная окраска; «укоренённость» в историческом опыте России; настрой на созидание, а не на разрушение; неприятие насилия над жизнью, обществом (как со стороны государства, так и со стороны революционных «поджигателей»). Сторонники сильного государства, ведущие публицисты *Вестника Европы* и *Русских ведомостей*, отдавали ему приоритет в проведении реформ, при этом подчеркивая важнейший залог успеха – солидарные действия власти и общества.

До сих пор зачастую остается «в тени» очевидный факт. Именно Посников и его сподвижники (К.К.Арсеньев, М.М.Ковалевский, И.И.Иванюков, В.Ю.Скалон, В.Г.Яроцкий и др.), чей вклад в разработку проблем социальной справедливости и социального государства заслуживает особого внимания, подготовили выход на историческую «сцену» в России начала XX в. т.н. «нового либерализма». Тогда же, в эпоху

⁶ Дебют Посникова-журналиста состоялся в августе 1869 г. в «Русских ведомостях». В 1886–1896 гг. он фактически выполнял обязанности главного редактора газеты, превратившейся под его руководством в крупнейшее и влиятельное общероссийское издание. С конца 1880-х гг. Посников являлся также ближайшим сотрудником «Вестника Европы», а с 1914 г. был одним из главных редакторов журнала.

революционной Смуты, они пытались противостоять дроблению сил сторонников освобождения, подчеркивали то общее, что должно объединять здравомыслящих политиков. По сути, эти деятели возложили на себя миссию хранителей основ русской либеральной традиции, пытались играть роль своего рода «скрепы» либерально-демократического движения. Закономерно, что, дистанцируясь от «Союза 17 октября», они не посчитали возможным для себя «влииться» и в ряды Конституционно-демократической партии, наиболее близкой им по взглядам. Помимо некоторых программных разногласий, для Посникова и его единомышленников было неприемлемо требование партийной дисциплины, а также нежелание кадетского руководства заявить о своем категорическом осуждении террора как способа политической борьбы.

**Посников – организатор
партии нового типа**

Именно Посников в конце 1905 г. стал инициатором образования Партии демократических реформ (ПДР) – первой общероссийской партии либералов-центристов (условно – между кадетами и октябристами). Его поддержали К.К.Арсеньев (председатель партии, автор политического раздела программы), а также другие члены редакторского круга *Вестника Европы* и присоединившиеся к ним представители профессуры Петербургского политехнического института. Московское отделение ПДР возглавил один из редакторов *Русских ведомостей* В.Ю.Скалон. Видевшие немалую опасность в стремительном «разбегании» бывших соратников по партийным «квартирам» идеологи центристского течения в русском либерализме начала XX в., прокладывая свою «колею», пожалуй, больше других в либеральном лагере были сосредоточены на поиске модели либеральной партии, наиболее адекватной российским реалиям.

Размышляя о «конфигурации» массовой партии будущего, либералы-центристы фактически первыми (возможно, не только в России) начали разработку и апробацию новаторского проекта, который спустя почти столетие получил название «сетевой» партии как одной из разновидностей «партии идей», предполагающей гибкую систему членства, отличающейся открытостью и «прозрачностью», и в силу этого – рыхлой структурой. В партии подобного типа отсутствует жесткая вертикаль власти; поощряется инициативная деятельность на местах. Сторонники партии, не дожидаясь руководящих указаний из центра и не ограничиваясь критикой властей, реализуют, по мере возможности,

собственное представление о «должной» России, пропагандируют конкретными делами свои интересы и ценности, предлагают новые пути и средства – в рамках ненасильственной тактики – для решения задач, поставленных в партийной программе. Здесь открыты широкие возможности для выдвижения новых – неформальных – лидеров, добивающихся признания на основе «репутационного капитала» (честность, порядочность, компетентность и т.д.). «Сетевая» партия основана на искренней вере своих сторонников в партийную идеологию, их духовной и эмоциональной связи. Она отказывается оперировать политическими ярлыками и штампами («левые», «правые», «консерваторы» и т.п.) и тем самым закрепляет традиции конфронтационной политической культуры. Ее приверженцы настроены на взаимодействие с любыми конструктивными деятелями и группами, стремящимися мирным путем к достижению тех же общественно значимых целей. Власть как самоцель не входит в число их приоритетов.

**Заступник «за права
и интересы мужика»**

Задаваясь вопросом об истоках взглядов Посникова, ответ следует искать, обратившись к его юношеским годам. Выходец из старинного дворянского рода (в XIX в. уже обедневшего), из

семьи судьи Вяземского уездного суда (с 1845) губернского секретаря Сергея Гавриловича Посникова, Александр по окончании смоленской гимназии уже в 16 лет «выпорхнул» из родительского гнезда. Первой важной вехой в его биографии стали годы учебы в Московском университете, на юридическом факультете с 1862 по 1869-й. «Затянувшееся» студенчество объясняется тем, что Посников попросту не мог усидеть в аудитории, когда в стране началась грандиозная «перестройка», связанная с реализацией Крестьянской реформы Александра II. Страстное желание познать жизнь «изнутри», внести собственную лепту в обновление России побудили его отправиться в деревню, где он участвовал в межевании крестьянских наделов, нанявшись землемером.

И далее, через всю жизнь Александр Сергеевич пронес «верность одной идее – идее защиты интересов народа, заступничества за права и интересы мужика». Недаром друзья называли Посникова «однородомом» («с чем в колыбельку, с тем и в могилку»). «Своей идее он служил и служит всеми доступными для него способами, с нею он поднимается на высоты научной мысли, с нею погружается в самую гущу будничной мужицкой жизни то в роли землемера, то в роли... мирового судьи... Ее он

проповедует и с профессорской кафедры, и со столбцов газеты или журнала. На путь, указываемый ею, он как народный представитель стремится направить государственный корабль» [22, стб.123].

Заявляя на своем юбилее (1915), что он всю жизнь был «непоколебимо убежден в преимуществе мирского землевладения над личной земельной собственностью» и видел корень земельного вопроса в России в «достаточном наделении крестьян землею», Посников особо подчеркивал, что эту мысль высказал еще Радищев, «совершенно правильно формулировавший ее в виде известного вопроса: "Кто же в ниве имеет ближайшее право, если не делатель ее?"» Та же идея, продолжал он, обозначая главные исторические вехи развития близких ему взглядов, – «завещана нам и самыми выдающимися представителями декабристов. Ее же защищал весьма успешно из чужого далека и Герцен», затем – Н.Г.Чернышевский, деятели Великих реформ Александра II. Весомый вклад в исследование крестьянского вопроса, по мнению ученого, внесли на рубеже XIX–XX вв. труды земских статистиков и высочайше утвержденного Соевещения о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые неоспоримо свидетельствовали о крестьянском малоземелье. Обнадеживающей предпосылкой для решения этого вопроса Посников считал аграрный проект кадетской партии в 1-й Думе. Тот факт, что первым подписал этот документ депутат В.Е.Якушкин, внук декабриста, был для Александра Сергеевича глубоко символичным [20].

Серьезный интерес Посникова-студента к вопросам народного хозяйства (прежде всего, общинному землевладению) был поддержан известным экономистом, профессором И.К.Бабстом. Он и предложил выпускнику юрфака продолжить образование на кафедре политической экономики. Тогда же начинающему исследователю была предоставлена возможность для подготовки к магистерскому званию отправиться в научную командировку за границу (Германия, Англия, Франция), которая продолжалась до 1871 г. Потом он еще не раз бывал в Западной Европе. Впечатления от пребывания за границей, изучение опыта других стран в политике и экономике укрепляли ученого в мысли о том, что из иностранного опыта подходит для нашей страны, а что не подходит вовсе.

Посников – конституционалист-демократ? народник?..

Важной вехой в политическом самоопределении Посникова и его ближайших коллег (среди них – Н.И.Зибер, А.И.Чупров, В.М.Соболевский), стала встреча весной 1873 г. в Герма-

нии, получившая в литературе название «съезд русских ученых в Гейдельберге». Движимые стремлением принести пользу Родине, они собрались там, чтобы вместе найти ответ на коренной вопрос русской интеллигенции: что делать, к чему стремиться в общественной деятельности? Добиваться конституции для России, – именно так, в конце концов, они определили свою главную цель. «В то время этот лозунг не мог быть воспринят широкой русской молодежью. Он был рискован, – вспоминал Милюков. – Но своим участием на этом съезде Посников обеспечил за собою место в истории конституционных идей» [14].

Вместе с тем, по словам кадетского лидера, Александр Сергеевич «был не только истинным конституционалистом, но и истинным демократом» [14]. Действительно, как свидетельствовал В.А.Розенберг, с 1886 г. ближайший сотрудник *Русских ведомостей* и соратник Посникова, «для участников съезда конституция была важна... прежде всего, как средство для достижения широких демократических реформ в хозяйственном и общественном строе родной страны. Эта струя искреннего, широкого демократизма роднила их с народническим движением, которое в то время охватило значительную часть русской интеллигентной молодежи. Общий склад экономических воззрений участников гейдельбергского съезда, образовавшийся под преимущественным влиянием Родбертуса и Карла Маркса, также сближал их с социалистически настроенной молодежью того времени. Но, тогда как народничество [18]70-х годов лишь путем продолжительного опыта и тяжелых испытаний много позднее приходит к сознанию важности коренного преобразования политического строя, для маленькой группы, собравшейся в 1873 году на съезде в Гейдельберге, было ясно, что политическая свобода – главный рычаг демократического и социального обновления страны. Это признание капитальной важности вопроса о конституции сближало их со старыми либералами типа Чичерина, от которых они были так далеки в области экономических воззрений, и делало их как бы связующим звеном между главнейшими левыми течениями русской политической мысли. Со временем та политико-социальная концепция, которая была намечена в главных чертах на маленьком гейдельбергском съезде, сделала обширные завоевания во всех слоях русского общества и воплотилась в широком общественном движении... Не будет преувеличением, если мы примем, что многие оппозиционные партии, действующие теперь на политической арене и значительно расходящиеся по своим тактическим и даже программным требованиям, должны считать своей колыбелью этот съезд кучки русских ученых в Гейдельберге. Знамя, поднятое Поснико-

вым и его друзьями, впоследствии собрало вокруг себя многие тысячи убежденных сторонников, усердных, самоотверженных работников на различных поприщах общественной деятельности» [21].

Одним из важнейших событий нашей истории второй половины XIX – начала XX в., связанных с попытками осмысления и решения проблем русской деревни, стал выход в свет главного труда Посникова – «Общинное землевладение» [19], принесшего 30-летнему исследователю «всероссийскую известность не только как выдающемуся ученому, но и как политическому деятелю определенного направления» [22, стб.118]. Книга Посникова – первое научное исследование русской общины в том виде, в каком она сохранилась во второй половине XIX в., «одно из самых крупных явлений в литературе, посвященной изучению экономических условий русского крестьянства после отмены крепостного права». Причем «доводы противников общины были впервые рассмотрены и опровергнуты при помощи строго научных приемов, на основании данных, собранных автором при тщательном изучении земельных отношений как в России, так и в Западной Европе» [2, п. II, д. 23, л. 1–2 об.]. При этом, по признанию самого автора, он вовсе не оценивал общинное владение как «нечто неизменное, окаменелое». Однако применительно к ситуации в России второй половины XIX – начала XX в. убежденно заявлял: пока нет никаких оснований и необходимости насильственно отменять традиционный уклад жизни русской деревни и ускорять переход от общины к частной собственности на землю. «Община для нашего государства должна представлять такой же интерес, как железные дороги, кредитные учреждения, система правосудия и т.д., – настаивал Посников. – Именно общий интерес и общее благосостояние требуют не ломать общину, а, напротив, дорожить ею, заботиться о ее существовании». Ученый обосновывал экономическую состоятельность общины в условиях рынка, характеризовал ее как благоприятную базу для развития коллективных форм предпринимательства (артели, товарищества, кооперативы). По его мнению, несмотря на очевидные стеснения от «мирского» устройства (круговая порука, невозможность свободно распоряжаться своим наделом и т.д.), общину следовало рассматривать как «противовес» усилению господства частной собственности и разрушительным последствиям этого процесса (рост имущественного неравенства, социальной напряженности). «Община давно признана лучшей гарантией против развития пролетариата; пусть в ней лежит главная причина медленности экономического развития. Лишь бы массе был

обеспечен кусок насущного хлеба», – так сформулировал Н.И.Кареев идею книги Посникова [16, с.1].

Модель «смешанной экономики» для России

Впоследствии автору «Общинного землевладения» не раз приходилось выступать с разоблачением мифа, перекочевавшего в Россию из Европы. Мол, община – это зародыш

коммунизма, а потому она представляет угрозу для «священного» права личной собственности, которое, в свою очередь, есть главный двигатель прогресса; соответственно, каждый защитник общины – революционер, «красный», крайний из крайних. Подобные размышления – результат абсолютного незнания и непонимания сути дела, – терпеливо разъяснял ученый. Сторонник равновесного сотрудничества интересов (личного и общественного), многообразия форм собственности, он внес значимый вклад в построение принципиально новой экономической модели. Ее основные черты – сосуществование на равных правах хозяйственных форм, вырастающих из народного быта (община, крестьянские артели), различных видов кооперации, образцовых помещичьих хозяйств, развитие частной предпринимательской инициативы, сохранение роли государства в экономике при условии коренной перестройки принципов управления. Посников и его единомышленники стремились наметить в общественном развитии своего рода «третий путь», основанный на принципах свободы и справедливости, русло которого было определено Великим реформами Александра II, иначе говоря – создать российский вариант смешанной экономики, «социального рыночного хозяйства».

В споре с противниками общины Посникова поддержал известный ученый, участник подготовки Крестьянской реформы 1861 года К.Д.Кавелин, выступивший вскоре с собственным сочинением на ту же тему. Он также предупреждал: рассуждая о таком масштабном и сложном явлении, как русская община, надо «уходить» от стереотипов. Мол, у нас сельское хозяйство идет плохо, а в Европе хорошо; у нас распространено общинное землевладение, а в Европе оно давно упразднено; значит, во всем у нас виновато общинное владение, соответственно, если его упразднить, то крестьянское хозяйство пойдет сразу в гору. «С такими аналогиями можно договориться Бог знает до чего», – заключал Кавелин. Единственный верный и правильный путь в этом вопросе и маститый ученый, и его молодой коллега видели во всестороннем изучении общины. Безусловно, соглашались они, надо учитывать и чужой

опыт, но не следует смотреть на вопрос об общине сквозь «европейские очки», и вообще «чужие выводы из чужих фактов» надо использовать с большой осторожностью [9, стб.235–236].

Кстати, русские защитники общины обращали внимание на то, что Западная Европа тогда уже столкнулась с проблемой роста вражды между трудом и капиталом, богатыми и бедными. В связи с этим там стали отказываться от прежнего взгляда на общину как на своего рода «зло» и соответственно сожалеть о том, что своевременно не были приложены усилия к ее сохранению. Кавелин подчеркивал: тем более этот опыт важен для России. Пока не поздно, нам надо «воспользоваться своим же добром как следует, чего до сих пор не можем и не умеем», – грустно заканчивал он свою мысль, и, похоже, вовсе не был уверен в том, что у России и на этот раз получится с умом распорядиться собственными выгодами [9, стб.281].

Кавелин был солидарен с Посниковым, который не уставал повторять: говорить, что именно община виновата в плохом положении многих крестьянских хозяйств – это все равно, что братья объяснять упадок помещичьего хозяйства и считать корнем зла принцип частной собственности. Посников подчеркивал: не община вредит крестьянам, а другие, гораздо более серьезные причины. Значит нужно не общину ликвидировать, а, прежде всего, устранить малоземелье и гражданское бесправие крестьян.

По признанию современников, труд Посникова об общинном землевладении явился стимулом для земских статистических исследований экономического положения русской деревни, а также активизации работы Русского географического и Вольного экономического обществ. Основной вывод ученого о жизнеспособности общинного землевладения был подтвержден в 1890-х гг. в ходе земской работы по оказанию агрономической помощи населению. Земская агрономия считала его «своим духовным отцом, своим идейным руководителем» [11]. Примечательно, что и спустя почти четыре десятилетия после выхода книги в свет, она, по словам А.А.Мануилова, не потеряла своего научного значения [12].

**Посников и С.Ю.Витте:
опыт сотрудничества**

Научные аргументы и выводы Посникова и его единомышленников были настолько основательны, что привлекали внимание правящих «сфер». Так, в середине 1890-х гг.

министр финансов С.Ю.Витте обратился к Посникову и Чупрову с просьбой выступить в качестве независимых экспертов по ситуации, сложившейся в ту пору в российской экономике в связи с понижением мировых цен на зерно. Дело в том, что лейтмотивом обращений крупных землевладельцев в правительство тогда было настойчивое требование государственной поддержки их хозяйств. «Продавливая» свои интересы, они, тем не менее, старались представить дело так, что якобы все сельское хозяйство переживает кризис в связи с низкими ценами на хлеб, и что это – всенародное бедствие. Витте поручил Посникову и Чупрову организовать научное исследование и дать обоснованный, правдивый и точный ответ на вопрос: какое же все-таки влияние на различные слои населения и на различные стороны русской экономики оказывают изменения в уровне урожая и цен на хлеб.

Итогом проделанной работы стал солидный по объему двухтомник, вышедший под редакцией Посникова и Чупрова в 1897 г. [6]. Мало нашлось бы в русской литературе книг, отмечал сам Александр Сергеевич, появление которых сопровождалось такой бурей в прессе, поднявшейся чуть ли не на следующий день после ее выхода из типографии. Причем это был вовсе не огонь критики, а исключительно поток раздражения и неприкрытой злобы. «Главное положение... книги заключается в том, что современный сельскохозяйственный кризис, выражающийся в крайнем понижении хлебных цен, затрагивает интересы не большинства, а меньшинства русских земледельческих хозяйств, – разъясняли ситуацию редакторы. – Наши критики не могут переварить этого положения, не могут помириться с той мыслью, что в стране, которая издавна считалась и до сих пор именуется житницей Европы, для большинства хозяйств или безразличны, или даже выгодны низкие цены хлеба. Это господствующий мотив, который дает основной тон всей критике. Наше утверждение объявляется какой-то ересью, вопиющим нарушением не только общепризнанных аксиом науки, но даже простого здравого смысла» [25, №4, с.117–118]. Наряду с мифом о «России – житнице Европы» («никакого обилия хлеба в России нет, отсюда давно уже вывозится за границу то, в чем сами нуждаемся, а крестьяне сплошь и рядом набивают свои желудки разными суррогатами хлеба»), авторы двухтомника опровергли еще одно распространенное заблуждение. Согласно ему с обесценением главного производимого в стране продукта обесценивается и труд, а, значит, большинству крестьян в России выгодны высокие цены на хлеб. В этой связи Посников и Чупров констатировали, что данное правило справедливо для Западной Европы, а в «нашей

земледельческой стране, еще только совершающей переход к системе денежного хозяйства, эта формула практически не осуществляется: с обесценением хлеба труд у нас дорожает» [25, №7, с.129].

Результаты исследования позволили сорвать маску с влиятельного землевладельческого лобби, представители которого утверждали следующее. Поскольку зерно в России – основной экспортный товар, значит государству выгодно, чтобы цены на него были высокими, а, следовательно, верховная власть должна, в первую очередь, защищать интересы крупных помещиков – основных поставщиков товарного хлеба. Посников и другие создатели книги были убеждены в обратном. Они настаивали на том, что нельзя даже сопоставлять эти величины – с одной стороны, выгоды одного крупного хозяйства, которое продает сотни тысяч пудов зерна и выигрывает при поднятии цен на хлеб десятки тысяч рублей, а с другой – потери нескольких тысяч хозяйств, покупающих хлеб пудами и потому испытывающих немалые трудности при его вздорожании. Идти по такому пути, по мнению редакторов издания, значило бы «забывать человека из-за товара»; «драгоценнейшие блага» – это, прежде всего, «силы и здоровье народа», а значит, государственный интерес должен всегда состоять в поддержке нужд большинства населения [25, №4, с.125; №7, с.118].

Впоследствии Вите не выпускал из поля зрения Посникова, привлекая к разного рода государственным проектам, в т.ч. как одного из лучших знатоков земельных отношений в России. В конце 1904 – начале 1905 г. ученый был приглашен к участию в работе созданного по инициативе министра финансов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Выступая на его заседаниях, Александр Сергеевич предупреждал: «если не допустимы насильственные меры, направленные против общины, то... столь же недопустимо принуждать крестьян оставаться вопреки их желанию при общинном землевладении. Нужно предоставить каждому свободу выхода из общины» [3, л.98–98 об.]. По его мнению, следовало уравнивать в правах общину и отдельного домохозяина: пусть свободно развиваются все формы землевладения, а судьбу общины в конечном итоге решит сама жизнь. Чтобы не допустить расхищения мирской земли, он предлагал выдел участков поставить под контроль общины («выделяющиеся не должны иметь возможности присвоить себе больше того, что следует им соответственно численному составу их семейств»).

В очередной раз Посников тогда подверг критике представление о якобы «магической силе частной собственности», выраженное в извест-

ных словах А.Юнга («дайте человеку в собственность голую скалу, и он превратит ее в сад»). «Когда говорят серьезно о магическом действии частной собственности, то предполагают, что она существует в общественных условиях благоприятных. Я не принадлежу к тем, которые считают, что только личная собственность на землю в состоянии обеспечить человеку плоды его труда; я убежден, что собственность коллективная также дает это обеспечение и также в состоянии повести к магическим последствиям, о которых свидетельствовал Артур Юнг. Но какой бы вид собственности мы ни отстаивали... мы предполагаем, что все другие разнообразные условия жизни общественной поставлены правильно: управление, суд, народное образование, податная система, кредит и т.д. – все это должно соответствовать требованиям экономически организованного, современного правового государства. Если мы превратим наших поселян, хозяйничающих в очень тяжелых условиях, в частных собственников и оставим неизменными наши современные условия общественной жизни, то не только не произойдет никакого магического влияния от установления частной собственности, но, я склонен думать, произойдет заметное ухудшение в положении как самих крестьян, так и их хозяйств» [3, л.104 об.–105].

**«Безумие аграрных планов»
П.А.Столыпина**

Наиболее развернутый ответ на тему «как следует решать в России аграрно-крестьянский вопрос» Посников представил в программе ПДР, в которую было включено раньше, чем в

кадетской программе, требование образования государственного земельного фонда (в т.ч. за счет принудительного выкупа государством части помещичьих земель) для дополнительного наделения крестьян землей. По его мнению, землю из упомянутого фонда следовало передавать крестьянам не в собственность, а в бессрочное пользование за установленную законом умеренную плату, однако с правом передачи надела по наследству. Дело не в праве собственности, вновь повторял Посников, а в должном ограждении интересов земледельца. Известный ученый-экономист, член Конституционно-демократической партии М.Я.Герценштейн характеризовал аграрную программу ПДР как «самую обширную аграрную программу», которая «продиктована стремлением служить крестьянам, а не помещичьим интересам» [7].

Закономерно, что с началом аграрной реформы П.А.Столыпина Посников оказался в числе ее критиков. «Безумие аграрных планов» пра-

вительства он усматривал в политике форсированного разрушения общины. «Можно петь какие угодно песни о преимуществах отрубного, хуторского хозяйства на небольших клоках земли, принадлежащих частным собственникам, – в жизни будет трудно осуществить без принуждения, без прямого насилия этот аграрный идеал в сколько-нибудь широких размерах» [18, с.257]. Посников характеризовал Указ 9 ноября 1906 г. как «продукт политики мести и явной вражды», который «направлен против устоев деревни и начал коллективизма... открывает новый период в нашей земельной политике, преследующей цели, прямо противоположные тем, которые ставились Положением 19-го февраля 1861 г. Вместо широкой цели – обеспечения всех крестьян – наша новейшая земельная политика, заботящаяся лишь о более состоятельных, ведет явно к обезземелению крестьянства» [20]. Несмотря на очевидные для него разрушительные последствия столыпинской аграрной реформы, Посников верил в возможность возрождения общинного землевладения в России в форме земледельческой кооперации, при этом он ссылаясь на пример Великобритании и Ирландии, где в начале XX в. развитие кооперативного земледелия демонстрировало впечатляющие успехи.

Свою линию по аграрному вопросу ученый продолжал вести и в качестве депутата 4-й Думы. Он был одним из авторов законопроекта о реформе земельной аренды, преследовавшего цель смягчить социальную напряженность в деревне. Фактически детищем Александра Сергеевича стал законопроект о прогрессивном подоходном налоге. Отмечая его большой личный вклад в разработку и принятие документа, современники определяли последний как “lex Posnikoff” [8]⁷.

В пору своей парламентской деятельности Посников являлся членом ЦК Партии прогрессистов, прямой «наследницы» ПДР. Несмотря на разногласия по аграрному вопросу, его объединяли с «однопартийцами» «искренний конституционализм и земские симпатии». Он был избран заместителем председателя думской фракции прогрессистов. Горячий сто-

⁷ Характерной чертой документа было определение довольно высокого прожиточного минимума, свободного от обложения (800 руб.). Предусматривалась также прогрессивность ставок – от 1,5% (при доходе свыше 800 руб.) до 8% (при доходе свыше 200 тыс. руб.). Налогообложению подлежали не только физические, но и юридические лица (за исключением земских и городских организаций, благотворительных, научных, просветительных обществ и т.п.). Введено в действие Закона о подоходном налоге, принятого в апреле 1916 г. (с отсрочкой платежей до 1917 г.), помешали события революционного 1917 г. Подоходный налог как основа системы налогообложения был введен в нашей стране только в период нэпа, в 1922–1924 гг.

ронник образования Прогрессивного блока, Посников входил в его состав с момента создания объединения в августе 1915 г. Поддерживая лозунг образования «ответственного министерства», он в то же время неизменно указывал на опасность усиления радикализации настроений и действий. Так, в конце октября 1916 г. Александр Сергеевич пытался предостеречь своих соратников (правда, безуспешно) от выхода из Прогрессивного блока в знак протеста против отсутствия в декларации блока требований «ответственного министерства» и создания комиссии для расследования действий правительства, приведших к обострению внутреннего кризиса (прежде всего, продовольственной проблемы). Уже в эмиграции И.Н.Ефремов, лидер прогрессистов в 4-й Думе, вспоминал предупреждение Посникова: «Нельзя делать революцию во время войны. Только будет победить в этой борьбе народов. Победив немцев, русский народ сумеет завоевать и свои права, и свою свободу». Он признавал: «Как глубоко был прав дорогой Александр Сергеевич: революция во время войны привела русский народ в конечном счете к рабству» [1, л.16–17].

**1917 год в судьбе Посникова:
взлет и падение**

Фигура Посникова не затерялась и в бурных событиях революционного 1917 года. И тогда оказались востребованными его знания, опыт и энергия. 22 марта на заседании

Временного правительства ему было поручено руководство реорганизацией Дворянского и Крестьянского банков с целью объединения их в Государственный земельный банк. С 28 марта по 26 мая он занимал пост управляющего Дворянским и Крестьянским банками (с правами товарища министра финансов). В апреле Посников стал одним из организаторов Лиги аграрных реформ, куда вошли представители 20 губерний и практически все известные ученые-аграрники. Определяя в качестве своей цели подготовку земельной реформы, члены этой общественной организации полагали, что «в основу аграрного строительства России должно лечь трудовое крестьянское хозяйство», однако при проведении преобразований необходимо действовать осмотрительно, учитывать местные условия и не «рубить сплеча». Подобный настрой был характерен и для Главного земельного комитета (ГЗК) при Временном правительстве, председателем которого Посников был назначен 23 апреля. Будучи убежден в том, что «государственная идея, идея общего, целого должна быть доминирующей и решающей», он, как и прежде, считал, что «земля по существу не может

быть объектом частной собственности, а должна передаваться лишь в пользование того, кто ее обрабатывает, оставаясь коллективной, государственной и т.д.» [17, с.643]. При этом в разработанных под его руководством положениях о главном и местных земельных комитетах доминировала идея о «невозможности прямолинейного разрешения аграрного вопроса по тем или иным теоретическим построениям», подчеркивалась необходимость подходить к этой проблеме «с крайней осторожностью, взвешивая и оценивая каждый шаг и принимая во внимание все разнообразие местных условий огромной по своей территории страны». Важнейшей задачей земельных комитетов всех уровней провозглашалось, – наряду с подготовкой аграрного вопроса к рассмотрению в Учредительном собрании, – «внесение успокоения в крестьянскую среду (а также армию, «волнуемую слухами о происходящем будто бы в ее отсутствие земельном переделе») путем противопоставления анархическому движению в деревне не силы, а «единственно морального воздействия и авторитетных убеждений» [23].

Следует, однако, признать, что уже к концу июля 1917 г. Посников убедился в невозможности реализации аграрной политики по предложенному им «сценарию». Роковую роль в этом сыграла не только стихия крестьянских «самоуправств», захлестнувшая страну. Работа Главного земельного комитета была фактически парализована действиями министра земледелия, эсера В.М.Чернова. «Создав строго партийные земельные комитеты, министр стремится передать им возможно больший объем прав на земельную площадь данного района», – характеризовала редакция *Русских ведомостей* политику Чернова. В случае реализации его проектов, отмечалось в газете, «фактическое перераспределение земель произойдет очень быстро, и Учредительному собранию в аграрном вопросе нечего будет делать». Примечателен и стиль отношений министра с Главным земельным комитетом: Чернов фактически игнорировал существование учреждения, возглавляемого Посниковым, действуя параллельно с ним (в т.ч. издавая инструкции местным земельным комитетам) и не считая должным даже осведомлять Посникова о своих мероприятиях. На заседаниях Временного правительства Чернов последовательно отстаивал тезис «о необходимости путем издания соответствующего постановления правительства нормировать наблюдающееся стремление крестьян захватить частновладельческие земли, превратив теперешние "разрозненные самочинные захваты" в "захваты организованные"» [4].

Как-то на совещании ГЗК представитель одного из местных земельных комитетов «с большим самодовольством рассказывал, как художественно они обработали дело, рекомендуя и другим следовать их примеру: спокойно снимать рубашку с помещиков, но так, чтобы они не кричали». По словам очевидца этой сцены, «В.М.Чернов сиял, и только А.С.Посников говорил о глубине вреда такого художества» [15]. В конце июля 1917 г., в результате конфликта с Черновым, Посников подал в отставку с поста председателя ГЗК. Несмотря на последовавшее вскоре его возвращение на эту должность (после переговоров, инициированных министром) разногласия между двумя политиками, продолжали давать о себе знать, усугубляя и без того тяжелейшую ситуацию с решением аграрного вопроса.

Октябрьская революция 1917 г. окончательно поставила крест на планах преобразования общества, которые Посников вынашивал на протяжении нескольких десятилетий. Однако он «не сдавался» до последнего. Переехав из Петрограда в свое имение под Вязьмой и поселившись в разгромленном и разграбленном красноармейцами доме, Александр Сергеевич оказался в крайне бедственном положении, лишенный жалованья и пенсии [2, карт.18, д.50, л.4–4 об.]. К тому же его здоровье и силы были уже ощутимо подорваны семейными неурядицами. Он давно овдовел, его вторая (гражданская) жена умерла в 1895 г. В начале ноября 1917 г. умер на 40-м году жизни один из его сыновей, тоже Александр, – успешный публицист. Примерно в это же время (конец 1917 – начало 1918 г.) пропала без вести дочь Посникова, Татьяна. В результате на руках Александра Сергеевича оказались внуки, а сам он – «на грани жить подаянием». «Искренне говорю Вам, я едва-едва в силах тянуть эту лямку...», – доверял он мрачные предчувствия ближайшему другу [2, карт.18, д.50, л.23]. Пристроив внуков под присмотр семьи своего брата Сергея, Посников, как за соломинку, хватается за приглашение коллег вернуться вновь к преподаванию в Петроградском политехническом институте. Туда он перебрался в начале апреля 1918 г.

В родном вузе, в знак признания заслуг Александра Сергеевича и видя его немощное физическое состояние, ему назначили усиленный паек. Но думая не о себе, а прежде всего об оставленных внуках, он устраивается на работу еще и в Агрономический, и в Лесной институты. Его угнетают перемены в стране – голод, всеобщий разлад, отсутствие нормальных условий для работы. Посников вместе с коллегами тяжело переживает отмену автономии высшей школы. В конце 1921 г. они пытаются противостоять введению в жизнь нового Положения о высших

учебных заведениях. «Это не преобразование высшей школы, а потрясение ее основ», – записали они в своей резолюции-протесте. Но – всё безуспешно. Также не удалось старой профессуре повлиять и на реформу преподавания на экономическом факультете, затеянную новым руководством под лозунгами ликвидации многопредметности и борьбы с «буржуазной идеологией». В декабре 1920 г. Посников представил собственную учебную программу. Она содержала обширные разделы по истории экономических учений, и только в конце этого документа было записано: «К.Маркс и Ф.Энгельс. Главные их произведения и специальное объяснение "Капитала" Маркса и "Коммунистического манифеста"». Программа была разгромлена «в пух и прах». В вину ученому было поставлено то, что «основоположникам научного социализма отведено времени не больше, чем Прудону и Лассалю» [4, с.116–117]. Измученного морально и физически 77-летнего Посникова его коллеги и друзья отправили в санаторий «Узкое» (бывшее имение князей Трубецких) под Москвой. Там он и обрел последнее пристанище.

Подводя итог жизненному пути и трудам Посникова, следует отметить, на наш взгляд, главное – его упорное стремление всегда следовать здравому смыслу, соединять науку с жизнью, политику с моралью. Человек не суесть, но сути, он был примером для многих, излучая неизбывный оптимизм и творческое, созидательное настроение. В некрологе в эмигрантской газете *Последние новости* (Париж) П.Н.Милюков, отводя Посникову «видное и почетное место в истории русской общественности, русской печати, русской науки и русской интеллигенции», замечал: «В лице покойного сошел в могилу один из последних могилок славного поколения русской интеллигенции [18]70-х годов. ...В духе того времени А.С.Посников был "народником" и этой народнической закваске он не изменил до конца жизни. Но он не был ни доктринером, ни утопистом народничества ... Серьезная научная подготовка сохранила его мысль – живой и свободной...» [12]. По сути, являясь «народником-западником», Посников объединил в себе то, что лишь на первый взгляд представляется несовместимым: критический подход к анализу русской жизни, «во всеоружии» достижений западной науки, и глубокую любовь к крестьянскому хозяйству, сострадание народным массам, стремление внести посильный вклад в улучшение их положения.

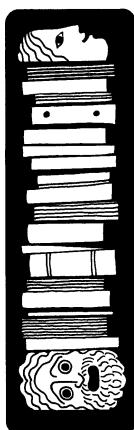
В биографии Посникова остается еще немало «белых пятен». Однако не подлежит сомнению актуальность его научного и практического опыта, который к тому же «работает» на реабилитацию самой идеи либерализма в современной России.

Список сокращений

ВЕ. – Вестник Европы (Санкт-Петербург).
РВ. – Русские ведомости (Москва).

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф.5881. Оп.1. Д.24.
2. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф.251.
3. Российский государственный исторический архив. Ф.1233. Оп.1. Д.107.
4. Аграрный вопрос во Временном правительстве [Политические известия] // РВ. 1917. 10 авг. №182.
5. Бурцев Г.В. Политехнический институт в первые годы Советской власти (1918–1922 гг.) // Труды Ленинградского политехнического ин-та им. М.И.Калинина. Л., 1957. №190. С.91–124.
6. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / Под ред. А.И.Чупрова и А.С.Посникова. СПб.: Тип. В.Ф.Киршбаума, 1897. Т.1. 532 с.; Т.2. 381 с.
7. Герценштейн М. Аграрный вопрос в программе Партии демократических реформ // Московский еженедельник. 1906. №4. С.109–113.
8. Дэн В.Э. А.С.Посников (К 70-летию юбилею) // Речь. [Пг.], 1915. 14 дек. №344.
9. Кавелин К.Д. Общинное владение // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб: Тип. М.М.Стасюлевича, 1898. Т.2: Публицистика. Стб.217–286.
10. Ковалевский М. Юбилей Посникова // ВЕ. 1916. №1. С.456–459.
11. Левицкий Ал. А.С.Посников и общественная агрономия [К 70-летию А.С.Посникова] // РВ. 1915. 13 дек. №285.
12. [Мануилов А.А.] Речь А.А.Мануилова [Чествование А.С.Посникова] // РВ. 1915. 15 дек. №287.
13. Милоков П.Н. А.С.Посников [Некролог] // Последние новости. Париж, 1922. 26 авг. №722.
14. [Милоков П.Н.] Речь П.Н.Милокова [Чествование А.С.Посникова] // РВ. 1915. 15 дек. №287.
15. Мозжухин И. Третий съезд Лиги аграрных реформ // РВ. 1917. 26 ноября. №259.
16. Н.К-в. [А.Посников. Общинное землевладение. Вып.1. Ярославль, 1875] // Знание. СПб., 1875. №5. С.1–4.
17. Посников А. Задачи Главного Земельного Комитета (Три речи) // ВЕ. 1917. №4–6. С.637–659.
18. Посников А. Политика разрушения в аграрном вопросе. (Закон 9-го ноября 1906 г.) // ВЕ. 1908. №5. С.243–267.
19. Посников А.С. Общинное землевладение. Ярославль: Тип. Г.В.Фальк, 1875. Вып.1. 166 с.; Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1877. Вып.2. 224 с.
20. [Посников А.С.] Ответная речь А.С.Посникова [Чествование А.С.Посникова] // РВ. 1915. 15 дек. №287.
21. Розенберг В. «Живая душа» (читано в Петрограде на чествовании А.С.Посникова 14-го декабря 1915 г.) // РВ. 1915. 15 дек. №287.
22. Розенберг В. Посников Александр Сергеевич // Энциклопедический словарь Русского библиографического ин-та Гранат. М.: Изд-во тов-ва А.Гранат и К°, 1916. Т.33. Стб.114–123.
23. Учреждение земельных комитетов // РВ. 1917. 14 апр. №82.
24. Хозиков В.И. Политех для России. Первые 50 лет Санкт-Петербургского государственного технического университета. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1999. 348 с.
25. Чупров А., Посников А. По поводу полемики о дешевом хлебе // Русское богатство. СПб., 1897. № 4, 7.



Владимир Печатнов

ЭХО ФУЛТОНСКОЙ РЕЧИ ЧЕРЧИЛЛЯ

(ПО НОВЫМ ДОКУМЕНТАМ)

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
327

Документальный очерк посвящен анализу малоизвестных обстоятельств вокруг знаменитой речи У.Черчилля в Фултоне. Он написан на основе архивных документов Великобритании, прежде всего – отчетов британского посольства в Вашингтоне о поездке Черчилля по США и реакции американской общественности и политических кругов на фултонскую речь. Показывается, что поначалу эта реакция была во многом негативной, что заставило Черчилля изменить акценты в его последующих выступлениях в США. Однако в долгосрочном плане, как показывает анализ этих документов, речь о «железном занавесе» способствовала сдвигу американских общественных настроений в сторону холодной войны.

The documentary essay explores the less-known circumstances surrounding the famous Fulton speech by W.Churchill. It is based on the British archival sources, first of all – reports from the British Embassy in Washington on Churchill's visit to the United States and on American public reaction to the Fulton speech. It demonstrates that the initial response was very mixed which pushed Churchill to change emphasis in his subsequent speeches in the U.S. But ultimately, as concluded by the author, the "iron curtain" speech contributed to the shift of American public to the cold war mode.

Ключевые слова: Фултонская речь; Черчилль; Трумэн; Галифакс; холодная война.

Key words: Fulton speech; Churchill; Truman; Halifax; cold war.

E-mail: vopechatnov@gmail.com

Пожалуй, ни одна из политических речей в XX веке не привлекала к себе такого внимания современников, а потом и историков, как фултонская речь У.Черчилля, произнесенная 70 лет назад. Казалось бы, мы знаем о ней всё. И тем не менее в фултонской истории остаются страницы, мало известные даже специалистам. Речь идет об отчетах британского посольства в Вашингтоне об американской поездке бывшего премьер-министра в январе–марте 1946 г. Возглавляемое тогда опытейшим дипломатом лордом Галифаксом (1881–1959), оно самым внимательным образом отслеживало выступления Черчилля и реакцию на них в США. Документы эти давно рассекречены и хранятся ныне в Национальном Архиве Великобритании (фонд Форин Офис) [2], но оказались недооцененными или вовсе не замеченными историками. Между тем эти тонкие профессиональные наблюдения, сделанные по горячим следам событий, представляют большой интерес. Тем более что их главным автором является сам Галифакс – один из столпов британских тори, с начала 1920-х годов входивший в состав правительств консерваторов, вице-король Индии (с 1926 г.) и министр иностранных дел страны в 1938–1940 гг. В истории дипломатии его имя связано, прежде всего, с постыдной политикой умиротворения Гитлера; но в свою бытность послом в Вашингтоне он проявил себя верным соратником Черчилля и много сделал для укрепления «особых отношений» между Великобританией и США. Галифакс обладал уникальными связями в американской столице, был вхож во все вашингтонские кабинеты, включая «Овальный», и прекрасно разбирался в кухне заокеанской политики. Его депеши и рекомендации имели в Лондоне большой вес еще и потому, что и с Черчиллем, и с Кабинетом этот потомственный аристократ держался как равный с равными.



Перед речью о "железном занавесе":
Черчилль и Трумэн
в Вестминстерском колледже (г.Фултон)

Хотя Черчилль приехал в США как частное лицо, его визит привлек к себе большое внимание и получил в стране широкую рекламу. Еще 20 января 1945 г. Госдепартамент объявил о предстоящем визите экс-премьера и его заявленной речи в Фултоне как о важном событии. Британское посольство, естественно, не осталось в стороне. Вот хронология первой части визита «достопочтенного Уинстона Черчилля», зафиксированная в итоговом отчете Галифакса от 15 апреля.

[...] 2. М-р Черчилль прибыл в Нью-Йорк днем 14 января в сопровождении м-с Черчилль. Его встречали от имени Президента представители военного и военно-морского министерств, а также генеральный консул Великобритании в Нью-Йорке. Сойдя с парохода, м-р Черчилль кратко заявил представителям прессы о своем удовольствии от прибытия в США, после чего вечером того же дня вместе со своим окружением отправился поездом в Майами.

3. Во время пребывания в Майами м-р Черчилль был гостем полковника Фрэнка Кларка¹. В день своего прибытия туда он провел пресс-конференцию и затем, к огорчению своих многочисленных поклонников, удалился на отдых, чтобы восстановить свое здоровье и предаться любимому хобби – занятию живописью. Краткий отчет об этой пресс-конференции уже был послан в полуофициальном письме м-ра Райта м-ру Диксону от 18 января². В ходе этой пресс-конференции м-р Черчилль высказался за предоставление займа Великобритании и ясно дал понять, что не профессор Ласки, а Премьер-министр Эттли несет ответственность за политику правительства Его Величества³. Он также высказался в поддержку Организации Объединенных Наций и осудил тоталитаризм.

4. С 1 по 8 февраля м-р Черчилль побывал на Кубе с визитом, информация о котором содержится в сообщении посланника Его Величества в Гаване от 9 февраля. По возвращению в Майами он планировал встретиться там с Президентом Трумэном, чтобы обсудить подробности своей предстоящей совместной поездки в Вестминстер-колледж в Фултоне, штат Миссури, 5 марта. Но Президенту пришлось по делам остаться-

¹ Старый знакомый Черчилля, канадский судовладелец и промышленник, у которого Черчилль останавливался во время первой Квебекской конференции в 1943 г.

² Р.Диксон – ответственный сотрудник Форин Офис.

³ Идеолог левых лейбористов Г.Ласки часто критиковал политику лейбористского правительства К.Эттли и вызывал большое раздражение Черчилля.

ся в Вашингтоне, так что м-р Черчилль сам вылетел в Вашингтон 10 февраля и вернулся в Майами 12-го числа. С 20 по 25 февраля он побывал в Лантене, штат Флорида, где встречался с мадам Бальзан – матерью герцога Мальборо⁴.

5. Во время пребывания в Майами м-р Черчилль встречался с конгрессменом У.Колмером (демократ от штата Миссисипи), недавно побывавшим в Великобритании в качестве главы комитета Палаты представителей по послевоенному экономическому планированию. 16 февраля ему нанесли визит м-р Бернард Барух⁵ и Государственный секретарь м-р Бирнс. 25 февраля ему вручили диплом почетного доктора права Университета Майами. По этому случаю м-р Черчилль произнес краткую речь, в которой поблагодарил университет за оказанную ему честь. Его выступление было спокойным и вызвало теплые аплодисменты публики, когда он поблагодарил жителей Майами за прекрасный прием, оказанный летчикам Королевских ВВС, которые проходили там обучение в годы войны. Он вызвал смех аудитории словами о том, что в молодые годы его академические заслуги были крайне скромными, зато в пожилом возрасте он получил больше почетных степеней, чем кто-либо из его современников. Его призыв предоставить особые условия для образования бывших военнослужащих также вызвал теплую реакцию. Последний раз в Майами он появился на публике во время коктейля в клубе серфинга, устроенного полковником Кларком, на котором также присутствовал адмирал Хэлси⁶.

6. 3 марта м-р Черчилль прибыл поездом в Вашингтон. Во время пребывания он со своей свитой были моими гостями в посольстве, куда вскоре прибыл и м-р Рэндольф Черчилль⁷. В тот же день м-р Черчилль встретился с президентом Трумэном и 4 марта они вместе отправились на поезде в Фултон, где на следующий день он произнес свою речь в Вестминстер-колледже. В моих телеграммах от 8 и 10 марта описыва-

⁴ Дальняя родственница Черчилля, происходившего, как известно, из знаменитого рода Мальборо.

⁵ Влиятельный американский финансист и политический деятель, советник президентов В.Вильсона, Ф.Рузвельта и Г.Трумэна. В марте 1946 г. назначен представителем США в Комиссии ООН по атомной энергии, в июне 1946 г. предложил известный «план Баруха», предусматривавший сохранение монополии США на атомное оружие.

⁶ У.Хэлси – адмирал флота, в конце Второй мировой войны командовал 3-м флотом ВМС США.

⁷ Сын У.Черчилля, занимавшийся тогда журналистикой.

лось впечатление, которое речь произвела на американское общественное мнение, и та горячая дискуссия, которая развернулась после нее⁸.

В ходе поездок Черчилль продолжал работать над своей речью и даже репетировал ее перед зеркалом. В Вашингтоне он обсуждал текст с Галифаксом и получил от него кое-какие советы. 12 февраля – после первого пребывания Черчилля в британском посольстве – лорд записал в своем дневнике: «Он хочет говорить очень откровенно о важности теснейшего англо-американского сотрудничества и думает, что может это сделать, не обижая дядюшку Джо, который, тем не менее, как он надеется, прочтет речь между строк с пользой для себя». Сталин действительно прочтет речь очень внимательно и использует ее с пользой для своего дела. Но обратимся к упомянутым Галифаксом телеграммам, в которых содержались первые оценки реакции на фултонскую речь.

Из телеграммы посла Галифакса от 8 марта 1946 г.

[...] 2. Общая картина произведенного речью эффекта на сегодня сводится к следующему: хотя большинство комментариев содержат критику речи в целом или отдельных ее аспектов, все они, за исключением исходящих от крайне левых и русофилов, не могут не признать, что данный в ней анализ ситуации несет в себе элемент правды, сколь бы неприятной она ни была. Левая пресса и радио (то есть большинство радиокомментаторов) осуждают речь как поджигательскую и империалистическую, как призыв к новому антикоминтерновскому пакту, оправдывающий наихудшие подозрения русских и т.д. Но даже они вынуждены смягчить свою критику признанием былых заслуг м-ра Черчилля и оговорками о том, что в данном случае говорил скорее «плохой», чем «хороший» Черчилль.

3. Более умеренные комментаторы гораздо больше готовы признать неприятные факты, на которые обратил внимание м-р Черчилль, но их отпугивают предлагаемые им решительные меры, как-то тесный военный союз и др. Нападки на это предложение строятся на традиционных основаниях: непопулярность официальных союзов, отказ от поддержки британского империализма, нежелание быть использованными для таскания британских каштанов из огня, опасение, что такой союз нанесет «смертельный удар» Организации Объединенных Наций и т.п.

⁸ *The Earl of Halifax to Mr. Bevin, 15th April, 1946 // [2, p.118].*

4. В то же время совершенно ясно, что ни один государственный деятель, будь то американец или иностранец, не смог бы добиться столь многого такой недорогой ценой. Естественно, что реакция на столь резкую конкретику осложняется нервозностью и нежеланием посмотреть в глаза тревожной перспективе. М-р Черчилль оказался в положении зубного врача, который обнаружил острое воспаление и предлагает использовать бормашину с возможным последующим удалением больного зуба. Все, кроме левых журналистов и политиков, признают, что с этим зубом и впрямь что-то неладно; некоторые склонны подозревать, что положение действительно серьезно, но почти все с искренним или поддельным ужасом содрогаются при мысли о бормашине и жалуются на то, что этот доктор известен своим пристрастием к радикальным методам, тогда как современная медицина, конечно, располагает менее болезненными способами лечения, и что предложенный м-ром Черчиллем жестокий метод означает возврат к негуманной и старомодной практике. Однако несомненно, что после этой речи, в отличие от заявлений Бирнса, Ванденберга⁹ или Даллеса¹⁰, американской публике будет намного труднее игнорировать стоящий перед ней болезненный выбор. Комментаторы недовольны тем, что неприятные факты были изложены очень откровенно, но мало кто осмеливается отрицать обоснованность сути диагноза, поэтому возмущение обрушилось в основном на рекомендации.

5. Реакция Конгресса во многом сходна. Республиканцы и южные демократы одобряют нападки на коммунизм и предостерегают против его умиротворения, но с различной долей скепсиса относятся к идее англо-американского союза, направленного, как представляется, против такой мощной державы как СССР. Либеральные демократы нападают на речь, как образец британского империализма, наносящий вред делу ООН. Целиком и полностью поддерживают речь только крайне правые элементы.

6. Само обилие комментариев – очевидное свидетельство внимания к словам м-ра Черчилля (мало кто верит, что речь не была согласована с Правительством Его Величества, а присутствие президента Трумэна придало ей дополнительный вес). И хотя предложенные им меры еще не по вкусу явному большинству американской общественности, был, видимо, дан толчок определенному образу мысли и представлена проблема,

⁹ Сенатор А. Ванденберг – глава сенатского комитета по внешним сношениям.

¹⁰ Дж. Ф. Даллес – видный деятель Республиканской партии, впоследствии – Государственный секретарь США.

которая еще долго будет занимать общественное внимание, причем в форме, которую ей придал м-р Черчилль, а не в гораздо более сдержанных выражениях, в каких пытались подойти к ней американские деятели¹¹.

Из телеграммы посла Галифакса от 10 марта 1946 г.

[...] 4. Речь м-ра Черчилля

Здесь считается, что Президент Трумэн и Правительство Его Величества были в курсе речи м-ра Черчилля в Миссури, и это обстоятельство наряду с исключительной популярностью в Америке самого м-ра Черчилля привлекло к ней огромное внимание по всей стране. Хотя большая часть прессы и Конгресса не готовы одобрить ее в качестве адекватного решения существующих трудностей, речь дала самую сильную встряску американскому мышлению за весь послевоенный период по сравнению со всеми другими заявлениями.

5. Ревностные либералы и леваки в прессе, на радио и в Конгрессе, естественно, осуждают анализ коммунистической угрозы м-ром Черчилля как неоправданно враждебный Советскому Союзу и отвергают идею англо-американского союза, видя в ней схему поддержки Соединенными Штатами злокозненной имперской власти Британии. Либералы-центристы и умеренные, которым не нравится предлагаемый союз, не отвергают анализа, но опасаются, что своими филиппиками в адрес СССР м-р Черчилль мог нанести ущерб ООН. Консерваторы, которые, естественно, соглашались с таким диагнозом болезни мира, все-таки не готовы согласиться с предложенным лекарством. Например, сенатор Тафт¹² одобрил диагноз, но выступил против любых исключительных союзов. Сходную позицию заняли газеты Скриппса, которые поддерживают продолжение нынешнего «морального союза» между США и Великобританией, хотя редактор их международной службы Симмс, имеющий источники в Госдепартаменте, считает, что перекрестные союзы о взаимопомощи между членами большой тройки могут привести не к ослаблению, а усилению ООН.

6. Таким образом, большая часть артикулированных комментариев, отдавая должное самому оратору, не согласна либо с его диагнозом, либо с лекарством, либо и с тем и другим вместе взятыми. При всей глубокой обеспокоенности советской политикой, всё еще налицо неже-

¹¹ *The Earl of Halifax to Foreign Office, 8th March, 1946 // [2, p.128–129].*

¹² *Сенатор Р.Тафт – один из лидеров Республиканской партии в Конгрессе США.*

ление посмотреть фактам в лицо и боязнь последствий использования языка, предложенного м-ром Черчиллем. Кроме того, еще сохраняется ощущение, выраженное «Нью-Йорк Геральд Трибюн» и сенатором-республиканцем Брюстером из штата Мэн, что Соединенным Штатам следовало бы ориентироваться не на Великобританию, а на другую великую мировую державу. Липпман¹³ в своей колонке опять вздыхает и мрачно предсказывает, что США могут бесповоротно утратить свой престиж среди азиатских народов, если войдут в союз с Великобританией (несмотря на то, что в последнее время он вернулся к идее более тесного англо-американского сотрудничества в ответ на настораживающую речь Сталина)¹⁴.

7. Но американцы услышали м-ра Черчилля, и остается мало сомнений в том, что его речь задаст планку дальнейших дискуссий о мировых делах. Хотя, как ясно уже сейчас, предложения в духе создания англо-американского союза вряд ли получат большую общественную поддержку, если будут исходить от британских представителей, но похожие мнения, выраженные американскими деятелями, вполне могут встретить более позитивный прием, особенно если советская тенденция к экспансии будет продолжаться. Пусть взгляды м-ра Черчилля на данной стадии неприемлемы для большинства прессы и Конгресса, но Президент Трумэн и адмирал Леги¹⁵ по всем свидетельствам очень тепло похвалили его после выступления.

8. Одним из побочных продуктов речи стала конфузная огласка продолжающейся работы Совместного комитета начальников штабов¹⁶, которая до сих пор оставалась незамеченной. «Нью-Йорк Таймс» удивляется, чем он может заниматься в мирное время. А.Крок¹⁷ в своей колонке изобретательно защищает эту деятельность вопреки мнению конгрессменов, которые, как он пишет, сомневаются в ее полезности. Отве-

¹³ У.Липпманн – ведущий политический обозреватель США, в те годы работал в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн».

¹⁴ Имеется в виду речь Сталина в Большом театре 5 февраля 1946 г., в которой он говорил о задачах послевоенного восстановления и напомнил о капитализме как источнике войн.

¹⁵ Адмирал У.Леги – главный военный советник Трумэна, глава Комитета начальников штабов.

¹⁶ Англо-американский штаб, созданный в 1942 г. в Вашингтоне для ведения войны со странами «оси».

¹⁷ А.Крок – политический обозреватель «Нью-Йорк Таймс».

чая на вопросы журналистов, Президент во время пресс-конференции 8 марта сказал, что комитет продолжит работу до официального окончания войны, после чего этот вопрос будет заново рассмотрен¹⁸.

Сразу несколько моментов обращают на себя внимание при анализе этих телеграмм. Во-первых, объективное признание факта преимущественно негативной реакции американской общественности на речь Черчилля. Галифакс не стесняется назвать вещи своими именами и не украшает реального положения вещей. Во-вторых, четкая дифференциация этой реакции со стороны разных общественно-политических сил. В-третьих, тонкое улавливание психологического воздействия речи на весь американский дискурс по международным делам, в том числе – ее отложенного эффекта. Пусть речь не дала немедленного ожидавшегося результата, говорит по существу Галифакс, но она стала «сильной встряской» для общественного мнения США, которая заставила его задуматься, и «дала толчок определенному образу мысли» в нужном направлении – осознании серьезности «советской проблемы» и необходимости англо-американского сплочения для противодействия СССР. Тем самым Черчилль переформатировал повестку дня американской нации, сфокусировав внимание на новых проблемах – «процесс пошел».

Вместе с тем, Черчилль, видимо, не ожидал столь негативной реакции на два основных пункта своей речи – драматизацию «советской угрозы» и призыв к англо-американскому союзу. Даже уважаемая *Таймс* осудила проведенный им разительный контраст между «коммунизмом» и «западной демократией», которые, как писала газета, «могут многому научиться друг у друга: коммунизм – работе политических институтов и утверждению гражданских прав, западная демократия – развитию экономического и социального планирования» [6]. Консервативная антисоветская газета *Чикаго сан* назвала речь «призывом к мировому господству США и Британской империи, основанному на военной силе». Хотя Черчилль и говорил о своем уважении к России и Сталину, продолжала газета, «но эти слова звучат вхолостую на фоне той угрозы, которую будет представлять союз американского и британского народов, направленный против России» (Цит. по: [5, p.204]). Столкнувшись с этой критической реакцией, Белый дом предпочел публично дистанцироваться от спорной речи. На пресс-конференции 8 марта Трумэн заявил о своем предварительном «неведении» относительно ее содержания.

¹⁸ *The Earl of Halifax to Foreign Office, 10th March, 1946* // [2, p.130].

ния. (Черчилль благоразумно не стал поправлять президента). Ту же версию «непричастности» администрации озвучил и госсекретарь Бирнс, подчеркнув при этом, что курс «твердости» в отношении СССР будет продолжен. Администрация снизила уровень официального представительства на дальнейших мероприятиях с участием высокого гостя.

Черчилль, видимо, и сам понял, что зашел слишком далеко, и решил несколько изменить акценты в своих последующих выступлениях. Подходящий случай представился на встрече с аккредитованными в Вашингтоне журналистами разных стран, которые 11 марта организовали в его честь обед в Национальном клубе печати. Общение с журналистами проходило в конфиденциальном режиме «не для протокола». Черчилля сопровождал первый секретарь британского посольства Д.Маклин, который составил краткий отчет для Форин Офис об ответах экс-премьера на вопросы журналистов. По иронии судьбы автор этого документа был одним из членов знаменитой «кембриджской пятерки» агентов советской разведки. В посольстве он занимался ни больше, ни меньше как вопросами безопасности и секретным сотрудничеством США и Великобритании в области атомного оружия. В сопроводительном письме к отчету о выступлении Черчилля Маклин писал: «Что касается России, то я, как и большинство присутствующих, были поражены его гораздо более теплым тоном по сравнению с речью в Фултоне. Вы также увидите, что он лез из кожи, чтобы доказать, что вовсе не предлагал создать какой-либо "союз" между Британией и Соединенными Штатами. Пресс-конференция, на мой взгляд, прошла на ура, как обычно». Судя по служебным пометкам, письмо и сам отчет Маклина были доведены до сведения главы Форин Офис Э.Бевина.

Беседа м-ра Черчилля не для протокола

Сегодня на ланче для журналистов в Вашингтоне м-р Черчилль сделал следующие заявления. Они не предназначены для цитирования, но могут быть полезны для вас, поскольку их отзвуки неизбежно появятся в прессе, особенно среди комментаторов.

[...] 2. Братская ассоциация.

М-р Черчилль неоднократно повторил, что никогда не говорил о союзе между Британией и Соединенными Штатами. Он никогда не стремился к письменному оформлению такой ассоциации. Братские узы теснее и менее фиксированные. Он вовсе не ожидает, что Соединенные Штаты будут поддерживать нас во всех делах по всему миру; равным образом Британия не собирается во всем поддерживать США. Но должен быть

общий пул военных планов на случай чрезвычайных ситуаций, затрагивающих нас обоих. Он не думает, что это каким-то образом противоречит требованиям ООН. Он возлагает на эту новорожденную организацию большие надежды и считает, что она нуждается в базовом единстве англоязычных народов.

3. Россия. М-р Черчилль является противником вмешательства во внутренние дела других стран (кроме тех, за которые мы несем ответственность в результате войны). Он не считает, что коммунизм в России сейчас очень силен; напротив, он скорее быстро превращается в предмет экспорта. М-р Черчилль – убежденный противник тоталитарного правления и выступает против его распространения. Тем не менее он хотел бы видеть Россию в семье других держав; он за то, чтобы ее корабли бороздили все моря, а ее граждане ездили бы по всему свету. Он протягивает руку дружбы благородному русскому народу – нашему доблестному союзнику в войне. Но дружба требует взаимности. Мы должны быть не только твердыми, но и дружественными в отношении России.

4. Внешняя политика. Во внешней политике не произошло никаких серьезных перемен с приходом нового правительства. Большинство его основных членов были его коллегами в годы коалиционного правления. Серьезных перемен и быть не может, потому что новое правительство хорошо знает, за что мы сражались в войне. Мы сражались не за базы, нефтяные концессии или территории в какой-либо части мира, а только ради чести и ничего другого. Мы сражались за свободный, либеральный мир, устремленный в будущее, с чем был согласен весь британский народ.

Он действительно обсуждал с м-ром Рузвельтом на второй Квебекской конференции превращение Германии в сельскохозяйственное государство, но никаких соглашений на сей счет не было, а после дальнейшего обсуждения между нашими правительствами эта идея была отставлена. Он очень надеется, что германская промышленность никогда больше не станет угрозой миру, но считает, что невозможно и нежелательно превращать Германию в чисто сельскохозяйственную страну.

В Потсдаме, будучи премьер-министром, он никогда не соглашался на продвижение западной границы Польши по реке Нейсе; окончательное решение на сей счет было принято после оглашения результатов выборов (в Великобритании. – *В.П.*) и без его согласия.

7. Атомная бомба. М-р Черчилль ясно заявил, что не верит в возможность сохранения ее секрета надолго. В то же время он думает, что было бы неразумно делать его общим достоянием. Например, м-р Франко,

«правление которого получило продолжение и которого все справедливо опасаются», стал бы сильнее, если бы секрет атомной бомбы попал ему в руки, а не тщательно охранялся как сейчас¹⁹.

А вот как освещались события тех же дней в итоговом отчете Галифакса:

[...] 7. Во время пребывания м-ра Черчилля в Вашингтоне посольство ежедневно получало более сотни писем и телеграмм от его поклонников, содержавших отклики на его заявления, приглашения, просьбы о фотографиях, автографах и советах. Вскоре стало очевидным, что основная критика его речи в Фултоне была порождена не столько его предупреждением о возможной советской агрессии, сколько непониманием его энергичного призыва к англо-американскому единству, который неверно трактовался как призыв к военному союзу. Если оставить в стороне сознательные преувеличения со стороны безответственных газет, можно сделать вывод, что это непонимание вызвано в основном известным интересом м-ра Черчилля к военным вопросам и его рекомендацией объединить военные ресурсы наших стран. Критика речи за якобы содержащийся в ней призыв к «сговору» против Советского Союза и в защиту британского империализма исходила от широких слоев американской общественности. Протесты же против его предупреждения о советском экспансионизме исходили в основном от личностей и организаций, придерживающихся других идеологических взглядов. В этих же кругах Президента критиковали за то, что своим присутствием он придал этому событию дополнительный вес и за его видимое одобрение основных моментов речи.

8. В своих последующих выступлениях, особенно – в «Валдорф Астории» 15 марта, м-р Черчилль разъяснил, что, хотя он не собирается брать свои слова обратно, он имел в виду отнюдь не полномасштабный военный союз, а союз сердец и идеалов, при котором в формальном союзе не будет нужды. Это объяснение не смогло унять разгоревшиеся споры, но, как отмечалось в моей телеграмме от 12 марта, в более умеренных кругах появилась тенденция к пересмотру первоначальных неблагоприятных оценок фултонской речи.

9. Было много спекуляций на тему, говорил ли м-р Черчилль с предварительного согласия Правительства Его Величества. Заявление Премьер-министра в Палате общин о том, м-р Черчилль не консультировал-

¹⁹ *D.Maclean to P.Dixon, 12th March, 1946 // [2, p.12–13].*

ся заранее о своей речи с ним или другими членами Кабинета, было воспринято с недоверием. Однако, несмотря на негативные оценки речи общественным мнением в ряде важных кругов, м-р Черчилль остается идолом бесчисленного количества американцев, и не может быть сомнения в том, что он сфокусировал внимание широкой общественности на общей проблеме Советской России, причем в такой степени, какая не удавалась ни одному из деятелей самой американской администрации.

10. Посещение м-ром Черчиллем Законодательного собрания Вирджинии в Ричмонде в сопровождении генерала Эйзенхауэра и последующий осмотр Вильямсбурга прошли с большим успехом, и генерал Эйзенхауэр с подлинным чувством высказывался о роли, которую бывший Премьер-министр сыграл в годы войны.

11. Во время своего пребывания в Вашингтоне м-р Черчилль имел возможность возобновить знакомство с членами Правительства Соединенных Штатов, а генерал Эйзенхауэр устроил для него небольшой прием в военном министерстве, на котором присутствовали многие из его руководства.

12. В воскресенье 10 марта я пригласил небольшую группу ведущих сенаторов и конгрессменов, включая сенатора Ванденберга, на обед в посольстве для встречи с м-ром Черчиллем. Сам я, к сожалению, не смог присутствовать из-за нездоровья. После обеда, как описано в полуофициальном письме м-ра Маклина м-ру Диксону от 18 марта, м-р Черчилль объяснил присутствующим, что он выступает за предоставление займа²⁰ и что его возражения по этому поводу имеют чисто технический характер. Он, в частности, предупредил, что отказ в займе неизбежно приведет к торговой войне и что он необходим для того, чтобы Великобритания вновь встала на ноги в экономическом отношении. Займ, по его словам, не имеет никакого отношения к неприятным для США внутренним вопросам. Было видно, что эти объяснения произвели большое впечатление на аудиторию, которая была настроена дружески и сочувственно.

13. 11 марта, в последний день своего пребывания в Вашингтоне, м-р Черчилль посетил ланч, устроенный в его честь Национальным клубом печати, на котором выступил не для протокола. Там он повторил свои высказывания о займе, сделанные накануне, а затем подчеркнул разницу между военным союзом, который он никогда не имел в виду предлагать, и своим мнением о необходимости координации военных планов на слу-

²⁰ Речь идет об американском займе на послевоенное восстановление, которого тогда усиленно добивалось британское правительство.

чай чрезвычайных обстоятельств, способных затронуть обе наши страны. Он заявил, что подобные действия не противоречат требованиям Организации Объединенных Наций, на которую он возлагает большие надежды. Он также выразил убеждение в том, что сохранение мира требует базисного единства англоязычных народов. М-р Черчилль с теплом отозвался о вкладе русского народа в войну, но категорически осудил тоталитарное правление и его насильственное распространение на более слабые соседние государства. Он высказался за сохранение Соединенными Штатами секрета атомной бомбы, хотя не думает, что его можно сохранять бесконечно [2, p.118–119].

Самое развернутое выступление после Фултона Черчилль сделал во время торжественного ужина в его честь, устроенного нью-йоркскими властями и городской знатью 15 марта в фешенебельном отеле «Валдорф Астория». Оно также не предназначалось для широкой публики, но Черчилль имел все основания надеяться, что его отзвуки распространятся далеко за пределы Пятой авеню, где располагалась эта гостиница. Британское посольство уже на следующий день исправно переправило текст выступления в Лондон.

В течение десяти дней после фултонской речи обстановка внутри США и мире в целом заметно изменилась. Белый дом усилил нажим на СССР сразу по нескольким направлениям. Еще 5 марта – как бы в аккомпанемент речи о «железном занавесе» – Вашингтон потребовал от Москвы предоставить все копии экономических соглашений СССР со странами Восточной Европы, заявил протест против советского экономического вмешательства в Маньчжурии, потребовал объяснений причин задержки советских войск в Иране.

6 марта было объявлено об отправке в Стамбул тяжелого американского линкора «Миссури» под предлогом возвращения тела скончавшегося в США турецкого посла. А на самом деле – для демонстрации поддержки Турции в трудный для нее момент противостояния советским требованиям в вопросе о Черноморских проливах и территориальных претензиях по Карсу и Ардагану. 13 марта Комитет начальников штабов США в ответ на запрос Госдепартамента о последствиях удовлетворения советских требований по Турции сделал однозначный и подчеркнутый алармистский вывод: «Поражение или дезинтеграция Британской империи устранил в Евразии последний оплот сопротивления Соединенных Штатов советской экспансии. После этого военный потенциал США и их возможных союзников по общей идеологии может оказаться меньшим, чем потенциал расширившегося Советского Союза» [3]. В те же дни

информационная служба Киплинджера²¹, имевшая хорошие связи в военных кругах, сообщала своим подписчикам о «новом настрое» американских военных: «настало время остановить русских, пока не поздно». В печати поползли питаемые правительственными «утечками» тревожные слухи о планах атомных бомбардировок бакинских нефтяных месторождений в случае выдвижения Красной Армии к границе с Турцией [4, p.1–2].

Британская и американская дипломатия развернули широкую кампанию давления на СССР в иранском вопросе. В то время в Москве шли трудные переговоры с правительственной делегацией Ирана по поводу предоставления Советскому Союзу нефтяной концессии, и Сталин задерживал вывод советских войск из Ирана до разрешения этого вопроса. Англо-американцы впервые использовали трибуну Совета Безопасности ООН для раздувания иранского кризиса и дипломатической изоляции СССР. К этому времени достигла своего апогея и пропагандистская кампания вокруг фултонской речи в самом Советском Союзе. Центральные газеты опубликовали основное содержание речи с критическими комментариями. Академик Е.В.Тарле по личному указанию Сталина написал развернутую статью на эту тему в *Известиях*. А 14 марта сам «Хозяин» ответил на вопросы *Правды* длинным интервью, в котором обрушился на Черчилля как поджигателя войны, призывавшего к новому крестовому походу против СССР и установлению мирового господства англо-американской расы. Он также попытался опровергнуть рассуждения Черчилля о железном занавесе и отсутствии демократии в странах Восточной Европы. Ведущие западные газеты сообщили об этом интервью уже на следующее утро, так что у Черчилля была возможность среагировать на этот выпад своего недавнего «товарища по оружию» в вечерней речи в «Валдорф Астории». При том, что сталинские выволочки были для Черчилля привычным делом со времени их переписки в годы войны, он, видимо, не ожидал столь оглушительного ответа, но старался воспринимать его философски. В своем кругу он говорил, что такое внимание ему даже «льстит», хотя «если бы мне пришлось наброситься на Уинстона Черчилля, то я бы гораздо лучше справился с его осуждением» [5, p.213].

²¹ Частное информационное агентство США, распространявшее информацию среди своих подписчиков.

Из речи Черчилля в отеле «Валдорф Астория» 15 марта 1946 г.

Губернатор Дьюи²², г-н мэр, Ваши превосходительства и друзья!

Для меня это замечательное собрание, равному которому я не помню, является кульминацией моего нынешнего пребывания в Соединенных Штатах для отдыха и лечения. Мне было чрезвычайно приятно вновь встретиться со многими друзьями военных и более ранних лет, выслушать похвалы в свой адрес, которые я не заслуживаю, и в адрес моей страны, ценность которых для меня не поддается описанию. Как бы я хотел, чтобы мы могли ограничиться прославлением прошлых великих побед и достижений, но, как говорится в знаменитой фразе, мы живем во времена бесконечных вызовов, а цена свободы – это вечная бдительность. Поэтому я должен не только выразить свою радость по поводу всего того, что означает наше собрание в связи с прошлым, но и обратиться к проблемам, терзающим нас сегодня.

Когда я десять дней тому назад выступал в Фултоне, то ощущал необходимость в том, чтобы кто-то, свободный от официального статуса, в захватывающих выражениях описал бедственное состояние нынешнего мира. Я не хочу менять или убирать хотя бы единое сказанное мною слово. Меня пригласили в эту страну свободно высказать свой совет и я уверен, что выраженная мной надежда на укрепление единства наших двух стран осуществится не благодаря каким-то речам, а в силу великих приливов в делах и судьбах человеческих.

Единственный вопрос, который для меня остается открытым, состоит в том, будет ли необходимая гармония мысли и дела между американским и британским народами достигнута планомерно и вовремя, чтобы предотвратить новую мировую схватку, или это произойдет уже после начала этой схватки, как это случилось раньше.

Я убежден, что ответ на этот вопрос будет положительным. Я не верю, что война неизбежна или уже стоит на пороге. Я не верю, что правители России сейчас хотят войны. Я уверен, что если мы спокойно, но решительно встанем на защиту не узких национальных интересов и амбиций, а идеалов и принципов, закрепленных в Уставе Объединенных Наций, то нас поддержит подавляющее большинство народов мира. Опираясь на этот растущий моральный авторитет, дело мира и свободы уверенно восторжествует, и мы с Соединенными Штатами во главе сможем продолжить благородную работу по преодолению голода, исцеле-

²² Т.Дьюи – губернатор штата Нью-Йорк, кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1944 и 1948 гг.

нию ужасных ран гитлеровской войны и восстановлению разрушенного здания человеческой цивилизации.

В тоже время позволю себе заявить, что прогресс и свобода для всех народов мира под сенью права, обеспечиваемого всемирной организацией, не осуществляются, а мир процветания не наступит без упорных, добросовестных и бесстрашных усилий британской и американской общественных систем.

За десять последних дней обстановка в мире радикально изменилась в результате решений, принятых, должно быть, еще какое-то время назад. Вместо спокойного обсуждения широких и долгосрочных тенденций мы оказались в гуще стремительно развивающихся событий, которые сейчас никто не может просчитать. По возвращению домой мне, вероятно, еще придется говорить об этой новой ситуации.

Тем не менее, сегодня я тоже хочу немного сказать об этом, дабы не упускать подходящего случая. Если какие-то мои слова и привлекают внимание, так только потому, что они находят отклик в сердцах людей всех рас и уголков Земли, которые любят свободу и воюют с тиранией. Но ничто, сказанное другими, не умалит моего уважения и восхищения в отношении русского народа. Мое искреннее желание, чтобы Россия жила в безопасности и процветании и заняла бы почетное место в рядах всемирной организации. Сможет ли она этого добиться, зависит только от решений кучки способных людей во главе со своим знаменитым вождем, которые держат в своих руках судьбы 180 миллионов русских и многих миллионов людей за пределами России. Мы все помним, какие ужасающие потери Россия понесла при гитлеровском вторжении, как она выстояла и с триумфом оправилась от ударов, равных которым не знала никакая другая страна.

Во всем англоязычном мире есть широкое и глубокое чувство симпатии к русскому народу и полная готовность трудиться с ним на равных, чтобы ликвидировать разруху войны во всех странах. Если Советское правительство не воспользуется этим отношением, а будет его охлаждать и подрывать, то вся ответственность за это ляжет на него.

У него сейчас, кстати, есть прекрасная возможность ответить на критику и речи, которые ему не нравятся. Путь к этому открыт в ближайшие несколько недель. Британское правительство, которое я тогда возглавлял, подписало договор с Россией и Персией (или, если угодно, Ираном, что легко спутать с Ираком), согласно которому мы торжественно обязались уважать суверенитет и территориальную целостность Персии и к определенному сроку вывести оттуда свои войска. Этот договор был подтвержден

в Тегеране трехсторонним соглашением, подписанным главой Советского правительства, покойным Президентом Рузвельтом и мною.

Следуя этому соглашению, вооруженные силы Соединенных Штатов и Великобритании покинули эту страну. Но теперь мы узнаём, что Советское правительство вместо вывода своих войск посылает туда новые части. Друзья мои, это один из тех случаев, для разбора которых и создавался Совет Безопасности ООН, и я рад прочесть в газетах (в которых есть немало точных сведений), что советский представитель примет участие в его заседании здесь, в Нью-Йорке 25 марта. Пусть там будет достигнуто решение этой проблемы и пусть даже великие и заинтересованные стороны отнесутся к решению Совета с должным уважением. Это послужит укреплению верховенства международного права и международных основ прочного мира.

Нет никаких оснований для того, чтобы Советская Россия считала себя обделенной за свой вклад в войну. Ее потери, о которых мы искренне скорбели, были огромными, но ее приобретения великолепны. Два ее главных врага – Германия и Япония – разгромлены, причем Япония была повержена почти исключительно силой американского оружия. Без особых усилий Россия вернула себе всё захваченное Японией сорок лет назад. На Западе страны Балтики и значительная часть Финляндии вошли в состав России. И я рад тому, что линия Керзона не является больше вопросом²³.

Теперь мы подходим к вопросу о Дарданеллах. Я всегда был готов приветствовать русские флаги на русских судах во всех морях и океанах мира. Я всегда говорил нашим советским союзникам, что мы поддерживаем пересмотр конвенции Монтрё о Проливах²⁴. В Потсдаме мы с американцами предложили России совместно гарантировать свободу прохода гражданских и военных судов через Проливы как в мирное, так и в военное время. Я уверен, что Турция с удовольствием поддержала бы такие гарантии.

Но теперь нам говорят, что этого недостаточно, что там нужно создать военные базы, которые прикрывали бы Константинополь. Но, друзья мои, это значит не сделать Проливы открытыми, а дать одной державе возможность закрывать их. Это идет вразрез с принципом свободы

²³ *Имеется в виду новая граница между СССР и Польшей, проведенная примерно по «линии Керзона», предложенной англичанами еще в 1918 г.*

²⁴ *Подписанное в 1936 г. в Монтрё (Швейцария) международное соглашение, которое регулировало режим прохода судов через Проливы.*

судоходства, который представители Соединенных Штатов отстаивают применительно к великим водным путям Европы – Дунаю, Рейну и другим рекам, протекающим по территории разных стран. Так или иначе, это наше предложение остается в силе, и если Советская Россия будет упорствовать в оказании давления на Турцию, этот вопрос следует передать Совету Безопасности ООН. Это явится первым большим испытанием этой всемирной организации, на которую все мы возлагаем такие большие надежды.

В последние дни много говорится о том, что налицо большое непонимание. Я с этим полностью согласен. Можно ли представить себе большее непонимание, чем утверждения о том, что нынешнее правительство Великобритании не является свободным и демократическим, поскольку состоит из представителей только одной партии, тогда как в правительствах Польши, Румынии, Болгарии и других стран заседают представители разных партий? Это относится и к Соединенным Штатам, где исполнительная власть принадлежит одной партии.

Этот довод игнорирует тот факт, что демократические правительства основаны на свободных выборах. Люди свободно и справедливо выбирают, какой из партий они готовы доверить власть. Они имеют все права критиковать эту партию и ее правительство, а также менять их в соответствии с конституционным порядком по своему желанию или через небольшие промежутки времени. Нельзя считать выборы демократическими, если в них реально участвуют кандидаты только одной партии, а избиратель лишен тайны голосования. Это явная профанация.

Все эти непонимания можно устранить, если мы благополучно пройдем через нынешний трудный период, и если американцы, британцы и русские смогут свободно общаться и видеть, как устроены порядки в разных странах. Мы, несомненно, можем многому научиться друг у друга ... [2, p.138–141].

В этой речи Черчилля есть несколько любопытных моментов. В еще большей степени, чем в Фултоне, он отделяет советский народ от «кучки» его лидеров, в которых видит главное препятствие на пути к «урегулированию с Россией», отдавая при этом должное их незаурядным качествам. Интересна и его откровенная оценка «приобретений» СССР в ходе Второй мировой войны, хотя он явно принижает вклад Советского Союза в разгром Японии. Заявление англичанина по иранскому и турецкому вопросам фактически прозвучало вежливым ультиматумом советскому руководству – приглашением к отступлению от своих пози-

ций перед лицом совместного англо-американского отпора. Зловещий оттенок речи придает пассаж, в котором Черчилль фактически ставит американцев перед выбором – союз с Британской империей сейчас для предотвращения дальнейшей «советской агрессии», либо тот же союз в ответ на уже начавшуюся войну, как пять лет назад в отношении стран «оси». Наконец, любопытен и скрытый ответ Черчилля Сталину о демократии в странах Восточной Европы, который для американской аудитории был убедительней доводов его кремлевского оппонента. Но вернемся к заключительной части отчета Галифакса.

[...] 13. В Нью-Йорке главными церемониями с участием м-ра Черчилля стали прием в здании мэрии 15 марта и ужин в «Валдорф Астории» вечером того же дня, устроенный в его честь общественными организациями, о котором я уже упоминал. Несмотря на плохую погоду свыше 700 тыс. человек, по имеющимся оценкам, вышли приветствовать его на улицы города, когда его кортеж направлялся к мэрии. Энтузиазм толпы, как сообщается, был огромным и неподдельным, хотя и оппозиция была представлена одиночными фигурами, выстроившимися вдоль его маршрута.

14. Выступления м-ра Черчилля 15 марта были встречены присутствующими с энтузиазмом. Тексты его кратких выступлений в мэрии и клубе Метрополитэн переданы в моем сообщении от 18 марта, а текст его речи в «Валдорф Астории» – в моей депеше от 16 марта. Последняя, как я уже сообщал, встретила гораздо более теплый прием, чем речь в Фултоне, и помогла устранить имевшиеся недопонимания.

16. 18 марта м-р Черчилль посетил Колумбийский университет для вручения ему почетной ученой степени. Текст его выступления был передан в приложении к моей депеше от 20 марта. В тот же день он кратко выступил в Университетском клубе на ланче в его честь. Там присутствовал сэр Франсис Эванс²⁵, сообщение которого об этом выступлении я прилагаю к данному отчету. М-р Черчилль согласился дать прощальную пресс-конференцию 21 марта на борту «Куин Мэри», изложение которой было передано в моей телеграмме №602.

17. Будучи в Нью-Йорке, м-р Черчилль также посетил м-с Рузвельт в Гайд-парке и остановился на ночь в Олбани у губернатора Дьюи. Накануне отъезда он нанес визит кардиналу Спеллману²⁶.

²⁵ Сотрудник британского посольства в США.

²⁶ Ф. Спеллман – католический архиепископ г. Нью-Йорка в 1939–1967 гг.

18. Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что визит м-ра Черчилля был полезным для англо-американских отношений. Ему удалось прояснить приписываемые ему заявления относительно нынешнего Правительства Его Величества и его политики. Он сумел успокоить широкие круги американцев насчет коренного единства британских народов и создать у них впечатление о том, что, несмотря на стоящие перед ней большие трудности, Великобритания исполнена решимости восстановить свои экономические позиции и сыграть конструктивную роль в установлении международного порядка.

19. В более широком смысле красноречие м-ра Черчилля немало способствовало осознанию американцами своей ответственности в качестве ведущей мировой державы. Даже при том, что его концепция братского англо-американского единения не вызвала желаемого отклика, большая часть общественного мнения признала, хотя и неохотно, правоту его диагноза мировой ситуации [...] ²⁷.

В самом деле, главный эффект фултонской речи состоял в воздействии на общественное мнение США – она помогла поставить «советскую угрозу» на первый план и тем самым заложить социально-психологические основы холодной войны. Сам Черчилль в отчете о поездке для британского Кабинета с удовлетворением писал: «После почти трех дней самого тесного и дружественного контакта с президентом и его ближайшим окружением я полностью убедился в том, что здешняя исполнительная власть глубоко уязвлена обращением со стороны русских и не собирается терпеть их нарушения договоров в Иране, проникновение в Маньчжурии и Корее или давление русской экспансии в Турции и Средиземноморье. Я убежден, что определенная демонстрация мощи и силовое сопротивление необходимы для достижения приемлемого урегулирования с Россией. Предсказываю, что в ближайшем будущем к этому сведется и преобладающее мнение в Соединенных Штатах» [5, p.205].

Так оно и получилось. Шумиха вокруг иранского и турецкого кризисов, подогреваемая Госдепартаментом, активное использование Вашингтоном и Лондоном трибуны ООН для публичного осуждения «советской экспансии» в этом регионе способствовали тому, что уже через месяц после Фултона, согласно опросам, доля сторонников англо-американского союза, к которому призывал Черчилль, выросла почти вдвое (до 85%), а

²⁷ *The Earl of Halifax to Mr. Bevin, 15th April, 1946 // [2, p.119].*

доля осуждавших «поведение русских» возросла до 71%. Последовавшее в конце марта советское решение о выводе войск из Ирана не изменило ситуации, ибо отступление Москвы целиком приписывалось «твердости Запада», которую следовало проявлять и впредь.

Но психологический эффект фултонской речи не ограничился англо-американским миром. В Кремле она была воспринята как серьезная угроза. Призыв экс-премьера к сплочению англоязычного мира обозначал тревожную перспективу появления англо-американского блока против СССР. Соединение же американской военно-экономической мощи и атомного оружия с глобальной стратегической инфраструктурой Британской империи было чревато для советской страны самыми серьезными последствиями. Неслучайно Сталин в дипломатической и пропагандистской реакции на речь пытался противодействовать этому сближению, направив огонь критики против «Черчилля и его друзей» и отделив их от правительства США.

Однако речь Черчилля стала для него и возможностью, которую Сталин мастерски использовал в интересах своей стратегии мобилизации советского народа на новые свершения и жертвы для укрепления державной мощи СССР в борьбе с империалистическим Западом. Речь старого антисоветчика пришлась как нельзя более кстати. Она воскрешала подзабытый за годы войны образ врага, а угроза новой войны обретала реальное узнаваемое лицо, зовя к боеготовности и бдительности. Как показывают документы Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП (б), именно после фултонской речи советская пропаганда по команде из Кремля быстро перестраивается на воинственный антизападный лад (подробнее см.: [1]). Фултонская речь впервые открыто бросила фундаментальный вызов Сталину, который тот не мог не принять. Созданная им система была еще слишком сильна, чтобы капитулировать.

Библиографический список

1. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006, 375 с.
2. Records of the Foreign Office (FO) 371/56780-56790 // The National Archives, Kew, Richmond, Surrey.
3. W. Leahy to J. Byrnes, 13 March, 1946 // The National Archives, College Park, Maryland, Record Group 218, Records of the Chairman, Willaim D. Leahy, 1942–1948, Box 18.
4. Documentary History of the Truman Presidency. Bethesda, Md.: Univ. Publications of America, 1996. Vol. 14. 551 p.
5. Gilbert M. Never Despair. Winston Churchill, 1945–1965. L.: Houghton Mifflin, 1988. 1438 p.
6. The Times, 6 March, 1946.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр», главный редактор
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Журавлев Валерий Васильевич

профессор, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой новейшей истории России
Московского государственного областного университета,
главный специалист
«Центра документальных публикаций» РГАСПИ

Гриценко Святослав Александрович

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Института радиотехнических и телекоммуникационных систем
МТУ МИРЭА

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук, директор Центра
проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества, член Американского
геронтологического общества, историк, публицист

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела
обеспечения сохранности документов РГАСПИ

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра «История России в XIX–начале XX в.», ФГБУН
Институт российской истории РАН

Печатнов Владимир Олегович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории и политики стран Европы и Америки
МГИМО-Университета МИД России

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
“Experimental Creative Center”, Editor-in-chief of “Russia XXI”,
Chief producer of the Theatre “On the Boards”

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D. Sci., historian, Professor, the Head of Chair for the Modern
Russian History, Moscow State Regional University,
head specialist of the “Centre Documentary Publications”,
the Russian State Archive of Socio-Political History

Gritsenko Svyatoslav Aleksandrovich

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages of the Institute
of Radio Engineering and Telecommunication Systems MTU MIREA

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in biology, biochemist-gerontologist, the honorary member
of the Biochemical Society and of the American Gerontological
Society, historian, publicist

Myagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian, Deputy Head of the Department for Safety
Documents, Russian State Archive of Socio-Political History

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, senior fellow researcher
of the Center “History of Russia in XIX-early XX century”, FGBUN
Institute of Russian History,
the Russian Academy of Sciences

Pechatnov Vladimir Olegovich

D. Sci., historian, Professor, Head of Chair of European and American
Policy of Moscow State Institute of International Relations–University

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
(подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12
e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ:

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Кроме того журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой по всей России или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
сайт www.hamlet.ru, тел.8(495)621-41-10

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.

Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2016.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 17.06.2016. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ПАО «Т8»,
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д.42, корп.5, ком. 6

3. 2016 may-june



Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

By Iron and Blood. The Conflict in Time
and Space _____ **6**



Labels and Myths

Valeriy Zhuravlev

The First State Duma as “the Mirror
of the Russian Revolution”. To the 110th
Anniversary of its Nascence
and Destruction _____ **30**



European Parallels

Sviatoslav Gritsenko

Pro-German Beliefs of King Oscar II as the
Factor of Sweden’s Political Life _____ **66**



Pages of History

Vladimir Degoev

Peter the Great's Diplomacy at the Final Stage of Russo-Turkish War of 1686–1700. Part III _____ **78**

Zhores Medvedev

Perestroika to the Ground (the continuation) _____ **104**



Topical Archive

Elena Myagkova

“Demons”, “Gamblers” and “Dreamers” or How a Person Becomes a Revolutionary. Part III _____ **130**

Nina Khailova

“One of the Last Mohicans of the 1870s”. A.S.Posnikov, the Liberal Centrist _____ **150**

Vladimir Pechatnov

Echo of Churchill's Fulton Speech in Light of New Documents _____ **170**

РОССИЯ XXIX